

Мансуров Андрей

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Да здравствует Герберт Уэллс!

Боевая фантастика

Андрей Арсланович Мансуров

Да здравствует Герберт Уэллс!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57207356

SelfPub; 2020

Аннотация

Законспирированная молодёжная организация вербует, перевоспитывает и тренирует боевиков из числа малообеспеченных подростков, чувствующих себя ущемлёнными. Культивирует в них ненависть к состоятельным и "понаехавшим". И просто – чужакам. Культ грубой физической силы царит в отделениях Братства – в ячейках, где обучают и тренируют будущих бойцов Сопротивления. Цели: "выдавить" из страны всех чужаков. Наказать зарвавшихся мажоров, бандитов и взяточников. Но не получится ли так, что это движение со временем поменяет приоритеты и станет орудием в чьих-то грязных руках? Об этом и многом другом начинает задумываться боец Ривкат, состоящий в Братстве в основном из-за острого чувства ненависти к тем, кто богаче, и понаехавшим, и жажды острых ощущений и невероятных приключений, которые получает в фантастических мирах благодаря некоей машине... Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть 1. Меч во тьме	4
1. Будни: война и учёба	4
2. Машина	17
3. Свободный поиск	28
4. Четвёртый уровень	43
5. Город	55
6. Дом	68
7. Школа	84
8. Новая работа	99
9. Механический монстр	115
10. Монстр из плоти	129
11. Дом, милый дом...	143
12. Фиолетовый Мир	157
13. Провокация	174
14. Псы-рыцари	188
Конец ознакомительного фрагмента.	192

Часть 1. Меч во тьме

1. Будни: война и учёба

Появилась возможность – бей уродов!

Девиз Братства.

Все имена, названия и события вымышлены. Любые совпадения случайны.

Его правый боковой в челюсть я встретил, не сделав ни малейшей попытки уклониться.

От удара меня, понятное дело, отбросило на полшага в сторону, (Масса тела, стало быть, ещё мала!) но голова к плечу не откинулась, и тело в нокаут не уехало.

Ещё бы! Мышцы шеи у меня – что твои канаты. А каппу-то я заранее засунул, едва его завидев. Да и челюсть у меня... Повидавшая, как говорится, виды.

Хотя по мне этого наверняка не скажешь. Чем и пользуюсь. Нагло. Вот как сейчас.

Так что когда этот гад вылупился удивлённо, не понимая, почему я не падаю, отрубившись, или не скрючиваюсь в три погибели, схватившись за рот и сожалея о выбитых зубах, или просто не вою от боли, пришёл и мой черёд.

Так, сместиться чуть влево, сделав обманное движение

ногой, будто наношу хайкик в голову. А теперь – пригнуться, напрячь ноги, и правой рукой, вставая, – в печень!

И пусть мои ручки-дрычки и выглядят тощенькими, особенно в старенькой застиранной футболке, обнажающей их до локтя, и похожи, скорее, на рычаги, обтянутые кожей, поставленного удара это отменить не может! Мышцы в них – будь здоров!

Собственно, суть любого движения кикбоксёра очень проста: дело не в силе мышц, а в скорости движения конечностей! Молодец Эйнштейн: это именно он доказал, что «Е» равно эм вз квадрат. Пусть и пополам. Да и вообще: бьют – не рукой, а – телом! Всем!

Ну а сложить кулак кистевым хватом я не забыл.

Жирный тварь сложился буквально пополам, изо рта донёсся хрип, затем – стон. Рот стал делать судорожные движения, словно его обладателю не хватает воздуха... И вот уже оскорблявшее меня д...мо, свято верящее в свою силу и неуязвимость, (Видать, привык, что люлей за него огребают виртуальный герой!) сморщился, оскалившись словно крыса, которой наступили на хвост. Упал на колени. Затем и наземь повалился. И стошнило его.

Ну что могу сказать: даже проклятые гамбургеры надо бы разжёвывать получше.

Ничего, пусть скажет спасибо, что я не позволил очередной порции жира отложиться в его спасательных кругах. И ещё поблагодарит, что я целился не совсем в печень, а всё-

таки ближе к середине живота – неохота отвечать перед судом за его разорванный самый важный для пищеварения, и всего остального, орган. Так что эффекта я достиг двойного: он и от боли и обиды выл, и действительно задыхался от нехватки воздуха.

Солнечное сплетение где-то там, рядом, и тоже попало в зону удара.

Стоя над корчащимся и всё ещё разевающим рот, точно чёртова выброшенная на берег рыба, скотом, я невольно вернулся памятью к тому моменту, когда впервые увидел его нескладную фигуру в конце переулка. Проверить надо: всё ли я сделал, как надо.

Намётанным взглядом я тогда сразу понял: мой клиент!

Очень толстый, прямо гора. Этакий овоид на ножках. Вернее – на ножищах. Бёдра потому что – как туши свиней, да ещё и коленки утоплены как бы внутрь – свойственно всем, кто вынужден таскать свой вес, не утруждая себя спортом. Наверняка лентяй. И любитель фаст-фуда. Головка гротескно маленькая относительно торса. И располагается заметно позади торчащего вперёд брюха. Походка – словно у перекормленной утки. Ну, или выглядит всё так, словно ему его круглые штуковины, которые обычно мешают плохому танцору – натирают. Уж больно большие! Выражение на лоснящейся роже – как у самовлюблённого и самоуглублённого верблюда: вы все – ничто, а я – пуп земли!

Ага, два раза! Может, и пуп, но только – в своём вообра-

жении. Ну, или для более мелких, и дохленьких одноклассников, которых легко может локализовать в тесноте класса, и задавить одной только массой. Таких как он мне как раз и приятней всего...

Учить уму-разуму.

И доказывать, что играя в виртуальные игры мышц не накачаешь. Как, впрочем, не обретёшь имгновенной реакции. И выносливости. И много чего ещё – в Братстве мы отлично знаем, чего!

Ну и главное условие: придурок прёт вперёд, уставясь в свой чёртов айпад восемьдесят-какой-то-там модели, воткнув в уши наушники модного тренда, и ещё и губами что-то лепечет – не иначе, как повторяет текст, который произносит очередной «крутой» герой дебильного шутера, перед тем, как въехать в челюсть очередному гоблину, или срубить башку очередному дракону. Ну, или разворотить из помповика череп очередному зомби.

И все эти детали я различаю отлично, поскольку вижу сквозь пустые глазницы своих очков – а точнее говоря, стальной оправы – не в пример лучше, чем большинство даже моих сверстников, любителей виртуала, астрала, и прочих замкнутых геймеров.

Вот за двадцать шагов до встречи я и засунул в рот каппу. Но уж постарался, чтоб на мою бортовую камеру это не попало. А сделать это несложно – у неё охват всего-то сто двадцать градусов.

Когда этот гад в меня врезался, уж я постарался мордочку скорчить обиженно-удивлённую, словно у суслика какого, и скривиться, отскочив от его торчащего пуза, будто от надувного матраца:

– Поосторожней можно? – писклявых ноток в тон подбавить не забыл.

Придурок остановился. Оторвался наконец от планшетника. Ткнул в «выкл». Виртуальная коробочка с ладони исчезла. Жиртрест окинул меня оценивающим взором крокодила, перед которым вдруг прямо с неба плюхнулась жирная курица. Прищурился. Даже вынул наушники из ушей. Презрения в голосе не заметил бы только полный идиот:

– Смотреть надо, куда прёшь, ты, недоумок-недомерок!

– Вот ты и смотри! Ты же – «большой и сильный»!

– Да, я сильный. И всякую мелюзгу прибабацанную замечать первым не обязан! Нужно было обойти меня. Да, кстати, debil. Ну-ка, извинись! Ты сбил меня с настроя!

– С чего-чего? – делаю вид, что и напуган его грозно возвышающейся надо мной фигурой, и одновременно не хочу совсем уж потерять лицо, сразу отступив и задрав кверху лапки, – С настроя? А ходить не по центру дороги тебя мама с папой не учили? Или ты – пуп земли? И вообще – это ты на меня первым налетел. Вот и извиняйся!

– Ха-ха-ха! – Ржёт он, как в боевиках: презрительно и противно. Может, репетировал перед зеркалом? И вижу я, что никто ещё его не учил, как положено. Тем приятней. Значит,

сегодняшний урок спеси-то с него посбивает... Вот и славно. – Будет мне ещё всякая моська указывать... Пошёл вон, козёл вонючий, и скажи спасибо, дятел недоделанный, что я сегодня добрый. А то проучил бы, как положено учить дебилов!

А туго у него со словарным запасом. Повторяться начал.

– Ой-ой-ой, как мы заговорили! Расхвастался тут, а у самого жир стекает тоннами из-под брюк прямо в носки. Небось, уже болеешь зеркальной болезнью? И жеребца своего в туалете достаёшь только на ощупь? И он – того? Всегда на полшестого?

Сразу увидел я, что эта стрела попала в цель. Потому что вспыхнуло, словно перезрелый помидор, лицо моего в миг разъярившегося голубчика, и рот перекосила гримаса:

– Ах ты, быдло вонючее, сопляк в рвань! Голытьба нищевродская, ещё прикалывать меня будешь? Ну так получай, что причитается!..

Вот тут он и выбросил мне в челюсть свою правую, логично полагая, что такой тощий, и действительно непритязательно одетый типчик лет тринадцати на вид увернуться от явно единственно отработанного движения не успеет.

Ну так я и не стал.

И вот он, «пуп земли», красавчик, богач, обладатель эксклюзивного продвинутого наладонника, и прочих навороченных примочек и прибабасов, корчится у моих ног.

Всё, как и положено: так называемая грубая сила (Ну, и,

понятное дело, справедливость!) снова торжествуют! Как в старые добрые времена первобытных людей! И всяких там богатырей-витязей. «Добро должно быть с кулаками!»

Почувствовал ли я удовлетворение?

Хм-м...

Пожалуй. Но – только на краткий миг.

А именно – в тот момент, когда мой кулак въехал в его дряблое тело, не встретив там, как и предполагалось, ни малейших следов мышц пресса. И ещё – когда его вырвало. Чувствовать, что твой удар достиг цели, всегда приятно.

Минуту я спокойно стоял над ним, правда, отодвинувшись чуть в сторону – чтоб не провоцировать гада попытаться зацепить меня ногой или клешнёй. Снимал всё.

Наконец сволочь немного отдышался и смог встать снова на колени. Хрипеть словно грузовик, везущий в гору пятнадцать тонн кирпича, перестал. Слышу в тоне вовсе не доброжелательность и теплоту:

– Ах ты ж!.. Твою же ...! Ну погоди. Сейчас я встану, и тебе – каюк!

Отвечаю подчёркнуто спокойным тоном. Уже без писклявых ноток:

– Себе же хуже сделаешь. Лучше, когда встанешь, и доковыляешь до дому, подай на меня в суд. А я тогда подам встречный иск. И отсужу у тебя нехилую сумму. Как компенсацию за моральный ущерб. Потому что ты первый начал меня оскорблять. И ударил тоже первым. Вот она, камера –

у меня в пуговице. – показываю пальцем, – Так что запись с бортового самописца я суду предоставлю с удовольствием. А то и в ютиуб выложу. Пусть вся Москва увидит, как супермену и пупу земли навалял тощий сопляк-очкарик.

– А, так вот почему ты... – вижу, до его тупорылого и заплывшего жиром мозга начало доходить, – Сознательно, значит, провоцировал?! Подстава?! Хотел на бабки моих предков раскрутить?!

– Нет. Мне от тебя ничего не надо. Кроме того, чтоб ходил как положено. И уважал права других пешеходов. А в суд я подам только встречный иск. Если ты сдуру подашь на меня. Это дошло?

Вижу, молчит. И сопит усиленно. Соображает, стало быть, как бы меня уделать, не подавая в суд. А чего тут гадать – будто я не знаю, что додумается только до одного варианта: нанять за деньги тех же мамы и папы каких-нибудь громил, чтоб уже они уделали меня в этом же переулке. Ну, флаг тебе в руки, наивный идиот. Однако говорю другое:

– Раз инцидент исчерпан, прощай.

Обхожу его всё ещё стоящую на четвереньках фигуру, и иду себе дальше. Впрочем, боковым зрением посматриваю. А то бывают сюрпризы. Однажды меня попробовали достать шокером в спину. А в другой раз – увесистым булыжником.

Но тут всё прошло гладко. Гад всё ещё «осмысливает»!

Но вот и поворот.

Заворачиваю, бегу со всей возможной прытью к пере-

крёстку. Перед выходом на проспект сбавляю ход – я даже не запыхался. Вливаюсь в безликий поток озабоченно-сосредоточенных граждан, с лицами, как у сердитых овец. Всё верно – вы все тут, в большом городе – овцы! Которых стригут, на которых пашут, и которых рано или поздно пускают на мясо. Или субпродукты – это уж с кого как.

Но пока – пусть безликий поток несёт меня. До ближайшей мёртвой зоны видеокамер. Я хорошо знаю, где она. Я снова – самый обычный подросток, каких по улицам столицы тоже ходят несметные тыщи. Правда, не все могут, как я, завернуть в тёмную подворотню, и, пока никто не видит, снять «очки», стянуть с лица пластимаску, которую вместе с очками и каппой быстро прячу в маленький рюкзак за спиной, и натянуть на футболку клетчатую рубаху, которую на ощупь достаю оттуда же.

Теперь – в метро, и доехать до рабочего места.

Спустя пятнадцать минут я на месте. Тут всё в порядке – как и всегда.

Пробка на Кутузовском не рассосётся, по-моему, и к третьему пришествию. Не говоря уж о втором. Достаю оттуда же, из рюкзака, перчатки, оборудование. Держу барахлишко в руках, показывая всем водителям. Начинаю свой привычный марафон вдоль рядов машин. Ага, есть! Вон и первый желающий – машет.

Из баклажки с раствором моющего обливаю всё лобовое

его потрёпанного Вольво. От души тру губкой из хорошего мягкого поролона – главное, не поцарапать его драгоценное стекло!.. Так. Теперь – резиновый скребок. Пройтись. Отереть его чистой тряпкой. И ещё раз пройти по гладкой поверхности стекла. Порядок – потёков не будет: гарантия! Но всё равно жестом предлагаю ему побрызгать из омывателя. Он так и делает. Я убираю скребком все брызги, всё чисто. Он доволен, кивает. Отлично. Теперь он приоткрывает боковое, суёт купюру. Говорю:

– Спасибо!

Дело сделано. Следующий. Ага – вон и он. Видел, похоже, что я не халтуру. Ну вот и славно. Мне кажется, что пару десятков раз я уже встречал здесь своих «постоянных клиентов». Тоже, конечно, неплохо – иметь постоянных клиентов, но не получится. Через ещё месяц сезон закончится, а с началом нового я перейду в другое место. Чтоб не светиться. А то в последнее время менты уже пытались меня...

Ага, ещё с вами, гадами продажными, я не делился!

До Базы добрался к четырём. Благо, метро позволяет рассчитывать время – это вам не машина. У входа встретил Рыжего. Обнялись, жест, кивок. Он говорит:

– Похоже, придётся мне переходить на другое место. А то от чёртова реагента у меня началась типа аллергия, – и показывает руки возле локтей.

Всё верно. Покраснение, бардовые точки – типичная ал-

лергия. Говорю:

– Могу с тобой поменяться. Ты же знаешь мою точку?

– Знаю. Но... Твоя же работёнка, вроде, полегче? Ты...

Согласишься?

– Да. Чего не сделаешь для члена. Братства. Завтра давай тогда после начального – сразу к тебе. Представишь меня как своего младшего брата. Двоюродного. Ну а у меня работа представления начальству не требует. Заступай, когда тебе угодно. Только...

Поосторожней с полицией. Ко мне уже присматриваются.

– Понял. Ничего – не впервой.

Заходим внутрь, сдаём рюкзаки в гардероб, тёте Любе. Тётя Люба у нас – уникам. Такое впечатление, что она в этой гардеробной работает ещё со времён самого Сталина. Ну, или Хрущёва. Выглядит в точности, как в фильме «Карнавальная ночь»: синий застиранный халат, косынка на голове... Законсервирована. Иза пятьдесят лет несколько не изменилась: всё такая же вечно всем недовольная и вредная. И придирается по всяким мелочам. Вот и сегодня:

– Ноги не вытерли!

– Вытерли, тётя Люба.

– Нет, не вытерли! Я не слепая – видела! Ну-ка, вернитесь, и вытрите.

Приходится вернуться ко входной двери, и пошаркать по сухой, словно летняя Сахара, тряпке, подошвами кроссовок. Смысла в этом особого нет, поскольку в столице днём теперь

всегда – сушь, а чёртов «оздоровительный» дождик накрапывает, а затем и припускает от души, как из ведра, только по ночам – погодконтроль, туды его в качель!.. Нету теперь «непредсказуемой» погоды. Ну, по-крайней мере, в главном городе страны.

Идём в раздевалку. Суём добытое за день в общий ящик, переодеваемся в кимоно.

В зале уже собрались все наши. Нет только тренера, Санька и Кузьмича. Но вот появляются и они – волокут из подсобки огромный мат. Тренер говорит:

– Андрей, Владимир. Козла. – делает движение головой. Двое названных тут же бегом направляются к воротам подсобки, вытаскивают требуемое оборудование.

– Сюда!

Порядок. Всё готово. Тренер говорит:

– Показываю один раз. Затем – сами. По десять раз. Затем – перевороты. Тоже по десять. Начали!

Двадцать один член братства уже стоит в цепочке... Всё как всегда – быстро, без суеты и гомона. Молча. Сосредоточенно и без ненужных вопросов.

В стандартной расстановке я – одиннадцатый. С интересом наблюдаю, как живая цепь, словно этакая состоящая из отдельных кусочков живая змея, сама подбегает, складывает руки над головой, пролетает над козлом, и через кувырок снова оказывается на ногах. И бегом по периметру зала возвращается к началу цепочки...

Сам над козлом пролетаю не так легко, как обычно – не иначе, тренер поднял на очередное отверстие. Но преодолеваю, делаю кувырок по мату спиной, и снова бегу – винтик в отлично отлаженной боевой машине. Здесь мы отработываем навыки. И выносливость. И приёмы. И всё остальное. Чтоб не быть похожими на серых и с хронически делано-деловыми лицами, зашоренных, и озабоченных только вопросом, как бы полизать ...опу начальству, чтоб не вылететь с тёплого места, и безмышцевых, овец-клерков.

Для которых вся работа сводится к просиживанию штанов в офисах, и тюканию пальцами по виртуальной клавише стационарного компа. А жизнь – к работе, и тюканию на клавише уже домашнего компа – для, так сказать, «собственного удовольствия». Бедняги.

Неучи.

Рабы.

А для того, чтоб не быть рабом, нужно учиться. Тренироваться: и действовать и мыслить! *И понимать.*

Понимать, как работает *система*. И как с ней можно бороться. Ну, вернее – не бороться, а использовать себе во благо слабые места в ней.

Спасибо тренеру, объяснил. Научил. Показал путь. Главное теперь – не сдать!

Когда прыгал второй переворот, почувал, что ноги пошли как-то... Не так! Но тренер не дал облажаться: буквально налету подхватил, и не позволил перелететь через мат.

2. Машина

А на полу, если б туда приземлился, запросто мог бы и ногу сломать!

– Слишком сильный разбег. И толкаться руками так сильно не надо. Ну, ты же уже понял, что козёл стал сегодня повыше? Откорректировал. Но! На слишком большие усилия. Включай мозг и инстинкты. То есть – дозируй! Вперёд.

Внимание, бойцы! Продолжаем.

Змея, замершая было на миг, пока тренер меня корректирует, вновь начинает своё движение.

Оставшиеся восемь прыжков с переворотом. Без эксцесов. Дальше – отжимания. Простые и с хлопками. Теперь – пресс: ноги под ступени старинной шведской стенки, чудом сохранившейся в главном зале этого спортклуба. Затем – и на саму стенку: уголок. Теперь – на турник, и выход силы. Перекаты-кувырки. Теперь...

Занятия по общей физподготовке у нас в Братстве обычно идут два часа. И ещё два – на мытьё, приём пищи и учёбу. Да-да, мы тут ещё и учимся. И не так, как в старом начальном, то есть – в школе. Где учёбу одно время подменяла игра в угадайку с пятью возможными вариантами ответов. А по-старинке. Когда на вопрос «Когда была Куликовская битва?» ты должен сразу чётко назвать дату. И на вопрос «Сколько будет девятью восемь?» не спрашивать об этом Гугл. А ещё

нас тут учат мыслить критически. То есть – шевелить, как говорит тренер, собственными извилинами, а не полагаться на авторитеты.

И уж только потом, после еды и учёбы – спарринги, стрельки, или бродилки в зале с Машиной. Суперпродвинутой. Разработанной для нужд армии. Или, скорее, как я думаю – спецслужб. Супер-тренажёре. Машины, создающей Миры. И не плоские, дохленько-виртуальные, как в лаптопах геймеров – а полноразмерные! Объёмно-ощутимые!

В душевой у нас тесно, но мыться – легко. Поскольку та же живая цепочка идёт через горячие, холодные, и вновь обжигающие тугие струи, бьющие и достающие, кажется, везде, не останавливаясь. Распадается она только позже – у шкафчиков с полотенцами.

Вытеревшись, мы всегда вешаем эти полотенца на открытые дверцы личных шкафов. Уже совсем поздно вечером, уходя из здания, на места их, уже высохшие, развешивает сам тренер. Он же и шкафчики закрывает. Не запирает, а именно – закрывает. У нас крыс нет. Не принято. Да и себе дороже выйдет: сделают ребята тёмную, когда вычислят. Или увидят. Камеры наблюдения у нас есть и в душевой, и в раздевалке, и в столовой.

Позор. И – автоматическое исключение из рядов Братства...

Переодевшись, идём в эту самую столовую. Жена тренера, Раиса Халиловна, отменная повариха. Готовит так – пальчи-

ки, как говорится, облизешь! Миха как-то сказал, что если б её чесночно-томатным соусом полили гвозди, он бы и их съел. И он почти не преувеличил.

Раиса Халиловна раскладывает аппетитно пахнущее дымящееся варево по простым железным мискам из нержавеющей стали, тренер раздаёт. Они с женой себе накладывают последние. И садятся всегда с нами, за один длинный, деревянный, (Никакого ДСП!) стол. На столе – только ложки из алюминия, солонки, салфетки. Никакого хлеба! Его сейчас нормального делать не умеют, сплошной глютен. Так что когда мама жены тренера, Матлюба Рафиковна, печёт домашний, по старинным рецептам, из простой серой муки, и передаёт для клуба, это – праздник.

Едим всегда молча.

Сегодня на обед тушёная печёнка. С луком и морковью. Супер! Обожаю эту еду. Тренер кормит нас так, чтоб были силы. И продукты – только натуральные. Никаких фастфудов, бутербродов, или эрзац-заменителей! Поэтому и никаких супов. На гарнир – картошка отварная, на третье сегодня компот из сухофруктов. Выпиваю до дна, хотя, если честно, обычный наш кисель я люблю больше.

После еды – в аудиторию. Рассаживаемся. Никаких «учебников» или тетрадей. Только – запоминать, и сразу – навсегда.

Тренер выходит вперёд, поднимает руку в жесте-приветствии:

– Братство!

– Братство!

– Сегодня будем говорить снова об истории. Материал она даёт умным людям – отличный. Как сказал один древний философ, дурак повторяет свои ошибки, умный способен на них учиться. А гений может учиться на ошибках других.

А самый интересный период в этом плане, конечно – Древний Мир.

Вернее – та правда о нём, что содержалась, как ни странно, в учебниках, изданных ещё при коммунистах. Потому, что базировались все они – на фактах! Проверенных.

Возьмём для примера древний Египет – самая, как говорится, избитая и изъезженная страница становления цивилизации. Чем знаменит?

Руку тянет Миха.

– Да, боец Михаил.

– Древнейшее профессионально и грамотно организованное земледелие на периодически затопляемых водой реки с плодородным илом, полях. Рабовладельческий строй.

– Верно. Но – так написано в учебнике за 203... год. Кто ещё? Да, боец Александр.

Санёк встаёт не торопясь:

– Поправочка у меня. Базировалась цивилизация всё-таки на свободных крестьянах, которые и на себя трудились, и на фараонов горбатились, когда те вызывали на строительство своих пирамид. Короче, типа барщина. А рабов они, ну,

египтяне, захватывали только во время походов военных.

– Тоже верно. Хорошо, этого пока довольно. Садитесь оба. И так. Фараоны вызывали к себе свободных людей, строить усыпальницы-пирамиды. Но по какому праву они вообще – командовали? И эксплуатировали этих самых свободных крестьян?

Рыжий тянет руку.

– Да, боец Павел?

– Они были царями. И их никто не смел ослушаться. Потому что у царей имелась и армия, и целая толпа надсмотрщиков-чиновников. Аппарат подавления и угнетения.

– Хорошо. Садись, боец. Всё верно. Не будем пока об «аппарате». Займёмся «идейной» подоплёкой. Царей никто не может ослушаться. Поставим вопрос так: у нас свободный человек может ослушаться указов Президента?

Миха вновь тянет руку.

– Да, боец Михаил.

– Может.

– И при каких же условиях он может это сделать?

– Ну... Когда считает, что новые Указы нарушают права человека. Или противозаконны. Ну, то есть – противоречат Конституции. Или...

– Достаточно. Хорошо. Садись. Вот она: принципиальная разница между правлением демократическим, когда Президента народ избирает, Законы разрабатывает и утверждает соответствующий орган власти, и тоталитарным – то есть,

когда правитель, Царь, решает всё сам, а власть просто передаёт по наследству. Но... Никто из вас не задумывался, почему власть такого царя, фараона, никто не пытается свергнуть? Да, боец Василий?

– Ну так у него же – армия! И чиновники. И надсмотрщики с кнутами!

– Это уже говорили. Всё верно. Но – только отчасти. Копнём глубже. И сразу становится видна очевиднейшая вещь. В Египте власть фараонов поддерживалась ещё и *верой*. То есть, это когда светская власть как бы сливается с религиозной. Фараонов в Египте всегда позиционировали простому народу как сынов Божьих. Так что ему, народу, реально неграмотному и слепо верящему во всех этих восемьдесят с чем-то-там богов Египетских, и *в голову не могло прийти* восставать против своего воплощённого Божества! То есть, когда бунты всё-таки случались – они были всегда направлены конкретно против отдельных зажавшихся чиновников, наместников провинций, и завышенных налогов.

Вот что значит чётко сформированная позиция жрецов и власть имущих. И широчайшая пропаганда и чётко разработанные идеологические установки. Римская империя, кстати, именно с этой целью приняла Христианство в свой период заката – рассчитывала, что это учение, эта вера, где пропагандируется девиз «Подставь вторую щеку!», и провозглашается незыблемой и вечной власть царей и императоров над остальными людьми, поможет им удержать ускользающую из

рук цезарей власть!

Однако люди никогда дураками не были. И они – не слепые. И если они видят, что фараоны ничем, кроме роскошных одежд, от них не отличаются, они начинают сомневаться. Что фараоны и правда – дети Богов. Потому что, повторю, люди – не идиоты. И тоже видят, что их цари из плоти и крови, и даже на войне получают раны! (А такое случалось достаточно часто. Потому что фараон всегда лично возглавлял походы и военные кампании. И участвовал в сражениях!) И что же следует для предотвращения возникающего в «божественности» сомнения, делать?

Руку тянет наконец наш лидер – Владимир.

– Да, боец Владимир.

– Они пытались изменить внешний вид тела фараонов. Как сейчас сказали бы – занимались бодиформом. Чтоб те отличались от простых людей и чисто физически.

– Верно. Садись, боец, *очень* хорошо. Да, мы видим по всей палитре древней истории, что власть предержавшие всячески пытаются обосновать своё право на власть, доказать своё божественное происхождение, и подчеркнуть различия между собой и простым крестьянином или воином. Именно для этого и древние фараоны, и императоры Инков вытягивали себе черепа – с помощью деревянных дощечек и верёвок придавливая, сплющивая кости черепа детей, пока те малы, и кости податливы. Правители и жрецы использовали, например, и прокалывание ушей, и растяжение этих ушей до

плеч. И красили волосы красным. Это практиковали древние жители острова Пасхи. До прихода европейцев.

Кое-где императоры носили обувь с высоченными каблукми, ещё кое-где наносили особые татуировки. И так далее. Но суть всех этих действий одна. Подчеркнуть своё «божественное» происхождение, и обосновать право на Власть. И эксплуатацию других, простых, людишек. Плебеев. А почему мы вспомнили сегодня древний Египет – так это чтоб проследить корни относительно более новой религии, или конфессии – Христианства. Напоминаю, что евреи семьсот лет находились в так называемом Египетском рабстве – то есть, жили на землях фараонов, и работали, вот именно – в качестве рабов. Естественно, жрецы евреев не постеснялись воспользоваться мудрыми и удачными находками местных жрецов. Системой политеизма хозяев. Чтоб разработать более совершенную, и уже монотеистическую систему. Но корни прослеживаются легко. Так, Осирис, бог плодородия, умер, и три дня был мёртв. Затем – воскрес. Равно как и Иисус Христос. Далее можно провести и такие параллели...

Тренер говорит убедительно и спокойно. Материалом он владеет. А то, что он осознаёт, что вносит смятение в некоторые, впитавшие, как говорится, с молоком матери веру в Христа, души – это идеология нашего Братства. Разрушить старое здание, чтоб отлить монолитный и прочный фундамент для возведения нового.

Нет никому из власть предержащих штатских веры. Нет

никому из церковных иерархов веры. Потому что и те и те набивают свой карман. Вон, на каких роскошных джипах и поршах рассекают все эти архимандриты, митрополиты, и настоятели!

Люди не слепые. И не дураки. И куда идут их «пожертвования на храм», видят!

Так что с «аргументами» у тренера проблем нет...

Урок сегодня занял час.

В-принципе, вполне достаточно, чтоб аргументировано обосновать, как тренер сегодня и сделал, что любая религия имеет первой и основной целью подтверждение своего права на руководство людьми, чтоб ни ...рена самим не делать, и с целью обогащения себя, «избранных». Ну, и поддержки Верховной официальной власти. Рука, как говорится, руку... С одной стороны в самом начале, когда пришёл в Братство, меня, вроде, коробило, что выбивают, причём – капитально, привычную почву из-под ног. А с другой, если подумать – становится страшно. Прямо мороз по коже.

Во что верить? Кому верить?

Но тренер вполне уверенно объясняет и обосновывает, что руководить и страной и людьми должны во-первых, люди, разбирающиеся в руководстве. Знающие и политику и экономику. Могущие профессионально следить за обороноспособностью своей страны.

И во-вторых – в первую очередь – *патриоты*.

То есть, как мы и имели достаточно длительное время в Президентах – руководителей спецслужб.

Они и умны, и подкованы. Во всех смыслах и отношениях. И патриоты.

И будем честны: после правления Бориса-алкаша только усилиями его первого преемника страну смогли спасти от криминализации. И окончательного развала и разворовывания.

Все эти невесёлые мысли я однако поспешил отбросить: их можно обсасывать со всех сторон и дома, лёжа в постели. А сейчас нужно максимально собраться. Сконцентрироваться. И переключиться на боевой настрой: мы идём в Машину.

Машина у нас уникальна.

Это не жалкая пародия на «виртуальные миры», которые используются в примитивных плоских устройствах типа стационарных компов, айфонов, и прочих наладонников. Нет, тут – и объём, и «реал». Полное «присутствие». Всё как в жизни.

Единственное отличие – оружие: или со сниженными поражающими факторами, или не режущее и колющее. Иначе давно поубивали бы мы друг друга...

Машина у нас занимает весь подвал. Тут, конечно, могло бы быть и поудобней: иногда сильно мешают или ограничивают поле зрения мощные колонны, идущие рядами через каждые пять с чем-то метров, и низковатые потолки: всего два шестьдесят. Зато площадь – под всем бывшим спортив-

ным клубом: практически три теннисных корта!

Тренер командует:

– Переодеться!

Снимаем одежду, вешаем в шкафчики, и переодеваемся в стандартные комбезы.

Комбезы эти – уникальные. В них вживлены буквально сотни датчиков-маркеров. За счёт плотного облепания комбезом тела они чётко сигнализируют, где какие руки-ноги-туловища и прочие головы находятся. И Машина может чётко локализовать и позиционировать все места расположения, и движения оператора. И эту картинку она может передавать другим участникам спарринг-боёв, или приключений, через визуализатор. То есть – небольшую коробочку, которую каждый боец сейчас плотно одевает на голову, размещая экран перед глазами.

Нас – двадцать один член в Братстве. Поэтому тянем спички.

Мне сегодня и повезло и не повезло. Это как посмотреть. Побьют наверняка сильнее, чем словил бы от простого члена Братства. Зато и приёмам новым, или тактике подучусь: мне досталась короткая спичка.

Стало быть – спарринг непосредственно с тренером.

3. Свободный поиск

Радует только одно. Что ничего он мне не поломает – ткань комбеза проложена самой упругой из всех возможных, прокладкой: между двумя основными слоями своей поверхности. Карбонопеноизолом.

Но наконец всё готово. Я экипирован, визуализатор сидит чётко и прочно, можно приступать. Нажимаю двумя пальцами на кнопки «пуск» у висков – так сделано для подстраховочки от случайного выключения во время работы.

И вот я и «въехал». То есть – включился.

Перед глазами условный зал. Конечно, он похож на настоящий, реальный – иначе можно было бы понаставить шишек и синяков о стены или колонны. Хотя они в реале тоже – проложены. Пеноизолом.

Тренер в виртуале вовсе не выглядит таким как в жизни – то есть высоким и плотным. Здесь он обычно среднего роста и средней комплекции. Думаю, он сам так запрограммировал Машину, чтоб боец, который встречается с ним, рано или поздно начал понимать: не всё такое, каким кажется!.. Ну, про него я и так это знаю, и отношусь с уважением. Подобающим тому, кого ещё никому из наших не удалось ни разу «побить».

(Соответственно, уважают его за это ничуть не меньше меня и они.)

Сам же я выгляжу, как уже имел возможность убедиться, так же, как в жизни: невысокий и довольно тощий и нескладный субъект, с тонкими руками и ногами. Что, впрочем, не мешает им очень быстро двигаться: комбез не сковывает и не замедляет движений.

Становимся друг напротив друга. Поклон. Боевая стойка. Тренер начинает без особых хождений вокруг да около: сразу пробивает хайкик слева! Если б не знал его манеру работать без подготовки, тут бы и словил в челюсть! Ногу его стараюсь не блокировать, как предписывает учебник или методичка, а просто отскакиваю назад, провожая пролетающую мимо лица ступню уже своим ударом: авось, тренер, получив неожиданный дополнительный импульс, потеряет равновесие!

Ага, два раза он потеряет: вывернувшись, из невысказанной позиции он бьёт с разворота – уже мне в торс. Ну, тут уж приходится блокировать, отступая невольно назад: тренер у нас килограмм за семьдесят пять, а я – только шестьдесят. И то – неполных.

Тренер между тем не останавливается, продолжает идти вперёд, работая и ногами и руками, в-основном миддл-киками. Мне ничего пока не остаётся, как драться на велосипеде, всё время пытаюсь выбрать направление отступления, которого он не ждёт. Вот так я и приспособился обходить ближайшую колонну, а когда он, вроде, привык к тому, что я методично и спокойно отступаю, типа, экономя силы, я вдруг прыгаю без разбега, высоко, и моя ступня вылетает прямо

ему в лицо!..

Блинн, удивишь его столь банальным приёмчиком, два раза!

Нога отбита, и вот уже я теряю равновесие, продолжая вращение, которому уже тренер придал «дополнительный импульс»! Но я тоже не лыком шит. Умудряюсь не вставая, прямо с пола, зацепить его опорную – крюком с поворотом.

Как будто моя нога напоролась на стальную балку! Подсечь не удалось, зато тренер сразу пользуется выигрышной позицией: падает на меня сверху, и переводит в партер.

Чёрт... Стараюсь не отдать спину – удушающий у него – просто смерть! Умудряюсь вывернуться, и развернуться к нему лицом.

Но и в полупозиции долго лежать и удерживать его не могу: разница в массе! Вот он и забрался в полный маунт, зараза! Лупит меня по морде, методично, хоть и не сильно. Прикидываюсь, что я в отчаянии, и могу только перекрывать руками подходы к моей челюсти... Блокирую, блокирую, и вдруг хватаю за запястья! И тут же бью его обеими коленями в спину, ну, или то место, где она кончается, со всей дури!

Странно, но сработало!

Тренер перелетает через мою голову, и довольно удивлённо крикает. А нечего было отдавать мне руки, и ноги передвигать так высоко к моей голове – опора потеряна, вот и получилось сбросить его! Но нужно быстро развернуться и атаковать самому, пока противник на канвасе!

Чёрта с два он на канвасе. Уже в стойке стиля богомол, и раскачивается, словно гипнотизирует! Приходится отвечать: типа, я – дракон! Грозный и страшный. И молниеносный. С традиционным «Ий-я-а!» бросаюсь вперёд, нанося руками удары по корпусу и голове (А вернее – по блокам!) максимально быстро – знаю, что так долго не протяну, но тренера я от себя отгоню на дистанцию больше средней. Так у меня есть хоть какие-то шансы. Ноги у меня достаточно тренированные для ударов с дальней дистанции. А пробить его защиту на средней и ближней – нереально!

Когда понял, что задыхаюсь, резко прыгаю назад, и сразу – влево! Ага!

Прикольно. Тренер то ли действительно не может уследить, то ли – делает вид. Его разворот несколько опаздывает, поэтому мой лоукик по опорной ноге на этот раз проходит! Он падает на колено, и я добавляю кулаком в голову – мечусь, конечно, в челюсть за ухом, но тут уж как повезёт: голова *этого* оппонента никогда не стоит на месте!

Попасть удалось только в затылок. Блинн!.. Больно, несмотря на кикбоксёрские перчатки. Череп у тренера – как скала! Отскочить не успеваю: он уже сам зацепляет меня крюком из нижней стойки. Перекат! Вскочить на ноги всё равно не удалось: тренер, словно у него реактивный двигатель в заднице, уже снова перелетел, и опять на мне!

Маунт. Полный маунт. Знаю: теперь он на удар коленями не купится, и вместо этого вдруг бью прямо по глазам! По-

нимаю, что очки повредить невозможно – они противоударные! – зато на миг лишу его обзора, закрыв поле зрения перчаткой. А мне больше и не надо: обеими кистями захватываю его правую, и пытаюсь взять на болевой, выворачивая что было сил!

Вывернешь ему, как же – он тренируется годами, и каких только вариантов активной обороны не встречал!.. Но тут, к счастью, звучит сирена: конец первых пяти минут.

Минута отдыха.

Вставать даже не пытаюсь, так и лежу на нашем тощеньком канвасе в три пальца толщиной – только-только чтоб не убиться, падая. Тренер между тем встаёт. Чуть наклоняет вбок голову, и поднимает указательный палец:

– Для заметки на будущее: вывернуть руку из положения в партере никогда не удаётся. Разве что хочешь этим обманным приёмом удивить или рассмешить партнёра. Ну и второе: поскольку ты заведомо легче, не должен никоим образом допускать перевода в партер! Так что мысль держаться на дальней вполне разумна. Но вот с реализацией...

Пока – плохо. Как и с выносливостью.

Звучит гнуснейший в мире звук: сирена конца перерыва. Нужно вставать...

Тренер, делая приглашающий жест ладонями, говорит:

– Ну-ка! Удиви меня!

Что и пытаюсь сделать на протяжении ещё четырёх утомительнейших и зубодробительнейших раундов, в которых ме-

ня-таки взяли и на удушающий, и на болевой, и просто нокаутировали. Два раза. Хорошо, что только «условно». Тренер и Машина следят, чтоб у нас никто в «нокауты» не уезжал: от этого реально хуже начинает работать головной мозг, и человек со временем тупеет, рискуя к старости превратиться в трясущуюся развалину – как не вспомнить бедолагу Тайсона...

Конец спаррингов все наши встречают обычно со вздохом облегчения: обязательная программа выполнена, сейчас начнётся произвольная. А затем – и получасовой «Свободный Поиск». Ф-фу...

Но даже замечание о том, что с находчивостью и нетрадиционным подходом у меня всё в порядке, и поработать нужно только над силой удара, и всё той же выносливостью, не улучшает моего мрачного настроения: побили меня сегодня – будь здоров! Зато и правда – отработал и новый приёмчик, и удар, и кое-какие варианты активной защиты опробовал. Правда, против тренера они, все эти контрудары и выпады – как слону дробина. Единственное, что удалось – зацепом уронить-таки его ещё один раз на канвас. А вот добить опять не получилось: моя нога как обычно вместо его челюсти встретила пустоту...

Во время долгожданных пяти минут перерыва между Уровнями лежу, отдыхаю. Тренер командует Машине:

– Боец Михаил сегодня встречается с Кононом МакГрегором. Боец Эльдар – с медведем гризли. Боец Александр –

с Рондой Роуз. (Кто думает, что бойцу Александру сильно повезло – чертовски ошибается. Встречался я уже с ней. Ну и очень злобная, коварная, и завзятая дама! А женщин мы «бьём» для того, чтоб быть готовыми к любым ситуациям – никогда не знаешь, кто будет твоим противником в жизни!) Боец Павел – с группой футбольных фанатов из трёх человек. Вооружённых бейсбольными битами. Боец Владимир – с «чужим». Боец Григорий...

И так далее. Мне сегодня достаётся тираннозавр-рекс. Правда, не полноразмерный, конечно – двухгодовалый подросток. Трёх метров в холке. Против пятнадцатиметрового чудовища почти в три моих роста и у тренера не было бы шансов. Разве что с противотанковым ружьём в руках! Ну, или уж сразу – РПГ.

Но огнестрельного оружия нам для тренировок не предоставляют. Только холодное. Но зато уж – на любой вкус! Ну, и «лазеры». Но это уж – только для третьего Уровня.

Вот и идём к стеллажу, который занимает всю торцевую стену, и снимаем со штативов и кронштейнов положенные для второго Уровня палки, железные стержни, и болванки, которые его, это колюще-режущее-крушащее, заменяют.

Павел, он же Рыжий, выбирает чаки. Удлиненные. Я – катану. Стандартную. А вот Михе и Саньку сегодня не повезло: им полагается работать без оружия. Раз против человека. Пусть и суперматёрого и коварного.

Но везде – своя специфика. Например, Владимиру колю-

ще-режущее оружие противопоказано в принципе: поскольку вместо крови у выдуманной твари – кислота! (Вот уж воображение было у чёртова Фостера! Монстра создал – воистину на века!..)

Собственно, и у меня особого выбора нет: а чем ещё, кроме отменного меча, можно уделать здоровенную тварюгу с шей чуть не метровой толщины, и крепким щитом-килем, прикрывающим сердце?! Не алебардой же? И не «набором метательных ножей». Этот набор – несколько медных стержней, расположенных в гнёздах на широком поясе! – сегодня достанется Стасу: ему предоставили честь воевать со стаей велоцерапторов: пусть и мелковатые, но гнусные и тоже подлые тварюги, работают похлеще «футбольных фанатов» – тоже командой!

Выхожу на позицию по сигналу сирены. Пора подтвердить готовность. Говорю:

– Боец Ривкат готов.

Тотчас вид панорамы низкого помещения меняется до неузнаваемости. Вокруг джунгли, над головой ветерок колышет перистые верхушки пальм, внизу подлесок из чёртовых папоротников и колючих кустов, и туманный полумрак. Не знаю, как Машина это делает, но мне в ноздри бьёт удушливый смрад. Чего тут, в этом букете, только не намешано: и цветущие орхидеи, и мускус, и аммиак, и гниющие листья, что упругой подстилкой пружинят под ногами... Да и влажность здесь – куда там даже морскому побережью. Ненави-

жу. Опять ноги будут скользить, а лёгкие – задышаться.

Тем не менее по позвоночнику пробегают мурашки: ощущение абсолютной достоверности возникшей вокруг картины, то есть – декораций, невольно каждый раз повергает в дрожь: вот уж гиперреализм так гиперреализм! Тупорылые геймеры! Как вы отстаёте в «продвинутости»! В плане приближения к суперреализму!

Ладно, Машина организует псевдопространство для моих действий так, чтоб маршрут и сама битва не пересекались с путями остальных наших. И в стены я уж точно тыкаться не буду, как и в колонны: последние замаскированы под стволы. Но почему, как бы ни старался, до «края» нашего виртуала добраться никогда не удаётся, для меня до сих пор загадка. Может, Машина что-то делает с нашим чувством направления – никогда здесь не удаётся идти точно прямо. Или... ну, не знаю.

Но застаиваться или блуждать смысла, собственно, никакого нет – нужно убить или обездвижить проклятую «заданную» мне тварь до того, как она подло подкрадётся сзади. Обоняние-то у неё – ну, теоретически! – в сотню раз сильнее моего! Зато зрение – похуже. Как и соображалка. Поэтому в тот раз просто не успел отскочить за ближайший «ствол». Впрочем, чего теперь сожалеть – поезд ушёл. И...

Не хочется ещё раз терпеть адскую боль – такие «ощущения» Машина тоже воспроизводит – ну очень правдиво! Брр!..

Поднимаю руки с катаной наизготовку, медленно и тихо двигаюсь вперёд – там слышны подозрительные звуки: словно кто-то очень большой и голодный чавкает. Почти как свинья, когда жрёт свою ботвинью. Или жёлуди. Встречался как-то здесь же с выводком диких кабанов. Приятного в этих воспоминаниях мало: «разорвали» мне тогда обе икры, и, когда грохнулся наземь, «вспороли» брюхо острыми изогнутыми клыками... Так что вот тогда мне алебарда пригодилась бы действительно – больше. Поскольку – колющая. Собственно, в прошлый раз и динозавр от меня «камня на камне» не оставил: дал я ему сдуру возможность с разбегу «откусить» мне голову...

Ну погоди же, зловредная тварь: больше я такой ошибки не повторю: не дам отпятиться! Или увидеть себя! Хотя... Машина учится и на моих ошибках, и на ошибках наших «спарринг-партнёров». И если боец побеждает, против него в ход идёт совершенно другая тактика.

Но вот и он. Враг мой.

Собственно, слух не обманул: эта тварь действительно что-то жрёт, откусывая, затем задирая чудовищный чемодан головы и заглатывая невероятно огромные куски, дымящиеся свежей кровью – из туши, лежащей под ногами Рекса. От меня этого поверженного бедолагу скрывают заросли папоротника.

Мочу палец в слюне, поднимаю кверху. Так, ветер – от твари. Значит, пока не знает о моём присутствии. Поступим,

значит, подло. Но тренер сам говорил, что во время схватки не до игры в «благородство». Бой на втором уровне – всегда смертельный. Или – до нокаута. И побить противника нужно максимально эффективно. И желательно так, чтоб получить поменьше уцерб. И потратив минимум усилий.

Подбираюсь поэтому поближе: так, чтоб мой силуэт не был замечен даже боковым зрением. Зрение, конечно, как уже говорил, у тираннозавра похуже нашего, но движение отслеживает – на раз! А обзор – почти круговой: глаза-то – типа на «висках»!

Но вот я и зашёл со стороны хвоста, слева. Жду, когда тварь закинет голову повыше, заглатывая очередной кусище. Я уже засёк, что в такие моменты он глазки-то веками прикрывает... ныряю под его хвост и со всего размаху рублю правую ногу чудища, целясь туда, где должен проходить аналог нашего ахиллова сухожилия.

Сработало, туды его в качель!..

Тварь ревёт так, что у остальных обитателей джунглей, если б таковые тут имелись, запросто полопались бы барабанные перепонки. Но я отлично знаю, что кроме меня этот вопль отчаяния никому не слышен. А уши закрывать бессмысленно – на них приходится динамики супервизуализатора. Однако отскочить сразу подальше мне вопль монстра не мешает – и вот я за ближайшим «стволом».

А интересно. Бедолага Рекс заваливается на бок, нелепо задрав кверху перерубленную почти до половины ногу, и

как-то сразу забывает о «приёме пищи». Вместо этого начинает кататься, извиваясь, как ящерица, у которой оторвали хвост, по лесной подстилке, нелепо размахивая крохотными – только в зубах ковырять! – передними лапками, и с треском и шумом круша подлесок и опавшие сухие ветки – я, когда подкрадывался, уж постарался ни на одну предательскую хрень не наступить! Однако сейчас обычный шум, который бывает при неаккуратном обращении с трухлявыми ветками, кустами, и папоротниками, практически не слышен из-за непрекращающихся взрываний и воя. Утробного. И весьма обиженного. Чувствую некие смутные угрызения. Совети.

Похоже, нога повреждена капитально. И теперь её обладатель – мне не противник. Достойный. Жду с минуту, но тираннозавр явно встать не может – нога, когда он пробует это сделать, подгибается, и он снова и снова заваливается на бок, воя, и беспомощно разевая пасть, полную бесполезных теперь острейших штырей.

Говорю:

– Докладывает боец Ривкат. Противник обездвижен. Нужно ли приканчивать?

После паузы (Довольно продолжительной!) слышу голос тренера:

– Боец Ривкат. Приканчивать не нужно. Задание по нейтрализации противника выполнено. Разрешаю досрочно перейти к Свободному Поиску.

Ух ты! Вот это да!

Я сегодня, получается, за каких-то пять минут прошёл второй Уровень! И пусть не совсем порядочно поступил с основным врагом... Но, с другой стороны, разве я сегодняшнего жиртреста отделал не подло? Да и девиз Братства... Как раз об этом.

Стало быть – всё в порядке. И Духа Братства и основных установок я не нарушил.

Значит, на третий, самый непредсказуемый и удивительный, выдвигаюсь с «чистой совестью», и отбросив прочь дурацкие «терзания». И времени останется на него на десять-пятнадцать минут больше! Отлично!

Хотя это – как посмотреть. В прошлый раз, когда попал в странный жёлто-зелёный Мир с зелёным же солнцем, меня «размазали», причём почти в буквальном смысле: стая странных, но чертовски тяжёлых птиц-утюгов «приютюжила» меня к асфальту улицы какого-то супер-города – всего за каких-то двенадцать секунд. А в позапрошлый я так и вообще не понял, где нахожусь, и с кем сражаюсь: плотное облако из похожих не то на микролетучих мышей, не то – вообще саранчу, мелких-мелких, и жутко кусачих тварей содрало с меня кожу менее чем за минуту!.. И не одну ведь тогда так и не удалось пришибить! Блинн...

Но зато в миссии до этого проплутал все тридцать положенных минут по каким-то пещерам, (Хорошо, фонарь не забыл прихватить!) но так никого живого и не встретил.

Правда, разжился «алмазами». Такие, сволочи, красивые и блестящие, и крупные. Но которые затем разложились в жёлтую жижу, и «убили» меня ядовитым газом!

Так что тут – тоже, та ещё лотерея. Никогда не знаешь, с кем или чем столкнёшься, и каким «оружием» его лучше уделявать. И уделявать ли его, или сразу – бежать сломя голову подальше, к такой-то матери...

Впрочем, нет. Я знаю, что в этот раз возьму. Моя ...опа это буквально чует.

Выключаю обе кнопки визуализационного шлема. Вот он и наш любимый подвал. Иду ко второму стеллажу. Попутно вижу, как наши работают.

А здорово глупо это смотрится, когда их противник виден только им самим. Ребята молотят и бьют, режут, и пронзают воздух! Но ощущения у них от ударов их невидимых противников – уж можете быть уверены: настолько реальны, что вон: Павел пролетает добрых пять метров по воздуху!.. До сих пор ума не приложу, как Машина этого добивается. Разве что какие-нибудь электро-магнитные поля? Или пневматические пушки?..

Выбираю сегодня фонарь, мачете, малый «лазер». Большой уж больно неудобно таскать – пятикилограммовая болванка пусть и «может» перепилить пополам чудище вроде моего любимого ти-рекса, зато уж больно много в ней инерции.

Ещё выбираю Щит. Он весит, конечно, пять килограмм, и

похож на самый банальный кевларовый бронежилет, но позволяет создать вокруг тела пространство, куда мелкие тварюшки попросту не могут влететь. Правда, от шипов, рогов, когтей, бивней и клыков тварюг побольше Щит не защищает. Тут уж надежда на реакцию, и катану, которую по привычке беру каждый раз. Ну, готов я? Вроде.

Вперёд!

4. Четвёртый уровень

Нажимаю кнопки пуска, говорю:

– Боец Ривкат к прохождению третьего Уровня готов.

Мгновенно вокруг возникает холмистая равнина. Судя по тускло-голубому небу, я всё-таки дома. В-смысле, на Земле. Холмы поросли чахленькой и насквозь пропылённой травкой, у основания холмов травка позеленей, и даже кусты какие-то имеются – стало быть, почва повлажней. И точно: даже кое-где видны дохленькие, в-смысле полупересохшие, ручейки. В воздухе душное и пыльное марево, воняет пылью, поют хреновы не то сверчки, не то – цикады, и блёкло-жёлтое солнце сразу начинает припекать мою ничем не защищённую голову.

Не иначе, стоит самое что ни на есть лето. А я – где-нибудь в средних широтах.

Однако всё это, конечно, откладываю в голову на автомате, потому что слышу за спиной подозрительные звуки. И тут же, на автомате же, отпрыгиваю подальше в сторону, разворачиваясь в полёте – и вовремя! На то место, где стоял, прилетают, поднимая кучу пыли с земли и окрестных кустиков, три болас, и два копыя. А мерзавцы, которые всё это дело в меня бросили, оказываются очень похожи на самых банальных «диких» североамериканских индейцев: на конях без сёдел, голые до пояса, загоревшие до кирпичного оттен-

ка, в кожаных штанах и мокасинах, и с дурацкими головными уборами из перьев на черноволосых головах!

Считать их некогда, поскольку пятеро злобно скалящихся, или нахмуренных скотов – у кого что написано на лице! – уже достали из-за спин луки, и успели наложить и стрелы. Концентрируюсь. Мгновенно расслабляюсь. Привожу разум в как бы полутранс.

Отклониться, увернувшись от стрелы? Легко!

Вот и уворачиваюсь – судя по удивлённым возгласам и переглядыванию, действительно удивил я их своей суперреакцией. Правда, ненадолго. И вот уже вся орава с улюлюканием, и размахивая оставшимися копьями и чем-то, чертовски похожим на те самые томагавки, направляет коней с холма – прямо ко мне! Да чтоб вас!..

Про индейцев я смутно помню не так много: воинственные, гордые. Вот и уничтожили их практически под корень впёршиеся и сосланные на континент бандиты и отморозки из «просвещённой» Европы. А ещё кого-то из этих могижан, или там, апач, звали Чингачгук. Языка я уж точно не знаю, и выучить вряд ли успею – сожрут меня за милую душу, зажарив на костре. Они, по-моему, людоеды. Или я с кем-то их путаю? Точно: с аборигенами Полинезии! Которые – Кука!..

Да и ладно: ни вступать в переговоры, ни позволить взять себя, любимого, в плен, я и не собирался. Выхватываю поэтому лазер из якобы кобуры. Целюсь в глаза.

Вот теперь, когда падают с коней наземь словно переспе-

лые груши, их очень даже удобно пересчитать. Сколько ударов о землю – столько и человек.

Наивных балбесов оказалось девятнадцать. Два отделения то есть.

Добивать бедолаг смысла нет: даже если кого-то не убил, зрения-то уж точно лишил. А на слух меня не больно-то отследишь: ступаю я, даже по траве, особенно босиком, потише иного тигра. Вот и ступаю. К гребню того холма, на котором они торчали. Валяющихся идиотов и их опасно вылупляющих на меня глаза коней обхожу стороной.

Не знаю, как Машина это делает, поскольку пол-то зала у нас ровнёхонек, но ощущения от того, что реально движусь в гору – абсолютно достоверны. Иногда грешным делом думаю, что, может, она чего делает с гравитацией?! Но вот я и наверху.

Ах, вот в чём дело.

С той стороны холма, у его подножия, раскинулась самая обычная индейская деревня. Тут вам и вигвамы, и вампумы. И скво. Плюс ещё и дети. Чумазые и визгливые. На дальнем плане маячит и лес, и даже протекает какая-то река...

Теперь более-менее понятно, почему индейцы-мужики, чёртовы охотнички, так остервенело меня атаковали: ещё бы! Вдруг, ниоткуда, или из воздуха, прямо у их обожаемого поселения возникает непонятный тип, к тому же явно чем-то опасным вооружённый! Такого, само-собой, нужно или захватить в плен, чтоб допросить... Ну, или уж пристукнуть –

но не насмерть, а только ранив. Чтоб допросить, уже будучи в безопасности. Целились-то они, как я теперь понимаю, мне в ноги.

Получается, я сдуру полностью оправдал их самые скверные опасения. И действовал как самый настоящий агрессор. Ещё и тупой.

Однако у меня есть оправдания: во всех предыдущих «миссиях» никакого сомнения в том, что местные «обитатели» будут настроены ко мне враждебно и агрессивно, и постараются сразу убить – не было! Впрочем, для тренера и Машины вряд ли эти аргументы окажутся серьёзными: тренер много раз нам повторял, что ситуация ситуации – рознь... Вот же блин. Пошёл я, получается, на поводу стереотипов своего мышления.

Но теперь ведь не переиграешь!

Да и, если честно, в плен я сдаваться, чтоб меня связали, скрутили, обездвжили, а потом пытали и допрашивали, во-все, вот именно, не собирался! Предпочитаю быть здоровым и свободным. А не связанным и замученным. И отношение к индейцам у меня, если уж совсем честно, почти как у какого-нибудь нациста – к низшим расам: предвзятое и циничное. Как говаривали ковбои в штатовских тупых и тоже откровенно нацистских боевичках-вестернах, «хороший индеец – мёртвый индеец!»

Поэтому поскольку на гребень холма я ещё не вылез, и осторожно осматриваю поселение, высунув из-за него толь-

ко голову, снова убираю её. Оборачиваюсь на своих «поверженных». Вон: пятеро ещё шевелятся, держась за глаза. Но не стонут и не вопят. Приучены мужественно терпеть. И боль от ран, нанесённых врагом, выдерживать молча.

Можно было бы, конечно, снять с них скальпы. Ну, или попытаться допросить.

Но я во-первых не знаю языка. А во-вторых, чего мне у них выяснять?! Сколько копий и стрел в запасе у воинов посёлка? И где тут ближайшее поселение бледнолицых?

А на кой бы ляд мне эта информация?!

Так. Ладно. Вспомним ещё раз Задание. Собственно, оно для третьего Уровня всегда сформулировано предельно коротко и ясно: «выжить». Хотя бы на протяжении отпущенного на этот Уровень полчаса. А в моём теперешнем случае – на сорок минут.

И что мне с этим делать?

Решаю проблему просто. Снова говорю в микрофон:

– Здесь боец Ривкат. Обезвредил основные силы противника. Нужно ли приканчивать их, остальных воинов, и гражданских?

Некоторое время – и опять-таки: довольно продолжительное! – в эфире царит молчание. Затем слышу:

– Приканчивать нейтрализованных и всех остальных не нужно. Этот Уровень считается вами, боец, пройденным. – Я прямо ушам своим не верю!!! До сих пор ни разу такого не слышал!!! – Поэтому если есть желание, можете переходить

к следующему Уровню.

Вау!!! Что имеется в виду?! Что у Машины предусмотрен и ещё более высокий Уровень?! *Четвёртый*?! Или что мне просто дадут на третьем – ещё одно Задание?

Спрашиваю:

– Каково будет Задание для нового Уровня?

– Задание то же самое. Выжить.

Ага. Стало быть, ничего принципиально нового. Ну и ладно. Продолжим развлекаться? Продолжим! Тем более, что тренер на повисшую паузу реагирует адекватно:

– Боец Ривкат. Подтвердите готовность к новому Заданию.

– Боец Ривкат. Подтверждаю готовность к новому Заданию.

Вселенная снова раскалывается вокруг меня, в глазах – искры, и воздух вокруг словно наполняется на долю секунды чудовищным звоном. Но он мгновенно стихает. И окружающий меня Мир меняется – я даже вдохнуть не успел!

А вот выдохнуть успеваю уже на движении: какая-то шипастая и клыкастая тварь вроде огромного птеродактиля несётся ко мне справа сверху на всех парах!

Вот и въехал ей в прыжке ногой прямо в основание разъявленного клювешника!

С диким визгом, словно кто-то водит гигантской ложкой по кромке гигантской же фарфоровой чашки, тварь отлетает в сторону, и вонзается прямо в ближайший колючий куст!

Ну а поскольку выпутать свои крылья, сильно напоминающие таковые у летучей мыши, сразу не может, и продолжает биться, возмущённо вереща, могу более-менее спокойно осмотреть. Местность. И осмыслить. Ситуацию. В которую попал.

Это дело не радует.

В том плане, что я, оказывается, абсолютно голый, без малейших признаков «взятого на борт» оружия, и даже без одежды. Стою посреди необъятной пустыни. Вокруг только метровые серо-зелёные песчаные барханчики, поросшие чахлыми кустиками – я сразу подумал, что это что-то вроде местного саксаула. Если, конечно, можно так назвать сиреневые полуголые веточки, сплошь в колючках, и с редкими листьями в виде скальпелей. Растущие под зелёным небом, которое заливают жаркими лучами изумрудное солнце. К тому же – по виду куда крупнее привычного Земного.

Блинн. Вот мои самые худшие подозрения и подтвердились.

То ли Машина напичкана Программами, составленными самыми изобретательными писателями-фантастами...

То ли – я и правда где-то в чужом Мире.

И в последнее верится куда больше, поскольку – голый! А если у каких-то сволочных инопланетян и имеется устройство, способное переносить живые тела, примерно вот так оно как раз и должно действовать: только на живую плоть!

Непонятно только, как тренер-то связан с этими зелёны-

ми ублюдками. Сам-то он... Снаружи, вроде – человек как человек. Впрочем, я давно что-то такое и подозревал.

Уж слишком у нас в Братстве всё гладко и грамотно устроено и организовано. Ни тебе Комиссий. Ни попечительского Совета, проверяющего работу всех таких... Детских Организаций. Ни даже банальной пожарной инспекции. И про бытовуху – никто никогда.

Я раньше-то думал, да и все наши подозревали, что на самом-то деле наш закрытый Клуб «крышует» какое-нибудь сверх-секретное ведомство. Типа ФСБ. Или даже АНБ. А оно вон как получается! Впрочем, с чего бы это я так разволновался и развоображался?!

Лишь с того, что оказался голым в необычном месте?!

Ерунда. Такой образ можно легко сформировать даже с помощью современных технологий. А под гипнозом глубокого уровня я и голым себя увижу. И даже предстану перед собой в виде... Хотя бы – огнедышащего Дракона!

Так что включим «бритву Оккама», и не будем строить сложных гипотез, если возможно более простое объяснение.

Машина может меня через визуализационный шлем за-гипнотизировать? Легко!

Значит, я просто где-то у нас в зале, полёживаю себе на полу, а моё сознание бродит по салатного цвета пустыне под изумрудным солнцем...

Следовательно, не будем паниковать, и строить тупые догадки. А будем надеяться на то, что я всё ещё на тренажё-

ре-симуляторе псевдопространства. Только чертовски продвинутом и реалистичном.

Вот и примем ситуацию, как она видится. И будем вести себя как обычно.

То есть – попытаемся выполнить Задание.

Выжить.

А что мне здесь для этого надо?

Во-первых – оружие. Во-вторых – вода. И в-третьих – пища. Ну, и какое-нибудь укрытие. Если «миссия» затянется. А время в «утробе» Машины весьма субъективно. В тот раз, пока бродил по пещере, мне показалось, что прошло не полчаса, а полдня...

Ну, с «оружием» особых проблем не предвижу. Для этого нужно только пристукнуть так и не выпутавшуюся до сих пор из колючего куста птеродактелеподобную тварюшку, и оторвать ей когти на крыльях. И челюсти. Вон какие её, эту челюсть, усеивают здоровенные зубёхи! Если вооружиться ими – никому мельче меня мало не покажется!

Подбираюсь ко всё ещё вопящей монстре спереди. Одной рукой удерживаю её бьющие по воздуху крылья – вернее, то, которое сейчас свободно! – а другой хватаю за жилистое горло. Ух, как она смотрит на меня! Иллюстрацию с таким взором только в словаре размещать – под рубрикой «дикая ненависть»! Ну, или в фильме снимать. Как кровожадную и тупую монстру. Причём – даже без дополнительного грима...

Однако я не из тех, кого можно запугать «взором».

Через две минуты стискивания горла – а вернее, длиннющей шеи! – взор потухает, и агония птеранодона заканчивается. Голова падает вниз. На всякий случай удерживаю ещё с минуту. И только потом приступаю к выпутыванию тела монстры из куста.

А нехило оно застряло. Колючки устроены, словно обратные зубцы у гарпуна. Или рыболовного крючка. И колючек этих на листьях и стволе предостаточно. Ясное дело – и поцарапался, и чуть сам не завяз. Проклятуший куст. И только когда методичное и спокойное «отдирание» брезентоподобных летательных перепонок ящера закончено, нахожу возможность внимательно осмотреть подножие «саксаула».

Кое-что даже пытаюсь раскопать, разгребая рыхлый песок, чтоб увидеть получше.

Чтоб мне провалиться. Всё верно.

Растение – людоед. Ну, вернее, оно жрёт, конечно, не то, чтобы людей... Но кости, побелевшие, иссохшие, и отполированные ветром, которые нахожу у его основания, ближе к корням, могут принадлежать только животным. Или ящерам. Или птицам. Да кому угодно могут принадлежать: мне ясно только одно. *Земными* существами тут не пахнет. Уж больно скелеты эти и кости отличаются от всего привычного. А ведь тренер на занятиях по биологии знакомил нас с костяком, ну, или скелетом, почти всех земных созданий – что современных, что ископаемых... Чтоб знали ключевые, самые уязвимые, точки.

И что мне с этим делать?

Хм-м...

Думаю, нужно вести себя так, как наметил, исходя из Задания. То есть – в первую очередь – оружие. Вот эта раскопанная кость – прямая. Откладываем. Теперь отделить верхнюю и нижнюю челюсти птеродактиля.

Это удалось вполне легко. Воспользовался для этого заострёнными мелкими костями того, кого куст «уделал» без моей помощи. Заодно выяснил. Как ему удалось их уделать. Вон: в глубине, в середине, имеются весьма привлекательные и аппетитные на вид подобия плодов. Размером с добрый апельсин, и с чёрной пупырчатой кожурой.

Чтоб мне лопнуть, если попытаюсь достать – желающие уже удобрили почву, и подарили мне свои косточки-орудия. Так что скорее всего, плоды – просто приманка. Несъедобная пустышка.

Однако сверху припекает – будь здоров. И хоть я и не знаю, будут ли зелёные лучи действовать на мою кожу так же, как свет от нашего светила, лучше от солнечных ожогов укрыться. Ну, или прикрыться.

Сдираю с менее повреждённого крыла перепонку, и пытаюсь приспособить её вместо плаща. Поскольку «сшить» из неё штаны и рубаху мне уж точно не под силу. Да и с «раскромом» я не знаком. (Вот: кстати! Нужно бы при возможности хотя бы поверхностно проглядеть в Сети: по каким принципам ведётся конструирование верхней одежды!)

Плащ получился, конечно, аховый. Как и шапочка, которую вырезал из другого крыла. Зато уж носки из перепонки получились вполне себе – а то чёртов зелёный песок уже достаточно пообжигал мои ступни. И пусть они привыкли к грубому покрытию нашего канваса, температурные аномалии лучше преодолевать в какой-никакой, а – обуви.

Пришлось, правда, перевязать эти импровизированные носки-сапоги довольно большим количеством нитей-полос, которые нарезал уже из дырявой части перепонки.

Ну вот я и готов к переходу через пустыню. Единственное, что плохо – нет воды. Правда, у меня нет и ёмкости, где я мог бы хранить её, случись найти в какой-нибудь низине. Или оазисе. А вообще-то имею полное право собой гордиться: чем я не Риддик, предательски выброшенный на необитаемой планете с враждебной примитивной фауной?! Получается, это сами Организаторы этого Уровня подбросили мне шикарный Дар в виде несчастной «птички». Она мне послужит и обувью, и одеждой, и оружием. Правда вот, есть её мясо, омерзительно воняющее аммиаком и сероводородом, я вряд ли смогу. Реально – стошнит.

Значит – отмечаем как неконструктивные дурацкие паникёрские мыслишки о том, что всё это «натуралистическое шоу» мне подбросили агрессивно настроенные инопланетяне, и действуем как всегда.

То есть – действительно стараемся... Просто выжить!
Нахожу поблизости самый высокий бархан.

5. Город

(Ну, если за таковой считать возвышенность в неполный мой рост!) Залезаю.

Вернее – пытаюсь. Вот чёрт, оказывается – зря! Лучший наблюдательный пункт «мира и его окрестностей» уже занят!

Высунувшаяся из-под песка отвратительная оскаленная морда, даже не представившись, плюётся в меня! Причём явно в её слюне присутствует или яд, или какое-нибудь парализующее вещество, типа кураре: цвет этой весьма вязкой на вид слюны – фиолетовый! Впрочем, сама тварюга похожа на самую банальную ящерицу-круглоголовку. Только чудовищно увеличенную! А поскольку видывал и не таких, не испугался. Ну, почти.

От плевка уворачиваюсь легко: был ведь так и так насто-роже!

Тварь однако так просто сдаваться не собирается: вот я вижу, как задвигался, заходил песок на протяжении примерно трёх метров! Показались наружу и лапы с грозно шевелящимися когтями, и «очаровательный» оскал зубов. Ну уж дудки! Холмик – мой! И я не потерплю попыток какой-то рептилии прикончить меня – плевками! Или когтями.

Резко кидаю тело вперёд и влево. Теперь – вправо! Тварь от удивления (Похоже, тут так никто себя не ведёт!) замира-

ет на секунду с раззявленным ртом. А мне больше и не надо. Отталкиваюсь, и лечу, переворачиваясь прямо в воздухе! Падаю сверху на спину варана, оставляя своё лицо позади уродливой морды: а теперь, глупая скотина – получи кость в загривок!

Кость – та самая, что наметил и подобрал под горячо любимым кустом, и нёс за импровизированным поясом из полосы кожи любимого же ящера. И я посчитал, что в данной ситуации колющее орудие наподобии кинжала окажется полезней обеих зубчатых челюстей птеранодона. И пусть эта кость немного искривлена, уж я позаботился её кончик обработать: он вполне острый!

Эффект сказался пусть и не сразу, но сказался. Поёрзав и поизвивавшись под моим телом, трёхметровая гадина захлопнула бессильную достать меня пасть, и остановила движения субтильного, и слабоватого, чтоб скинуть меня со спины, туловища. И наконец замерла. Точно, значит, определил я место нахождения её позвоночника и нервных центров.

Похожая на бейсбольную ловушку ротяка осталась полураскрыта, а вот глаза... Подёрнулись поволокой, а затем и потускнели.

Отплёвываясь от вездесущего песка, и постанывая, я слез наконец с её крокодилообразного тела. Вроде, делов-то – раз плюнуть, а устал... Словно марафон бегал.

Всё верно: тварюга приличная. Метра три до кончика тонкого хвоста, и вес... Килограмм двадцать. А уж когти загре-

бущие... Исцарапали мне оба бока – не помогло даже то, что лежал сверху – вроде, туда когти и лапы в принципе доставать были не должны.

Гад злобный. Тот ещё варан. Явно – заматеревший.

Принюхался я к крови, покрывавшей извлечённый кинжал. Ага, порядок.

Можно пить.

А, стало быть – и есть!

Чтоб собрать со спины часть кожи, пришлось повозиться: в моём распоряжении из режущего только другая кость, чем-то напоминающая людскую лопатку. Ну а её кромку, как и остриё кинжала, уж я заострил о найденный у любимого куста камень: его тоже несу с собой, потому что похож он на кусок самой банальной окаменевшей пены. Стало быть – пемза какого-то вулкана. Очень подходит чего-нибудь оттачивать. Хотя откуда в пустыне – пемза... Затрудняюсь сказать.

Ну вот я и обнажил наиболее мясистые участки спинных мускулов ящерицы. Выглядит омерзительно, конечно. Но хотя бы аммиаком не воняет. Попробовать?

Придётся. Потому что моя «приспособляемость» тоже входит в правила Игры.

Хм-м!.. А неплохо. Хоть и жестковато, конечно. Вот уж глупо было со стороны этой монстры давать мне себя обнаружить! Как говорится – на каждого охотника найдётся свой охотник. Вот, кстати, о птичках! Быстро поднимаюсь на ноги и осматриваюсь. Так и есть. С севера (Ну, если судить

по солнцу!) быстро приближается целая стая моих давешних друзей— птеродактилей. А драться с целой стаей в мои планы не входит. Я и так получил достаточно царапин от милого птерозавра и от доброжелательной ящерицы.

Поэтому оставляю позади тельце «птички», уже лишённое крылышек, залезаю на холм, оккупированный моей второй жертвой, и быстро провожу разведку.

Ух ты! Не зря местный Эверест отвоёвывал!

Вон там, на юге, маячит в расплывчатом мареве нечто, очень даже напоминающее самый банальный город. Ну, там, небоскрёбы, дома, что-то вроде акведуков. И я сразу сообразил, что если где здесь и есть вода – так только там!

Значит – вперёд! И побыстрее...

Хватаю и взваливаю на плечо тушу варана. Морда с потускневшими глазами и вывалившимся из пасти хлыстообразным языком свешивается спереди, а хвост – сзади. А тяжеленек он, однако. Или это я ослаб. Но подкрепляться придётся позже. А пока мне надо этот отличный кусок мяса хотя бы оттащить подальше от потенциальных конкурентов в борьбе за «пищевые ресурсы».

Вот и бегу, что есть мочи, быстро, как только возможно, стараясь скрыться из виду в гуще «саксаулов», и прикидывая, каких ещё тварей мне нужно здесь опасаться. Ну, если «биотоп» местной пустыни напоминает наш, земной, можно, насколько помню биологию, нарваться ещё на ядовитых членистоногих. Вроде пауков. Или насекомых. Типа всяких

фаланг, каракуртов, жужелиц. Или пресмыкающихся. В виде змей. (ТЬфу-тьфу!)

Когда отбежал шагов на сто, и спрятался от низколетевших монстриков за самый «кустистый» куст, сбросил с плеча чёртову ящерицу. Уф-ф... Опять запыхался я что-то. Одышка как у старпёра какого. И, вроде, особо не мог устать. Может...

Низкое содержание кислорода в воздухе? Или просто – низкое атмосферное давление? Как на высокогорье?

Тем не менее, ощущаю, как трясутся ноги, и подрагивают руки. Плохо.

Значит, нужно отдохнуть. Ну, и поесть. И попить. Чтоб пройти, так сказать, акклиматизацию. И теперь-то я точно уверен, что сделано всё это специально. Чтоб подготовить меня. Да и всех наших, кто попадёт на четвёртый Уровень. К необычности обстановки. К самым различным условиям. К самым различным врагам. И приключениям.

Да и ладно.

А можно подумать, что я – против?!

Чёрта с два!

Даёшь приключения! Экзотические. Невероятные. Небывалые.

Я с большим удовольствием отвлекусь от рутинных забот и серой повседневности. А дома не сказать, чтоб меня ждали с «распростёртыми». Скорее уж наоборот. Новый сожитель матери был бы куда как счастлив, если б я вообще не появ-

лялся по вечерам...

Ладно, не будем о плохом. Лучше потратим время на, вот именно, еду и отдых.

Вычислил я правильно: с места, которое покинул, доносятся визгливые вопли, шум, гам, и клёкот: не иначе, делят чёртовы птички трупешник своего «однопольчанина», и дерутся при этом почём зря. Вот и хорошо. Потому что таскать с собой лишний груз глупо. Займёмся, стало быть, разделкой.

Полосы мяса со спины варана я развесил тут же, на колючем кусте, служившим мне прикрытием. Мясистые задние ноги просто отпилил целиком, как они были. Хотя с суставами пришлось и повозиться: сухожилия у ящера оказались – будь здоров. А больше сухопарое пресмыкающееся ничем съедобным меня не порадовало: не стоило с оставшимся немногим и возиться.

Да и ладно. Грех жаловаться.

Посидеть себе позволил не больше десяти минут. Хватит – жидкость теряется.

Пакую своё нехитрое барахлишко и полосы мяса в мешок, который получился, когда я снял шкуру с блёкло-зелёного (А какого же ещё!), и покрытого чешуйками живота ящерицы. Нести неудобно, но терпимо. Плохо только, что в горле пересохло, и чёртов песок так и скрипит на зубах. И моргать приходится всё время: чувствую, что чешутся глаза, постоянно овеваемые тёплым ветерком. Слизистая, стало быть,

пересыхает с непривычки.

Следовательно, пока чертовски нужные мне сейчас органы зрения совсем не опухли, и я не ослеп, и от усталости и обезвоживания не обездвижил, нужно выдвигаться.

Поход через пустыню оказался чертовски выматывающим.

Это если сказать мягко. А если как положено – ох и матерился же я. На всё: и носки из кожи постоянно сползали, и ветер упорно иссушал мою покрасневшую на открытых участках тела и зудевшую теперь так, словно меня покусал миллион комаров, кожу. И на солнце. На последнее – больше всего. Поскольку с того места, где оно стояло, когда я тут появился, оно не сдвинулось ни на миллиметр. Хотя по моим самым оптимистичным прикидкам прошло не менее пяти часов! «Субъективное ощущение времени», будь оно неладно!..

Но ругался я про себя, понятно. И дышать старался носом, и медленно и неглубоко – чтоб не терять через рот драгоценную влагу. От тех существ пустыни, которых встречал на пути, уже старался держаться подальше: мало ли!.. Впрочем, их попало немного – в смысле таких, которых удавалось увидеть более-менее прилично: пара ящериц размером поменьше, чем моя, три колченогих черепахи размером с блюдо, с десятков чёрных, и на вид противных, и явно несъедобных, жуков... Змей не встретил, но следы от проползания чего-то

с мою руку толщиной в одной из низин имелись.

И всё равно: когда наконец подошёл вплотную к широкому чёрному шоссе, похожему на кольцевое, за которым начинались собственно строения, слюна сталактитами свисала с моего горящего огнём горла, а руки-ноги еле двигались. А уж голова... Гудела, как колокол. Горели и сощуренные теперь в тоненькую щёлку глаза.

Хорошо хоть, никто больше на меня не напал. Поскольку любые подозрительные, или те места на песке, что начинали вдруг шевелиться, я, если честно, просто обходил.

Так. Странно всё это. Ни одна, даже самая заваливающая, машина, пока приближался, глядя то одним глазом, то другим, то обеими, по этому шоссе не проехала. И в самом городе ни малейшего движения не наблюдается.

Что само по себе достаточно плохо.

Передо мной, стало быть – город-призрак.

Или вымерли тут все, или... Или, как вон, в Китае – понастроили, а пользоваться никто не желает. Потому что квартиры дорогие, а до центров цивилизации – далеко.

Хотя первый вариант кажется вероятней. Что тоже плохо. Нет здесь, значит, никакой воды. И еды. И укрытия.

Выглядит город... Как город. К центру и небоскрёбы повыше, метров триста, насколько могу судить, и всяких путепроводов-авторазвязок побольше... Фасады вот только... Странные. Нет никаких привычных прозрачных стёкол – а только абсолютно чёрные отблёскивающие поверхности, че-

редующиеся с тонкими полосами чего-то светло-зелёного. Металл, что ли? А вот автострады и дороги – словно из бетона. Серые.

Но стоять и любоваться видами мрачного и гнетущего заустения мне противопоказано. Искать воду всё равно придётся. Иначе я просто двигаться не смогу. Захожу на серое полотно «кольцевой» дороги.

Ух ты! Чтоб это сделать, пришлось словно проломиться через некий упругий, податливый, но вполне ощутимый, барьер! Я смог. А вот пыль, песок, и прочий хлам, вроде кустов перекасти-поля, похоже, не может – вон, в одном месте вижу, как тычется, но без толку, куст с половину моего роста. И пыль и песок, несомые ветром – словно неким маревом висит на очень чётко обрисованной границе!

Хорошо, что не колебался, встретив упругую преграду, а просто ломанул вперёд! Хотя теперь понимаю – ломанул только потому, что не было возможности остановиться и подумать. Устал слишком. И ослаб от потери жидкости. Плюс ещё «поглупел» – это вполне естественно при обезвоживании.

Значит, нечего мне тут «теоретизировать» про всякие «барьеры», а надо срочно найти, где бы напиться!

Подхожу к ближайшему зданию. В нём этажей тридцать – небольшое, если сравнивать с теми, что в центре города. И если его построили для существ вроде людей, то я – золотая рыбка. Потому что вход высотой всего в мой рост, а в шири-

ну – метров десять. Осьминоги тут, что ли, какие протискивались?! Но осьминоги, и вообще головоногие – обитатели морских пучин. Стало быть...

Я на бывшем морском дне?! Или... Как не вспомнить про кусок пемзы в моей «сумке» – как пить дать, из какого-нибудь подводного вулкана.

Ладно, хватит рассусоливать и думать над тем, что мне сейчас помочь никак не может. Осьминоги там, или нет: вода наверняка нужна была и им! Лишь бы – не солёная!

Вламываюсь через портал широченной двери. Снова ощущаю сопротивление Барьера, но преодолеваю легко. И что тут у нас?

А ничего. Пустой большой зал – похож на самую обычную приёмную в любом гос. Учреждении. Или в офисе солидной фирмы. Только вот ни мебели, ни декора на стенах нет. Вообще ничего нет. Пустые голые серые стены, да мёртвые проёмы дверей. Тоже широких, хоть и поменьше входной. Ведущих, надо полагать, в другие помещения. Ну, плюс ещё лестница. Ведущая наверх.

Когда осмотрел её, убедился, что уж точно – не для ног её делали. Похожа на банальный пандус, с валиками-впадинками через каждые десять сантиметров. Да, щупальцами в такие, наверное, удобно было упираться. А вот ступнями...

Впрочем, о чём это я – если здесь где и есть вода, так уж точно не наверху! А в каких-нибудь бойлерах, или резервуарах в подвалах. Откуда её насосами подавали бы к «потре-

бителям». Тренер на теоретических занятиях по инженерному делу ознакомил нас с типовым способом проектирования и строительства в том числе и любых небоскрёбов. Хотя не знаю, уместны ли эти принципы в отношении зданий, построенных на дне Океанов...

Но куда мне деваться-то?! Я должен найти воду. Желательно, конечно, пригодную для питья. Иначе через несколько часов я и двигаться-то не смогу!

Иду налево, через умеренно тёмное помещение, к проёму в его дальнем торце. Попутно выясняется, почему снаружи окна выглядят чёрными – тонировка. Причём – капитальная. Что само по-себе странно. На дне океана в такой смысла нет: сюда и свет солнца-то не доходит... Жаль, что я не археолог какой, или хотя бы не историк. Впрочем, чтоб уж точно выяснить, что тут было и как, нужна целая экспедиция. Хорошо оснащённая. И – года на три! А мне все эти «изыскания» интересны только в одном контексте: где здесь вход в подвал!

Вход в подвал действительно оказался в последнем, явно служебном, узком и если можно так сказать, ещё более убогом помещении. Здесь имелся и тесный пандус наверх – в «жилые» или, там, производственные, уровни, и – вниз!

А-ли-лу-я!

Неудобно ставить ноги в импровизированных носках: съезжаю! Скользко потому что. Ага! Идея!

Снимаю носки, распутав кучу своих же верёвочек-подвязочек-полосок. Сюю в сумку-рюкзак. Здесь полы ровные и

без песка! И обжечься невозможно. Хотя...

Пандус весьма прохладный – как, впрочем, и воздух вокруг! Только сейчас обратил внимание – а, вернее, дошло до меня наконец это дело! (Вот точно: отупел от обезвоживания!) Невольно качаю головой: неужели тут, внутри, ещё поддерживается стабильная температура?! Блинн! И какие же циклопические и сверхнадёжные автоматы следят за этим зданием?! И за поддержанием силовых полей? И созданием комфортных для жизни и работы условий?

Но вот пандус-спуск и преодолён.

Ого! А тут есть и двери! Похоже, не хотели местные обитатели, чтоб кто попало совался к ним в подвал!

Двери – обычные серые переборки из металла, как оказалось! – впрочем, открылись легко. Достаточно оказалось несильно хлопнуть по поверхности. А хлопнул я, если честно, в надежде хотя бы услышать, из какого материала сделано это нежданное препятствие. Но вот переборка ушла вбок, и мне открылся тёмный проём.

Плохо, конечно, что внутри нет света. Факел мне здесь сделать... не из чего. Разве что из веток любимого «охотничьего» саксаула! А сюда, за три поворота пандуса, доходит и так совсем крошечная доля света: поймал себя на том, что всё время щурюсь. Впрочем, это просто от того, что глаза воспалены.

Вынимаю свой «нож», и сую на всякий случай в паз снизу переборки: авось, не выедет, заперев меня в абсолютной

темноте! Вхожу.

6. Дом

То есть, ставлю за порог сначала одну ногу, а потом, когда ничего не случается, через полминуты – и вторую.

Твою ж мать!!!

Когда тело пересекает паз, по которому откатилась переборка, на потолке загорается свет! И то, что открывается моему поражённому взору, невольно заставляет на автомате отступить на шаг назад! Свет, зар-раза такая, тут же гаснет.

Ну уж дудки – я хочу рассмотреть всё получше!

Снова, уже куда наглее, вхожу. Тому, что отдельных ламп нет, а светится светло-салатовым светом весь потолок, уже не удивляюсь – ну приспособлены были глаза местных обитателей к зелёному. Так же, как у нас – к жёлто-белому...

Собственно, чего я ожидал, на то и напоролся. Помещение высокое, длинное и широкое. И вообще – ощущаю себя как на подземной парковке. Только автомобилей нет. По всей длине подвала идут ровные ряды толстенных колонн – похоже, чтоб поддерживать-таки всё то явно тяжеленное хозяйство, что сверху. Но не эти опоры в первую очередь привлекают моё внимание.

Вокруг ровные ряды цилиндрических титанических баков: каждый в три моих роста, и диаметром метра в два. Опутаны целой сетью из толстых и тонких труб и трубок. Идут вдоль обеих боковых стен туда – в глубь подвала. Но не до

конца. Потому что в середине здания, насколько я могу увидеть отсюда, что-то вроде машинного зала. Какие-то циклопические круглые штуковины, со спиралевидными выпуклостями на наружной части... Твою ж мать – два! Насосы!

Точно: вон: они и соединены через переходники со штуками, весьма напоминающими самые обычные электромоторы! И силовые кабели, ведущие к тем, видать! Уж настолько-то я в этих конструкциях разбираюсь. А занятно. Что одинаковые функции ведут к примерно одинаковому и внешнему виду.

Ладно, мне сейчас главное – не это. Иду по центру, по проходу между толстыми трубами, ведущими от конусных воронок в нижней части баков – к середине зала-подвала. По дороге внимательно оглядываюсь, и прислушиваюсь. Но вокруг царит полная тишина. Даже в какой-то степени страшновато: прямо мороз по коже! Снова и снова вслушиваюсь, боюсь, донесись до меня действительно какой-нибудь подозрительный звук – так бы и подпрыгнул до потолка!.. Но тишину ничто не нарушает: нигде ничего даже не капает, и не пшикает, как обычно бывает в любом подвале. Кроме, разве что, подпола моей прабабушки. Там не капало, а шкребло: в подполе водились и крысы.

Но здесь, к счастью, пока никого нет. И подозрительных дыр в стенах и полу подвала тоже нет. Когда подхожу к механизмам, выясняется, что дыр в изобилии наткано в потолке: в них и уходит несколько десятков как толстенных, так

и тонких, труб. А трубы – вот приколы! – окрашены. Как и насосы. В синий, жёлтый, и белый. И, конечно, чёрный.

Но меня в первую очередь интересуют не трубы, а насосы. Я точно знаю, что в таких устройствах всегда есть спец. краник – в самом низком их месте, для выпуска воды, когда делают профилактику или ремонт этих сложных и капризных устройств.

Краники действительно нахожу легко. Для начала решаю попробовать из синего насоса. Осторожно поворачиваю довольно длинную рукоять на устройстве, достаточно похожем на самый обычный вентиль. Тоненькая струйка, вытекающая из трубки толщиной в мой палец, на воду ни в какой степени не похожа. Густо-фиолетовая, и консистенцией напоминает, скорее, патоку. Хоть и не очень густую. Закрываю вентиль назад, принохиваюсь к натёкшей лужице. Пальцем тыкать боюсь, тычу заточенной лопаточной костью. Чтоб мне лопнуть! Какой я умный! Кость сразу начинает шипеть, и истончаться! Кислота!

Но удивляет не это – я к чему-то такому был готов! – а поведение накапавшей на пол лужицы. Вся она очень быстро впитывается прямо в пол! И не проедает его до дыры, а вот именно – впитывается! Любопытно. Универсальная дренажная поверхность из крошечных дырочек? Щупаю, плююсь, как баран на новые... Чёрта с два – никаких дырочек!

Плохо. Если подольше постою, рискую и сам «просочиться»! Но это, скорее, всё-таки средство для удаления, вот

именно, просочившихся «технических» жидкостей.

Пробую теперь жёлтый насос и его краник.

Жидкость, естественно, жёлтая. И хотя и выглядит куда пожиже, и кость не разъедает, пахнет... Сероводородом. Ладно, понюхали достаточно. Теперь лизнём, но аккуратно. Тьфу ты, гадость!.. Бр-р! Приходится сплюнуть, и утереть рот куском «рукава». Похоже на соду. Горькая, едкая.

Зелёная жидкость пахнет самым банальным бытовым газом. И сразу начинает испаряться весьма неприятными на вид и нюх облачками. Да что же это за!..

Черная жидкость, к счастью, оказалась бесцветной. И чертовски похожей на самую обычную воду. Пробую костью, затем – пальцем. Нюхаю, нюхаю... Пробую языком.

Ф-фу-у... А то я уж было начал отчаиваться.

Подставляю рот прямо под тоненькую струйку, и осторожно делаю несколько глотков. Точно – вода! Настоящая, и прохладная аш-два-о. Только... А, понял: дисциплированная. Уж её-то вкус ни с чем не спутаешь. Изо всех сил стараюсь сдерживать себя, чтоб не присосаться к трубе, и не открыть вентиль на полную. Знаю, помню, что пить при обезвоживании сразу много, и жадно – нельзя! Вода просто выйдет из тела с потом.

Даже и так ощущаю, как тело покрывается крошечными бисеринками – очень быстро дошло, значит, до любимого организма! Вот и славно.

Ложусь, презрев свои опасения быть «всосанным» – на-

деюсь на то, что я не жидкость, а дренаж тут «умный», и действует избирательно. После пяти минут лежания пью ещё немного. Через ещё пять – ещё немного. Затем решаю, что самое время немного перекусить. Достая своё полупровяленное мясо из спинки ящерицы. Пусть оно и подсохло, и почернело, есть его вполне можно. Соли бы только к нему... Впрочем, выход нашёл быстро: макаю в выступивший снова по всему телу пот, и приступаю к трапезе.

Через полчаса я вполне доволен жизнью: напился, наелся, пот и пыль с песком с лица и тела смыл, а что не смыл – счистил кусками кожи. Ну вот и порядок. Доказал я. Что вполне способен приспособиться и к самым удивительным и непривычным условиям. Можно, вроде, отдохнуть. А затем и дальше двигаться: за насосами нашёл я широкий и высокий (Ну, сравнительно!) тоннель, отходящий от моего длинного подвала перпендикулярно. И ведущий явно в какую-нибудь сложную систему коммуникаций, соединяющую в единый подземный лабиринт все эти городские здания. Да и правильно: ремонтникам и техникам куда проще всё это хозяйство обслуживать под землёй, а не вскрывать каждый раз, как принято у нас, асфальт улиц, и перегораживать проезжую часть на недели и месяцы!.. Молодцы местные инженеры: предусмотрели!

Обхожу на всякий случай подвал полностью. В дальней торцевой стене ещё одна переборка. Проверяю: всё правиль-

но. Когда от прикосновения она отъехала, вижу ещё один тесный «тамбур» с пандусом. Ого! А в этом тамбуре есть и пандус, ведущий ещё глубже! А что там может быть?

Чешу репу, и качаю головой: интересно, конечно, но... Темень там такая, что хоть глаз, как говорится, выколи. Да и устал я. Не до «углубленных», как говаривал один старый недоброй памяти генсек, разведок. Особенно болят, хоть, и промытые, глаза. Нужно дать им, да и телу, отдых. Возвращаюсь назад, в подвал. Перегородка задвигается. Только теперь до меня кое-что доходит: быстро иду к самой первой – в другом торце. Точно.

Закрылась она за милую душу, и никакая моя кость-кинжал её не остановила. И я даже скрипа не слышал. Хлопаю по перегородке. Она как ни в чём не бывало снова отъезжает. С сожалением смотрю на мелкую труху, оставшуюся от моего «боевого» верного оружия.

Да и ладно. Пустыня, вон она: заходи, охоться, добывай новых костей!..

Сейчас, два раза. Вначале – выплюсь.

Помочился я за ближайшим баком, жидкость, само-собой, впиталась. Я невольно дёрнул плечом: работает, зар-раза... Место для сна выбрал всё-таки поближе к насосам, на ровном пяточке, расположенном подальше от труб и моторов. В непосредственной близости от какого-то весьма большого ящика на стене. Это, я так понимаю, разные рубильники, контрольные датчики, и рукоятки управления. Вот толь-

ко добраться не смог. Тут крышка на мои похлопывания реагировать не желала. Да оно и верно: вон она, скважина. Явно для спецключа. А то будут тут лазать, кому ни попадя. А натворить с такой аппаратурой можно и верно – тех ещё делов! И не только по злобе, а и по банальной дури!

Уже лёжа на спине, пытаюсь оценить своё состояние... Да и поведение – трезвым взглядом. А что: вполне приличное состояние. Ни песками пустыни, ни её обитателями я не смутился. Пусть в городе никого и нет, но я бы запросто и встретился, если б понадобилось. Хотя... Думаю, дальше такая встреча вполне возможна. Более того: она неизбежна, поскольку с кем-то же мне тут нужно будет «выяснить». А заодно продемонстрировать «боевые навыки». Иначе что за смысл в таком тренажёре?..

А сейчас жаловаться грех. Я и наелся, и напился. И сейчас отдохну. Во вполне комфортных и защищённых условиях. Так что расслабимся, и насладимся покоем!

А вот с «утречка» можно и встать, и продолжить разведку!

Проснулся, как от толчка!

А, вон оно в чём дело!

Я лежу на полу, в нашем любимом подвале, а надо мной стоит, держа в руках снятые с меня визиоочки, тренер. Шурюсь и моргаю на него недоумённо.

Потом до меня доходит. Говорю:

– Прошёл я тот Уровень?

Тренер сдержанно ухмыляется:

– Ещё нет. Но проявил себя... Адекватно. Свободен на сегодня!

– Есть, свободен.

Встаю. С удивлением обнаруживаю, что и все остальные наши уже снимали очки, кряхтят, вздыхают, и направляются снова в раздевалку, и душевую.

Направляюсь и сам туда же. Снимаю комбез, чешусь, как заведённый – тело в красных пятнах и на боках царапины. Да что же это за?!..

Попутно отмечаю, какое всё вокруг блёклое, тусклое... Серое.

Словно ненастоящее!

А вот там, на четвёртом Уровне, даже несмотря на ветер и солнечный ожог, всё казалось куда ярче. И рельефней, что ли... Страшная мысль вспыхивает, словно прожектор, бьющий в глаза: может, я и сейчас ещё – на симуляторе, и Машина всё ещё работает?!

Однако когда наступил на острый и холодный стальной порог душевой, сразу мозг встаёт на место: я – дома! В клубе Братства. В столице, на Земле...

Теперь только вымыться, и – домой. Домой.

Хм-м... Не-ет, домой рано. Потому что Миха пялится на меня недоумённо, пока смываем пот, и ворчит:

– Кто это тебя так?

– Солнце. Не смог сразу прикрыть всё тело от солнечных

ОЖОГОВ.

– Да я не об этом. Расцарапал, говорю, кто?

– А-а, на боках... Варан.

– Варан?

– Ну да. Я сегодня добрался до четвёртого. А там – пустыня. – рассказываю смело. Потому что если Миха, да и ещё кто доберётся, наверняка им-то дадут что-нибудь другое. Впрочем, может, и мне больше того Уровня не дадут. Не знаю, – И солнце. Печёт, как угорелое. И гадость всякая водится. Птеродактили, вараны, жуки, черепахи.

Э-э, нет смысла рассказывать – видеть надо.

– Ага. Понятно. – Миха хмыкает. Затем хлопает меня по спине:

– Ну, видеть, не видеть, а замажь-ка ты все эти «боевые шрамы» йодом! Мало ли.

Мысль кажется мне здоровой, и я киваю. А ещё у меня появляются вопросы. Поэтому после мытья и одевания, уже в своё барахлишко, иду не домой, как обычно после занятий все наши, а снова в зал.

Тренер ещё там. Укладывает протёртые марлей со спиртом визииочки в их коробку. Подхожу. Он смотрит. Но ни о чём не спрашивает. Говорю:

– Тренер. Как так получилось, что меня и солнцем обожгло, и варан расцарапал? – показываю более-менее доступную царапину на предплечьи.

Тренер, спокойно глядя мне в глаза, говорит:

– Про гипноз что-нибудь слышал? – я киваю, – Ну тогда должен понимать. Когда загипнотизированному говорят, что сейчас его ткнут зажжённой сигаретой, ожог возникает даже в том случае, если его ткнули, как видят все окружающие, просто пальцем.

Ну, или приводя другой пример: помнишь самый первый, старинный, ещё плоский фильм «Матрица»? – снова киваю, – Ну так принцип один. Если разум видит, что тело получило царапину, она и возникнет!

Снова чешу многострадальную репу. Чувствую, как рот съезжает набок. Но решаюсь спросить в лоб:

– А если мой разум «увидит», что там, на четвёртом, меня убьют – я тоже... Того?

– Нет. Для этого в Машине есть предохранители. И вот ещё что. Забыл предупредить, что когда ты *там* ложишься спать, и сознание отключается, предохранитель тоже срабатывает. И ты возвращаешься. Живой. Но не всегда, как ты уже понял – невредимый.

Йод возьми вон там – в мед. шкафчике.

Тренер явно считает разговор исчерпанным, потому что поворачивается и уходит.

Я смотрю ему вслед. Рот возвращаю на положенное ему место. В-смысле – закрываю, так и не брякнув очередную глупость. Спросить и об *этом* я успею. А пока лучше и правда – промажу царапины. Как говорит Миха – мало ли!..

Домой еду как всегда на метро. Время не сказать, чтоб со-

всем позднее, одиннадцатый час, но здесь уже вполне комфортно, можно даже сидеть. Схлынул неиссякающий днём поток чёртовых туристов, студентов и работающих в «нормальные» рабочие часы. Остались лишь те, кто работает в неурочное время. То есть – по обслуживанию нужд любимого мегаполиса: машинисты поездов, кассиры, рабочие – ремонтники, обходчики, и коммунальных служб. Сторожа, вахтёры... И неугомонные паршивцы вроде меня.

Которым мало того самообмана, который даёт вожделённая коробочка или её образ на ладони, или стационарного компа. И которые хотят, чтоб жизнь не проносилась мимо, а обнимала, окутывала со всех сторон. По-полной.

В-принципе, тренер правильно говорит о ситуации. У нас здесь – особенно это заметно в как раз столице! – имеется весьма грозная тенденция. Всё усиливающаяся. Те сволочи, что заняты так называемым «управлением», или менеджментом, или трейдингом, и ничего не производят руками, сидят-посиживают в кондиционированных офисах, за что получают очень даже хорошие зарплаты. А те, кто, вот именно, как те же ремонтники, рабочие-коммунальщики, или просто рабочие, или фермеры, вкалывают до седьмого пота, делая что-то руками, и производя *реальные* товары и продукты, получают гроши!..

Обидно. Тем более, что все эти «белые воротнички» ещё вначале семь лет учатся в высшем. (На денежки родичей!) А учат их в-основном тому, как красиво, и в согласии с офи-

циальным Законодательством, развести остальных потребителей, или просто – людей, на их же деньги!..

Впрочем, тренер говорит, что так будет не всегда. И рано или поздно мастера и те, кто обеспечивает жизненные потребности Общества, возьмут своё. И поставят зазнавшуюся и зарвавшуюся «элиту», этих элоев, на место! То есть – превратят *их* в скот!!!

Ладно, до этого пока явно далеко. Будем, стало быть, ждать. Не форсируя. И занимаясь самообразованием и тренировками Духа. И тела.

До дома дохожу уже в сгустившейся темноте.

Дверь открываю своим ключом.

Дома все. В-смысле, и материнский новый. Слышу, как работает ящик. Мать выходит ко мне в застиранном домашнем халатике, шлёпая стоптанными тапками. Смотреть на её вечно озабоченное и жалобное, словно у побитой ни за что собаки, лицо, выше моих сил. Отвожу поэтому глаза вниз, делаю вид, что поглощён проблемой стаскивания кроссовок. Мать молчит. Смотрит. Потом говорит:

– Ужин в тарелке. Сам разогреешь?

– Да. Спасибо.

Мать уходит.

Зато приходит её новый сожитель. Этаким развязно-расслабившийся Квазимодо, который вдруг понял, что всё-таки кем-то востребован. Со мной он до сих пор не находил нужным не то, что «установить контакт», а и вообще говорить.

Но тут, решив, наверное, что пять дней достаточный срок, чтоб считаться здесь «Главой Семьи», спрашивает весьма наглым тоном:

– Ну и где это ты шатался до одиннадцати часов?

Считаю про себя до пяти. Отвечаю сдержанно:

– Это касается только моей матери и меня. Но не посторонних.

Мудила оборачивается в сторону дверного проёма, и повышает голос:

– Мать! Ты слышала?! Этот козёл считает меня тут посторонним! А я кто?

Возможно, он ждёт, что мать, по своему обычному слабостию скажет что-то вроде «хозяин в доме», или «наша надежда и опора». Но я не даю ей вступить в диалог:

– А ты – дерьмо. Заплывшее жиром и самовлюблённое.

Ну, тут уж он поворачивается снова ко мне. Лицо становится красным, как помидор. Открывается рот, полный кривых (Хоть пока и своих!) зубов. Рот плюётся слюной:

– Ах ты, щенок! Смотрю, некому было научить тебя, как разговаривать с теми, кто старше! Вот теперь понятно, что с воспитанием у тебя были проблемы!

– Уж не ты ли возьмёшься их решить? – спрашиваю нарочито спокойно, зная, что этим провоцирую его ещё сильнее. Вот и хорошо. Работает, значит, метод, предложенный тренером. А управлять людьми «опосредованно», оказывается, очень занятно!

– Да хотя бы! – гад делает шаг в мою сторону, и хватается меня за плечо, правда, пока явно не зная, стоит ли бить меня в присутствии нарисовавшейся в дверном проёме матери, и в то же время лихорадочно соображая, как же меня уделывать-то: ремнём, или руками?!

– Убери руку, или я её сломаю.

– Что?! Ты – ...! Долбаный ублюдок, ещё угрожаешь?! ...!!! Да я тебя!..

Тут этот наивный простачок, удерживая моё плечо одной рукой, другой и правда пытается ударить меня в челюсть. Перехватываю кулак в сантиметре от скулы – балбес мог бы с тем же успехом изображать замедленное кино. Держать его кулак в таком положении нетрудно.

Тогда сердитый мужичонка отпускает моё плечо, и пытается ухватить меня за ухо.

Большая ошибка.

Хватаю его за пальцы. Разворачиваю его ладонь этими пальцами книзу. Нажимаю.

Вопль, вырвавшийся из его перекошенного рта так громок, что начинаю опасаться – не прибегут ли соседи, чтоб узнать, не мучаем ли мы кошку! Впрочем, вряд ли – соседи в своих виртуальных «мирках»! Мать хватается за руку, которой удерживаю кисть гада:

– Ривкат! Ривкат! Пожалуйста! Не надо! Не ломай ему!.. Зачем тебе опять эта полиция?! За это лето ты и так у них два раза был!..

Отпускаю гада. Он смотрит на мать, на меня. Подпорченную лапку бережно прижимает к животу. Потом до него доходит:

– Ах ты ж сука! Так твой гадёныш – уголовник?! Да я ж вас обеих!..

Вношу ясность в ситуацию:

– Ты глупец. Видишь это? – показываю камеру в пуговице, – С видеозаписью мы сами отсудим у тебя последние штаны. Ты напал первым. И оскорблял меня. А теперь и мою мать. Если хочешь сам попасть туда, в места не столь отдалённые, можешь ещё попробовать «поучить» меня. Или пооскорблять мою мать.

Гад молчит. Злобно смотрит то на меня, то на неё. Губы кусает – обдумывает, стало быть. Значит не пьян, как материнский предыдущий. Который и правда – отправился на два года. И не «условно». Следовательно, этот сейчас придёт к правильным выводам.

И точно.

Злобно сопя, но молча, он уходит из коридора. Слышен шум. Мать всё это время смотрит на меня, прижимая ладони к груди. Молчу. А что тут скажешь?

Гад появляется из комнаты, в руках несёт явно все свои немудрёные пожитки. Говорит:

– Пропусти.

Сдвигаюсь в сторону, чтоб не задеть его. Он выскакивает за порог, словно за ним черти гонятся.

Дверь захлопывается.

Мать молча разворачивается и уходит в комнату.

А я и не тороплюсь идти за ней, бормоча, как в самый первый раз: «Он первым начал!», или «А пусть больше не смеет поднимать на тебя руку!»

Знаю, что бесполезно. Что оправдываться, что обвинять.

Да и ладно. Нужно поужинать и лечь.

Завтра с утра – пробежка. И учёба. Обычная.

7. Школа

Разогреть в микроволновке то, что мне оставили в чашке в холодильнике, нетрудно. Правда, я так и так не замечаю вкуса того, что механически пережёвываю и глотаю. Поскольку невольно всё думаю и думаю. О матери. Об отце. О нашей семье. Бывшей.

Конечно, если бы отца, работника какого-то вполне обычного госучреждения, профессионального, как это принято с пренебрежением говорить, клерка-бюрократа, не убили, прямо перед нашим домом, какие-то, вот именно – уголовники, когда мне было восемь лет, всё у нас могло бы быть по-другому... Но история, как любит говорить тренер, не терпит сослагательного наклонения.

Отца убили. Тварей, которые это сделали, даже не нашли, не говоря уж – поймали, несмотря на все чёртовы натыканные по всему городу видеорекамеры... Приспособился народ и к ним – капюшоны, пластилица, грим... Способов изменить морду – море.

Да и позицию полиции понять нетрудно: у них этих «вишяков», даже с убийствами – тыщи. Так что кто станет заморачиваться ради «отмщения» работничка, которых в столице – буквально миллионы. И у родственничков которого нет ни бабла, ни связей... На работе у отца тоже никто особо не расстроился – винтик для перекладывания бумажек заме-

нить легко. Так что выплатили нам три минималки по потере кормильца, и закончилось всё... Я, как это дело характеризует мать, замкнулся и озлобился на весь свет. А она осталась у разбитого корыта. С её восемью классами образования – только на «низкооплачиваемые» должности. Типа продавщицы. Или кладовщицы. Или подсобницы, или посудомойки в столовой или кафе. Хорошо хоть, квартирка бабушкина, в-смысле, от матери отца, и за неё не надо выплачивать кредит. Иначе точно – хоть в петлю лезь!

Вот поэтому я и примкнул, если это можно так назвать, к Братству. У них хотя бы чёткие Цели. И тело моё сейчас – не чета дряблему и со складками жирка телу отца, которое видал часто в детстве... Как и моя реакция на агрессию!

Правда, в «перспективах», которые мне, (как и всем нам) обрисовал тренер, я уже начинаю потихоньку сомневаться. Ну вот не желают ни частные офисы, ни гос. Учреждения, сокращать «непродуктивный» персонал. И всё множатся и множатся эти «пиар-ателье», трейдинги, холдинги, СП, конторы по «отмыванию» денег, агентства экстрасенсов, частные клиники, и кормушки для прочих беловоротничковых шарлатанов, кроме «обслуживания клиентов» ничего не производящих. Твари.

Даже проститутки честнее и порядочней – «товар» или «услуги» предоставляют без обмана...

Сфера услуг охватывает всё больше людей. И тех, кто реально что-то изготавливает или выращивает, становится всё

меньше. Правда, не знаю, как дела обстоят там, за шестым транспортным кольцом, огораживающим, как давешнее шоссе с Барьером, нашу «Белокаменную» от остальной страны. Да и мира. Но не думаю, что так уж блистательно. Потому что если бы там, в областях и регионах, всё обстояло хорошо, не продолжали бы они всё время наезжать, словно стаи перелётных птиц, или мигрирующих антилоп, в столицу: за товаром и продуктами. И «услугами». Или уж – поучиться. А если не получится – так к представительницам древнейшей...

Доев, привычно мою за собой чашку. Ставлю в сушилку над раковиной.

Теперь – мыться.

Из-за счётчика на трубе с горячей водой действую всегда просто: набираю тёплой водой пластиковый таз, стоящий в ванне, и залезаю, раздевшись, туда же, в нашу старинную чугунную: за плёнку. Обливаюсь из ковшика, стараясь заодно, чтоб хоть часть этой воды скатывалась обратно: в таз. Хотя я и помылся в душевой клуба, дома это – не водная процедура как таковая. А типа – ритуал. Который призван напомнить мне, что я – дома. В нашей с матерью «крепости». И стены её надёжно защищают нас от «бурь и невзгод» внешнего мира. И ритуал этот всегда предшествует моему «укладыванию». В постель.

Комнаты у нас всего две. Маленькая, естественно – моя. Детская. Так её до сих пор называет мать. А я и не возра-

жаю. Правда, давно заметил, что она наконец перестала цепляться за память о «счастливых временах», и подходит к нашей жизни куда прагматичней. Вон: уже год, как стала знакомиться во всяких «клубах по интересам», а проще говоря – неофициальных брачно-своднических конторах. Которые под какими только названиями не маскируются, но служат только одной цели: содрать с «членов» вступительный взнос, запустить всех в большой зал, где желающие могут, конечно, и танцевать под непрекращающиеся медляки, а в-основном – для сведения пожилых, или просто – одиноких людей. В пары. Которые затем пробуют совместно «пожить».

И, кстати, не всегда – неудачно.

Но вот матери пока не очень в этом плане везёт. Правда, по её версии – это на меня «никогда не угодишь!» Я уже эту дурь опровергнуть не пытаюсь. Потому что сам хорошо осознаю: то, что отлично видно мне в её «кандидатах», ей не увидеть никогда.

Во-первых, потому, что я, как подросток, воспринимаю мир «обострённей» – так и во всех учебниках и справочниках по психологии написано. А во-вторых, после двух лет занятий в клубе, и года – в Братстве, вижу всё-таки гораздо глубже, чем та маска на поверхности, которой пытается, как защитным щитом, прикрыться любой современный обитатель большого Города. (Собственно, это и логично и актуально: иначе просто сожрут...)

Растираюсь стареньким махровым полотенцем, из которо-

го уже торчат, и даже выпадают, клочки полинявших от многочисленных стирок нитей. Нюхаю его. Точно: пора в очередной раз стирать. А на новое, как всегда, денег нет. Внутренний голос говорит мне, конечно, что пытаюсь сосватать нам в семью очередного хахала, мать просто хочет улучшить наше материальное благополучие... Поэтому иногда часть заработанных денег всё же приношу домой – когда нужно платить налоги, или закупать обувь, одежду, постельное бельё, мыло, и так далее: список наших потребностей никогда не кончается.

В комнате у меня царит, если можно так сказать, порядок, и суровая простота. Стол, за которым я «делаю уроки», хотя никогда я их не делаю, стараясь просто сразу запоминать то, что нам вдалбливают в школе, стул, книжная полка, на которой до сих пор стоят и старые учебники и сказки. Потрёпанный постер с группой «Битлз» на стене над кроватью, (Остался от отца – он был их фанат.) шкаф для одежды и эта самая кровать.

Раздеваюсь. Надеваю хлопчатобумажную пижаму. Привык к этому делу ещё с малых лет. А что: в ней очень даже удобно спать. Зажигаю ночник, гашу лампу. Эксперты советуют, конечно, спать в полной темноте. Но на... рать мне на мнение экспертов. Я хочу просыпаться при свете – чтоб кошмары уж сразу отступали!..

А снятся они мне нечасто. Но случаются. И если уж снятся – так уж сюжеты похлеще того, что мне час назад пока-

зывала Машина на четвёртом Уровне. Впрочем, будем надеяться на то, что сегодня устал, как конь, на котором пахали, и отключусь мгновенно.

Надежды вполне оправдались.

Хотя, конечно, нельзя сказать, что вообще ничего не снилось – снилось, но про что, совершенно не могу вспомнить, когда встал по будильнику. Туманные образы, которые только что маячили перед глазами ещё не прояснившегося сознания, растаяли, словно материнская зарплата к концу месяца.

Будильник у меня будит «нежно» – попикивает, как недоношенная канарейка, но – тихо. Аккуратно отключаю его. Со стоном спускаю ноги на половичок, знававший лучшие дни. А сейчас из него во все стороны торчат нити основы, да и истёртая дыра по центру, где вылез ворс – смотрится неприятным серым пятном. А когда-то там имелся рисунок симпатичного тигра. Вернее – тигрицы, окружённой ещё тремя тигрятами. Это мать додумалась мне подарить его на шестой день рождения.

Ладно, довольно предаваться ни к чему не ведущим ностальгическим воспоминаниям. Нужно собираться, и идти. Учиться.

Умываюсь холодной водой, чищу зубы. Смотрю в зеркальце над раковиной на своё хмурое и даже сердитое лицо. А чего я так завёлся? Всё – как обычно. Впереди ещё один серый, и наполненный в-основном бессмысленными действиями,

день. Который закончится, даст Бог, хоть каким-то нестандартным и интересным «шоу». А у других подростков и этого нет!.. Только ящик с тупыми реалити-шоу, да наладонник с соцсетями. Ну, и фильмами, или музыкой. Ладно. Криво ухмыляюсь себе же. Хорошо хоть, бриться мне пока не надо. Те жиденькие рыжеватые волосинки, что торчат у меня на подбородке, можно смело игнорировать.

Завтрак у нас обычно спартанский. Впрочем, ем я всегда в одиночестве – мать уже ушла в свой гипермаркет, к семи. Ей нужно успеть разложить по полкам недостающие товары и продукты. Пока покупатели не ринулись внутрь.

Так что кусок хлеба с куском сыра ем со вчерашним чаем, разбавленным кипятком. Пищевой маргарин из нашей «пижонской» и раскрашенной весёленькими цветочками маслѐнки загребаю прямо чайной ложкой – не люблю его «намазывать», как делает мать.

Но вот с приёмом пищи и покончено. Да и время как раз подошло: только-только успеть поменять в сумке-рюкзаке тетради, да двинуть на выход.

Перед тем, как захлопнуть и запереть входную дверь на три замка, и оставить её на попечение этажной видеокамере, невольно обвожу ироничным взором наше убогенькое жилище: н-да, не за что взгляду зацепиться. Это – не жильё. А, скорее, берлога. Где мы просто спим. Перед тем, как снова начать. Общественно необходимую трудовую деятельность. Влиться, так сказать, в ряды добросовестных работников.

Или, как в моём случае, учащихся.

До школы дохожу пешком – решил сегодня не бегать трусцой, а просто быстро идти. Нагрузка всё равно приемлемая: чтоб привести мышцы в тонус.

Только-только успеваю подняться на второй этаж, в класс, звенит звонок. Всё! Сейчас вход в школу перекроют, и тех бедолаг, что сдуру опоздают, будут разводить на бабки. Чиркая их пропуском по штрафному терминалу. А проще говоря – штрафовать их родителей, снимая деньги прямо с их кредиток. А поскольку многие себе такого позволить не могут, их чада вынуждены-таки поспешать...

Класс у нас стандартный. В четырёх углах и на потолке – видеокамеры. Через которые нас «отслеживают» в режиме онлайн операторы и методисты. Конечно, похоже не столько на школу, сколько на тюрьму, но тут я где-то с Правительством солидарен: довольно выпускать абсолютно ни хрена не знающих дебилов, которые на занятиях до Реформы изводили педагогов тем, что не столько слушали, сколько в планшетники пялились. Да и вообще мне повезло, что учусь – в гос. Школе. Потому что у меня есть эта заветная штукавина – прописка в столице. А вот дети «понаехавших», будь они хоть миллионеры – вынуждены учиться в частных школах. За куда большие деньги. А уж если денег нет – так для нашей страны абсолютно не имеет значения, какие рабочие будут работать подсобниками на стройках, или подметать улицы: с образованием, или вовсе – без.

Класс у нас не переполнен – двадцать учащихся. И пространство немаленькой аудитории организовано специфично: по центру конструкция, напоминающая обустройство какого-нибудь стандартного же крупного офиса: пространство поделено двухметровыми перегородками из ДСП на клетушки размером чуть больше чем метр на метр. Захожу в свою. Открываю сумку, достаю тетрадь. Сегодня первый урок – математика.

Кладу тетрадь и ручку на стол перед монитором, сажусь на стул с жёсткой спинкой и мягким сидением. Всовываю в уши наушники, вздыхаю. Ладно, чего тянуть. Нажимаю «Энтер». Монитор просыпается, и оттуда на меня глядит милое и приветливо улыбающееся лицо Марии Сергеевны. (Хотя кто его знает, как её зовут на самом деле! Телевизионная версия личности педагога может иметь совершенно другие ФИО, по его желанию. Во избежание, так сказать. Попыток отдельных несознательных родителей как-то воздействовать на этих самых педагогов. До, и во время экзаменов.)

– Доброе утро. Сегодня мы с вами поговорим о логарифмах. Их разработали для более удобной работы с числами, которые значительно больше...

Открываю тетрадь там, где лежит закладка. Пишу для проформы (Ну, чтоб персональная камера видела, что «работаю»): «цель разработки логарифмов. Год. Фамилия создателя.» Самому-то мне этого не надо: в результате методики, с которой нас ознакомил тренер, и тренировок в Брат-

стве, запоминаю я всё с первого раза.

Понеслась...

Обычно стараюсь действительно – учиться. Потому что экзамены – каждый квартал. Для тех, кто сдуру не сдаст – дополнительный курс. Ускоренный. Во внеурочное время. Естественно, за отдельную плату. Ну а кроме этого сильно стимулирует работать наличие над монитором следящей системы: мينيкамерой отслеживаются движения зрачков. И если они, эти самые зрачки, более пяти секунд направлены не на монитор, или не в тетрадь – загорается первая жёлтая лампочка на панели под монитором. При втором косяке – вторая. А после третьего «предупреждения» загорается красная, и к ученику подходит оператор. Или методист. Дежурящий в большом служебном помещении, заменившем сейчас учительскую. (Что логично, поскольку все «уроки» записаны в Студии, и учитель, записавший курс, спокойно-ненько может ехать отдыхать в Крым, или записывать новый, или просто сидеть дома, если записал уже всё. А приходит он в школу лишь раз в семестр – на приём, вот именно – экзаменов.) И если проверка следящей системы выявит, что с аппаратурой конкретного нарушителя всё в порядке – а как правило, с ней-то всё в порядке! – с кредиток родителей снова снимают деньги... Не больно-то посачкуешь.

Хотя есть и плюсы: «урок» теперь идёт не кабальные, как раньше, сорок пять, или даже сорок – а двадцать пять минут. Затем – перерыв десять минут. Можно посидеть, откинув-

шись на прямую жёсткую спинку, закрыв глаза – они реально устают от постоянного напряжения. Так и делает большинство. А можно, как делаю, например, я, встать, и пройтись, чтоб размять ноги, и то место, которым сижу на стуле.

В коридоре встречаюсь с Цезарем. Тот стоит у окна, и, типа, смотрит на наш школьный внутренний двор. Кого он обмануть хочет – я же вижу, что смотрит он на самом деле вглубь себя. Подхожу, протягиваю руку:

– Привет, Цезарь.

Он моргает, словно отвлѐк я его от невесѐлых, но необходимых дум, протягивает свою ладонь для рукопожатия:

– Привет, Волк.

Волк и Цезарь – клички. Мы сами их себе взяли, когда вступали в Братство. И это именно Цезарь предложил мою кандидатуру. Он на полгода дольше меня занимался в клубе, и старше меня на год. Но так мы называем друг друга, только когда одни. Или – в клубе. Для всех учащихся школы мы – Александр Старостин и Ривкат Нигматуллин. А ещё в нашей школе учится и Рыжий, он же Павел Варнаков. Но его класс базируется на первом этаже, и он обычно к нам не поднимается – да и невозможно предсказать, когда у кого будет перерыв, поскольку некоторые «добровольцы» предпочитают утром приходить, и, соответственно, включать мониторы за пять-десять-пятнадцать минут до официального начала занятий: чтоб их перерывы не совпадали с перерывами остальных. Так что если раньше в школах учащиеся «общались»,

сейчас это, скорее – место уединения. Или средство разобщения. Создающее законченных индивидуалистов, привыкающих жить только по собственным принципам и установкам. Рассчитывать только на себя. Хотя...

Ну, с той точки зрения, что некоторых учащихся привозят на всяких там «Майбахгах», и «Бэхах», и одеты они от разных там Гуччи и Армани, а другим школьникам, вроде того же Цезаря, или меня, достаточно и затёртых джинсов и застиранной футболки, это вполне логично. И разумно. Не будет возможности для столкновений на почве дискриминации по степени состоятельности родителей...

Спрашиваю:

– Ты чего сегодня такой задумчивый?

Он чуть дёргает плечом:

– А что? Так заметно?

– Да нет. Просто это – мне заметно. Для остальных ты – чувак как чувак.

Он криво ухмыляется:

– Точно. Задумчивый. У меня вчера родичи... Поцапались. Папашка опять набухался. А мать закатила истерику. Они... Даже подрались. А я... – вижу, начал он кусать губы, и чувствую самое скверное. И точно, – Полез разнимать. Вот и нарвался, – он приподнимает застиранную футболку, и показывает здоровенное синее пятно на рёбрах справа. – Подарочек, так сказать. От родной матери. Скалкой. Целилась, по её версии – в отца. Дескать, боялась, как бы он мне чего

не повредил...

– Хреново. Рёбра не сломаны?

– Вроде, нет.

– Всё равно хреново. Болит?

– Э-э... Болит.

– Как же ты сегодня работать-то будешь?

– Не знаю. – видно, что сам он расстроен этим куда больше, чем хочет показать.

– В любом случае тренеру сказать надо. Может, засунет тебя в предохранительный корсет. Или просто – направит на автодоктора. Или к Даниилу Олеговичу.

– Да не хотелось бы. В корсете я жутко парюсь. А автодоктор может меня вообще не допустить к занятиям. Форму потеряю. Шоу лишусь. А, кстати! – он опять отворачивается от окна, и уже заинтересованно смотрит мне в глаза, – Рыжий сказал, что ты вчера добрался до четвёртого?

– Да, добрался. И даже проторчал там по субъективному часов семь.

– Ну, и?..

– Ну и скучища, если вспомнить и оценить трезво. Весело было только вначале. Когда вдруг оказался абсолютно голый и безоружный посреди зелёной пустыни, а на меня спикировал сверху... – рассказываю вкратце историю своих «похождений».

Цезарь качает головой:

– А на мой взгляд – ничуть не скучно. Эх, теперь нескоро

я смогу попробовать пробиться дальше...

– Не парься. Ничего не потерял. Я только устал, как собака, да солнечный ожог получил. Плюс царапины. И, если честно, так ничего и не понял. В-смысле того, что там произошло. С местной цивилизацией. А, думаю, это входило в условия игры. Ну, то, что я попытаюсь докопаться. Ладно, попробую уж в следующий раз.

– Если дадут то же место.

– Вот именно. Э-э, ладно, – снова протягиваю руку, – Увидимся.

– Увидимся.

Перед тем, как отойти, всё же спрашиваю:

– Родичи-то... Помирились?

– Да вроде, – Цезарь опять невесело и криво усмехается, – На почве, так сказать, «трогательной» заботы обо мне...

В коридоре так больше никто и не появляется. И мы в гордом одиночестве расходимся по классам. Останавливаюсь у своего монитора, с удовлетворением констатирую, что ещё мигает зелёный огонёк – не превысил я, стало быть, ещё отпущенного лимита в десять плюс одна. Достāju теперь тетрадь по истории. Следующим уроком – она, родная. И препода – Ита Львовна. Женщина, вроде, спокойная и уравновешенная. Не то, что Анна Семёновна – следующий урок физика, и мне трудно бывает уследить за ходом и непредсказуемыми перескоками на другие темы, или даже вообще далёкие от физики мысли (Куда только смотрели редакторы, ко-

торые одобрили этот курс!) этой сравнительно молодой – лет двадцати трёх-четырёх! – дамы. Которая явно ещё не замужем, и комплексует по этому поводу. Иначе она для каждой лекции так обильно и вульгарно не красилась бы. И волосы каждый месяц не перекрашивала бы.

8. Новая работа

После второго и третьего уроков в коридор уже не выхожу. Вместо этого, как и почти все остальные, сижу, закрыв глаза. И думаю.

Слушать «релаксационную» музыку через наушнички, как делают многие мои одноклассники, даже самые «состоятельные», не желаю. Мягкая обволакивающая тишина после визгливо-напряжённого голоса Анны Семёновны, в котором так и чувствуется острая сексуальная неудовлетворённость, куда приятней... Однако думать мне тишина и темнота никогда не мешают. В частности, над тем, что вот мы тут, коренные москвичи, да и вообще все «аборигенные» россияне, перешли на такую занудную и утомительную процедуру обучения, а чёртовым «понаехавшим», и тем, кто пока не натурализовался, (Впрочем, как и детям тех, кто из наших олигархов предпочитает *такую* методу!) преподают всё по старинке. То есть – как было раньше, двадцать лет назад. И как до сих пор происходит, скажем, в тех же Штатах. И «просвещённой» Европе. Где вместо точных знаний можно и поиграться типа в угадайку – тестовая система.

И думы мои приводят меня к тому же выводу, что и антинационалистов, и «правозащитников», бастовавших и выдвигавшихся лет пятнадцать назад на митингах с лозунгами на плакатах, типа «Долой дискриминацию по гражданству!»,

или «Сделайте нашим детям нормальное обучение – они же ни в чём не виноваты!». «Наши дети – тоже дети! И достойны лучшего!...»

Чёрта с два они этого достойны. Разве что их состоятельные отцы купят им «достойные» должности и места... (Где они не продержатся и года – уж наши спецслужбы позаботятся.) И уже даже мне видны результаты такой «дискриминации».

Те, кого учат по нашей «старой социалистической» системе – востребованы.

Поскольку легко проходят любое собеседование. Плюс, конечно, многое (Если не вообще – всё!) даёт заветный штамп в паспорте: прописка! Те же, кто вынужден получать знания по американской системе, и слушают уроки «вживую», сидя все вместе в общих классах без перегородок – просто тупые и абсолютно ничего не усвоившие и не сообщающие ослы. Привыкшие не вспоминать, а полагаться на то, что могут найти в Сети.

Поскольку не запрещено там, в *тех* школах, пользоваться мобилами и Гугл-ом. А вот у нас запрещено их даже в школу вносить... (Опять-таки: штрафы!..)

Хотя вряд ли эти «дискриминированные» бедолаги таковыми осликами являлись от рождения. Не-ет, тут штука похитрее! Думаю, таким изощёренным и тонким способом нас, граждан нашей родины, делят так, как раньше было поделено в тех же США: вот эти – элита, то есть – плантаторы,

начальники, и командиры. Поэтому учатся в «высшем». И – *учатся*, а не просто присутствуют, просиживая штаны на заднице положенные часы!

А вот это тупое необразованное быдло, без прав и гражданства – рабы, солдаты (Пушечное мясо!), и чернорабочие. Им хватит и так называемого «среднего». По этому поводу сразу вспоминается сюжетец, когда поймали там, в штатах, и судили педагога *английского*, (!) который даже читать *не умел*, (!) а на уроках двадцать с лишним лет занимался с учениками... «Критическим разбором фильмов»!

Своеобразная получается у нас школьная система. Конечно, всё это – часть «внутренней политики». Но в США дискриминация по расовому, кастовому и материальному признаку сохраняется в той или иной, скрытой и закамуфлированной форме, и до сих пор. Особенно, если вспомнить тех же индейцев... Китайские кварталы. Или гетто.

Но сохранялась же она незыблемой всё в тех же штатах вплоть до пятидесятих годов прошлого века! Когда ей нанёс мощный удар Мартин Лютер Кинг и иже с ним...

И вот теперь мы наблюдаем интереснейшие исторические параллели и выверты: в Америке победила так называемая демократия. И что в результате?!

А то, что она, эта самая Америка – в полной ...опе, как экономически, так и морально, не говоря уж о – политически. Погружена в перманентный хаос – на высшем уровне, и во что-то вроде гражданской войны – на низшем: непрекра-

щающиеся стычки демонстрантов с полицией, расовые волнения, саботаж, откровенная лень и дурь...

Как результат – никто сейчас с мнением бывшего «полицейского всего мира и его окрестностей» не считается, всем они должны, а все мировые деньги (Ну, почти все – кое-что осталось у «великой трёхсотки»!) – у Китая, Индии и России. Так что америкосы могут, конечно, бряцать своим ядерным потенциалом, и втайне разрабатывать новые вирусы, но весь мир прекрасно понимает: применить всё это невозможно! Потому что ПВО у Китая и России – выше всяких похвал, как и антивирусный Контроль. А вот у Пентагона, с его колоссальным бюджетом – ничего даже близко похожего нет.

Доигрались в «демократию» и вседозволенность вонючие америкосы.

А почему вонючие – да потому, что, как видно из документальных кадров в выпусках новостей, там все города завалены чуть не по крыши мусором и отбросами: забастовка мусорщиков и коммунальщиков! А потому, что зарплаты низкие. По их версии. А про гей-парады, и митинги всяких там феминисток и лесбиянок я уж не говорю: кучеряво живут!

А потому что разрешено.

А всякие поправки к Конституциям не позволяют их Правительству применять силу. Иногда я даже думаю, что весь этот беспредел, особенно расовые беспорядки – хитро спланированная диверсия со стороны спецслужб. наших и Ки-

тайских.

Сквозь полузакрытые веки вижу моргающий зелёный – пошла, стало быть, одиннадцатая, последняя, минута моего перерыва. Ладно. Тянуть некогда – мне нужно освободиться до двенадцати. Чтоб встретиться с Рыжим, и успеть добратсья до места его работы.

Следовательно, приступаем к изучению биологии. С Вадимом Петровичем.

Одно утешение – этот пожилой мужчина хоть и говорит не всегда внятно, поскольку перенёс инсульт, зато в своём деле – профи. И действительно свой предмет любит. Всегда приводит интересные примеры, и показывает отличные иллюстрации.

До работы Рыжего добрались без проблем, потому что на метро. Уж оно-то даже в часы пик – работает как часы. И пусть приходится толкаться, вежливо извиняясь, и скупно улыбаясь, и иногда и ноги отдавливают, зато – втиснуться в поезд практически всегда можно. Ну, если постараться. И помочь друг другу.

Работает Рыжий в «китайском» ресторанчике.

Собственно, китайский он настолько же, насколько Рижские шпроты выращиваются в Риге. Но Большой Босс – Рафик Сурэнович – вполне себе на уме. Поэтому фишку на «сыроедение» и ЗОЖ вполне просёк. Так что и суши, и хренуши, и сотни наименований фруктов-овощей, и салатов,

как обычных, так и экзотических, у него в ресторанчике – всегда в ассортименте. И сам он отнюдь не сачкует от своих непосредственных обязанностей: присматривает. То есть – держит руку «на пульсе». Поэтому в двенадцать он всегда в «конторе» – небольшом чуланчике на третьем, мансардном, этаже.

Рыжий осторожно и аккуратно стучит в дверь с надписью: «Управляющий». Оттуда доносится не слишком приветливое:

– Да! Кто там? Войдите уже!

Открываем дверь. Входим медленно – вначале Рыжий, затем – я. Легенду придумали заранее. Впрочем, Сурэнович и сам не лыком шит:

– Ну-ка, ну-ка, кто это тут у нас? Ага. Павел Петрович и его юный... Брат? Я правильно понимаю?

– Совершенно верно, Рафик Сурэнович. Это – мой двоюродный. – Рыжий предупредил, что его Босс не любит хождения вокруг да около, и тех, кто мямлит, презирая таких «неуверенных в себе». Впрочем, думаю, вполне заслуженно, – У нас в деревне под Ростовым на Дону заболела бабушка. Очень серьёзно. А кроме меня поехать некому. Поэтому – можно, он вместо меня месяца три поработает? А потом я вернусь.

За что уважаю кавказцев – всегда ситуацию просекают чётко. И вокруг да около, вот именно, не ходят:

– Как зовут?

– Ривкат Нигматуллин.

– Ксерокопия паспорта с собой?

– Да. Вот она. – протягиваю заготовку.

– Справка по форме восемьдесят четыре?

– Вот она.

– Ага. – мельком взглянув на обе бумажки, Сурэнович хитро ухмыляется в усы, – Москвич, стало быть. Здоров, стало быть... Хорошо. Не возражаю. Со спецификой... И порядком тебя... брат... ознакомил?

– Да. – отвечаю коротко, на лице выдерживаю нейтральное выражение.

– Вот и отлично. Павел Петрович. Представьте нашего нового посудомойщика его непосредственному боссу – Тиграну Вахидовичу. И пусть приступает. Всё!

– Спасибо, Рафик Сурэнович!

– Спасибо, Рафик Сурэнович.

Упячиваемся, аккуратно закрываем дверь за собой. Время!

Потому что сегодня «секретарша» большого босса, а по совместительству и походная жена, Наталья Дробышева, бывшая мисс Набережные Челны, до сих пор вынуждающая все существа мужского пола на её «достоинства» оглядываться, решает пройти в кабинет начальства для «углублённой» работы с «почтой» на пятнадцать минут раньше обычного – с ней раскланиваемся в коридоре. Она, правда, делает вид, что всякую мелюзгу вроде подсобников и посудомоек

замечать в упор не желает. Да и ладно. Мы своего добились.

Тигран Вахидович, огромных размеров шеф-повар, несомненно посмотрелся модного когда-то сериала «кухня». Потому что пытается острить. И на нас с «братом» смотрит с хитрым прищуром:

– Это вот этот вот вредный татарин – твой брат?! Гони эту туфту нашим официанткам. Или, вон – бойлеру для горячей воды. Впрочем, если этот мозгляк будет работать добросовестно – пускай себе остаётся. Я не возражаю. Кстати – время! Вот и приступайте!

Рыжий ведёт меня в дальний закуток обширнейшего шумного, и наполненного паром и звоном посуды, помещения, и отправляет на отдых трудящегося над огромным чаном паренька – его сменщика Бориса – домой. На показ, где моё рабочее место, и в чём заключается специфика работы, много времени не уходит – три минуты.

А поскольку перчатки, мочалка, и набор моющих положены нам по штату, и лежат тут же, а мыть посуду я умею, осваиваюсь быстро. На прощанье Рыжий говорит:

– Ну, ни пуха тебе... Да, вот ещё что. Твой вечерний сменщик – Ван Ху. Он китаец. Никогда не мог найти с ним общего языка – на контакты он не идёт. И явно себе на уме. Но приходит всегда минута в минуту – ровно в три. Ну, успехов тебе на новом поприще!

– Успехов и тебе на «вольных хлебах»!

– Ага. Спасибо. Ну, чао!

Он делает ручкой, я тоже, вынув её из огромного чана с мыльно-порошковой водой, уже одетой в перчатку до локтя.

Вот мы и поменялись. Вроде, без особых проблем. (Тьфу-тьфу!)

Действительно, работёнка у Рыжего специфична.

Осознаю это ближе к трём часам, когда действительно является Ван Ху – плотный, но низкорослый подросток, наверное, даже моложе меня. На меня глядит без малейших следов удивления – словно и ожидал найти вместо высокого и русоволосого русского маленького смуглого и чернявого татарина. Если в чёрных щёлочках его глаз отразилось хоть что-то – я – японский Император.

Я к этому моменту практически разделался с огромной партией посуды, поступавшей по жёлобу из зала с обедающими – похоже, наплыв, наконец, кончился. Отираю пот со лба тыльной стороной предплечья, спрашиваю:

– Ты – Ван Ху?

Он молча кивает. Демонстративно смотрю на огромные часы на стене кухонного зала – ровно три. Говорю:

– Отлично. Я сегодня работал за Павла Петровича. Сдаю вахту.

Он снова кивает. Но что-то в его взгляде мне всё-таки не нравится. Не иначе, будет качать права. Или создаст мне какие-нибудь проблемы. Посмотрим. Подождём. Или...

Или уж сами постараемся!

Я проблем не боюсь. Как и китайцев. Хотя бы они при-

пёрлись всей диаспорой.

К клубу приезжаю даже чуть раньше обычного – как хорошо, что китайцы пунктуальны. Но перед входом никого из наших нет. Значит, подожду уже внутри. А пока переоденусь. И посижу спокойно – а то спина с непривычки тянет: три часа согнувшись – это вам не хухры-мухры!

– Здравствуйте, тётя Люба!

– Здравствуй, Ривкатик. Ноги почему не вытираешь?

Всё в лучших традициях. Иду снова ко входу, и «вытираю».

В ящик, правда, мне сегодня бросить нечего – потому что зарплата теперь мне будет выдаваться только раз в неделю.

Направляюсь в раздевалку. Посидеть спокойно хоть с десятков минут очень хочется. Там на скамье уже расположился Кузьмич. Даже переодетый. Он говорит:

– Слышь, Волк. Поделись по-братски? Как ты умудрился попасть на четвёртый?

Бросаю рюкзак на дно своего шкафчика, достаю форму. Пожимаю плечами:

– Да я, в общем-то, особо и не старался. А дело было так... – рассказываю, как встретился с индейцами, и как «уложил» их, – А потом просто вызвал тренера, и спросил. Нужно ли приканчивать уложенных, и всех остальных, кто там у них остался в деревне.

– И что – тренер?

– Сказал, что не нужно. И что если у меня есть *желание*, я могу пройти на следующий Уровень. А я подумал, что раз не так сильно устал, почему бы и не попробовать?

– Это ты после спарринга с тренером «не так сильно устал»? Не гони.

– Хм-м... Ну, после тренера и правда – аж ноги тряслись. Однако мне повезло с динозавром – уделал его без драки. И с индейцами, если честно, оказалось не слишком трудно. Да и подумал тогда – а чего терять-то?! Ещё один «весёлый» вечер в попытках наладить «семейные отношения» с моей родительницей и её очередным дебилом-хахалем?

– Логично, конечно... Ладно, мысль понятна. А как тебе на новом месте?

– Да нормально. Мышцы спины потренирую. Только вот...

– Да?

– Не понравился мне сменщик мой. Который заступает в три. Этакий злобный китаец. Не удивлюсь, если выяснится, что Рыжий ему уже наваял. Но, похоже, мало.

Так что вот о чём хотел спросить. Если у меня будут проблемы с китаёзой и его явно многочисленными кентами – поможешь?

– А то!!! Он ещё спрашивает! Да меня хлебом не корми, только дай начистить холки и узкожопые задницы всем этим скотам! Думаю, и наши – никто не откажется! Ты только намекни!

– Уж намекну. А китайца, если долго будет сопли жевать, и сам, если что, спровоцирую! Я же – безобидней отбойного молотка! А уж сентиментальный и чувствительный!..

– Да уж знаю! Как ротвейлер! – вместе раскатисто ржём, как раз в этот момент входит Эльдар, и выпяливается на нас.

– Что, опять домогались до тёти Любы?

– Ты что! – Кузьмич преувеличено широко раскрывает глаза, и машет руками, – Это же – святое! Тётя Люба у нас – как Ленин! Реликвия! Руками трогать нельзя! И скоро за то, чтоб на неё посмотреть хоть глазком, тоже будут деньги брать!

– Вот уж точно. Она у нас – уникам. Сегодня ноги два раза вытирал. И руки мыл. Ладно. – глаз у Эльдара, как, впрочем, и у любого члена Братства намётан, – Чего обсуждали-то?

– Да вот, надумали небольшой такой межэтничный конфликтик развязать. Сменщик Волка как-то косо на него поглядывает... – Кузьмич делится нашими раскладками.

– Ага. – Эльдар довольно кивает, – Считайте меня в своей команде! Навалять всяким разным понаехавшим уродам, да ещё узкоглазым – меня дважды приглашать не надо!

К моменту выхода на ковёр все наши в курсе, и я вполне доволен. А что: лозунг Братства так и рекомендует: если появилась возможность – нужно её использовать.

Ну, а если никак не желает появляться – надо и самим руки приложить, чтоб создать её!

Чтоб проучить, и поучить уму-разуму понаехавших и уро-

дов!

Обязательная разминка сегодня проходит без проблем и новинок. Затем – всё по накатанной.

В спарринг-партнёры мне сегодня достаётся Василий. Он же – Паровоз. Не потому что тяжёлый, а потому что мыслит – словно жерновами ворочает. Что-то новое, или непривычное воспринимает всегда насторожено. С недоверием. Хотя у него как раз – полная семья. И ещё трое братьев и сестёр. Но он – старший. И все заботы-хлопоты о подрастающем поколении довольно долгое время лежали на нём. Это не могло не сказаться на мировоззрении, и определённом, как это дело обозначает тренер, «консерватизме мышления». То есть – Паровоз у нас – тот ещё моралист. Любит, чтоб уж всё – «как положено». Правильно. И по совести.

Поэтому мне с ним драться, если честно – неинтересно. Было бы. Если б не поистине звериная сила, и напор, словно у дорожного катка! Поэтому уклоняться и финтить, накидывая ему хайкики и миддлкики очень даже весело... Если не считать тех моментов, когда ему-таки удаётся зацепить и завалить меня на канвас, и взять на удушающий.

Тут уж ему равных нет – говорю же: мощь, как у паровоза! Но вот пять раундов и позади.

Теперь – мыться и обедать.

На обед сегодня рагу. В-смысле, домлама, как её называет

Раиса Халиловна.

А проще говоря – уложенные несколькими слоями в огромный казан тонко нарезанные картошка, морковь, лук, говядина, болгарский, и что-то ещё, щедро политые сверху, так, чтоб всё насквозь пропиталось, густым томатным соусом. После того, как всё это дело пропарено в духовке три часа – буквально тает во рту!

Наслаждаемся гастрономическими ощущениями. Затем переходим в класс.

Сегодня тренер рассматривает вопросы общей биологии. С точки зрения логики.

В частности, почему невозможны в принципе существа вроде того же Фостеровского «Чужого».

А интересно. Поскольку всё как всегда упирается в самые банальные проблемы!

Любой организм должен питаться. И в его организме должна иметься некая универсальная энергосодержащая составляющая: у людей и прочих теплокровных это АТФ. То есть – аденозинтрифосфорная кислота. В ней и содержится энергия, расходуемая мышцами. А без мышц ни один монстр сдвинуться с места не сможет! Вот тренер и объясняет, что когда вместо крови – кислота, никакое из аналогичных сложных соединений попросту не сохранится там, внутри организма. Плюс ещё нужен эффективный механизм вывода тепла и отходов. Плюс...

Тренер объясняет вполне грамотно – и даже не совсем ещё

подготовленный человек – я в изучении общей биологии ещё в восьмом классе! – понимает легко.

Затем разбираем совершенно нереальные конечности-рычаги Матки Чужих – с рисунками, схемами. Диаграммами. Плечи и рычаги. Шарниры...

В конце тренер резюмирует:

– И пусть я только что научно доказал вам абсолютную неправдоподобность и нежизнеспособность описанного существа, это не мешает программе Машины воспроизвести его вполне достоверно. Как и многое другое. Пусть – нереальное, но вполне боевое.

Переходим в Зал.

Сегодня мне достаётся гигантская лягушка.

Создал её, если не ошибаюсь, Артур Конан-Дойль. Да-да, тот самый, который придумал Шерлока Холмса. А заодно написал ещё культовую сагу, породившую тысячи клонов – «Затерянный Мир». О том, как маленький отряд исследователей попадает на отрезанное от всего человечества плато в Южной Америке, а там... Кто только не живёт!

Те ещё монстры.

Лягушка, конечно, здоровущая, с доброго бегемота, и особой быстротой не отличается – как мой сегодняшний спарринг-партнёр. Но уж если такое злобно пялящееся здоровенными буркалами навывкате чудище, подпрыгнув, подловит, прихлопнув сверху – мало точно не покажется!

Вот и уворачиваюсь, и отскакиваю, напряжённо прикидывая, с какого боку мне к ней лучше подобраться с моей зубчистой-катаной.

9. Механический монстр

Потом вдруг – меня словно осеняет. Начинаю обходить злобное чудище по кругу, двигаясь то быстрее, то медленней, и тем самым не давая тому прицелиться – куда прыгать. Чудище злобно ворчит, словно матерится себе под нос – та ещё собачка! – и поворачивается, поворачивается, так и сидя скользкой задницей на одном месте.

И вот уже я нащупал одно из её уязвимых мест – задние, так сказать, прыгательные, конечности, не приспособлены для этих самых поворотов! Лапы наезжают одна на другую, и пальцы с перепонками путаются друг в друге. И твари постоянно приходится приподнимать задний конец туловища (Назовём это место так!) над полом, чтобы переместить чёртовы раскоряченные пальцы с плавательными перепонками в нужную позицию. Но прекращать разворачиваться гадина не хочет – похоже, опасается-таки меня!

Радуюсь этому, криво ухмыляясь, и начинаю двигаться чуть быстрее. А потом – ещё быстрее. И вот уже я почти бегу, а монстра злобно щерится, разевая хлебало, и возмущённо моргая на меня буркалами размером с добрый апельсин. Но вот наконец и происходит то, чего я ждал. Монстра устала (Или ей надоело!) поворачивать туловище всё время мордой ко мне, спотыкается о свои же чёртовы ласты, и с сердитым взрёвыванием старается просто устоять на них, вынужденно

приостановив на пару секунд поворачивание по кругу.

Ну вот и настал, как говорится в дешёвых мелодрамах, тот долгожданный...

Пользуясь тем, что расположение глаз лягушки не позволяет видеть то, что находится прямо за её спиной, бросаюсь вперёд, отталкиваюсь от пола и уже вполне подсохшего, и не скользкого, копчака, и взрываю над серо-зелёной пупырчатой спиной.

Удар в полёте наносит хлесткий и прицельный – и вот уже глазное яблоко правого буркала твари разрублено, словно тот же апельсин, и из него фонтаном брызжет тягучая белесо-прозрачная жидкость, консистенцией похожая на самый обычный белок из сырого яйца. Тварь разевает пасть, и издаёт возмущённое булькающее кваканье. А пока она словно замерла в трансе, предаваясь «ощущениям», и не успев ничего сообразить, приземляюсь, и тут же вновь от пола отталкиваюсь, в кувырке пролетая теперь над левым глазом.

О том, что успеваю рубануть и по нему, можно и не говорить...

Ух ты!.. А реветь, оказывается, мой сегодняшней незадачливый противник может ещё похлеще тираннозавра-рекса! А уж головой как трясёт, пытаюсь маленькими лапками не то – соединить обратно разрубленные края белков-буркалов, не то – уж вынуть то, что осталось, из глазниц – чтоб не болело...

Для меня же сейчас важно только одно: выяснить, есть ли

у твари адекватно чувствительные уши. И позволяют ли они ей продолжить попытки найти и «уделать» меня.

Выясняется это довольно быстро. Не прошло и десятка секунд, как монстр закрывает пасть, замолкает, и опускает морду к полу. Тычется ей в разные стороны. И вид у него при этом весьма мстительный и завзятый. То есть – целеустремлённый.

Ах, вот оно в чём дело. Обоняние – на уровне. Вон те две ноздри на переднем конце морды всё-таки позволяют запрограммированной тупым механизмом, заменяющим ей разум, твари, как-то продолжать попытки догнать и убить меня. Посмотрим... Чуть отступаю, стараясь не шуметь – по части бесшумности передвижения со мной могут поспорить только всё те же легендарные ниндзя. У которых, кстати, мы много чего почерпнули.

Но в данном случае это мне не слишком помогает: лягушка, интенсивно сопящая, и явно вовсю подключившая «детекторы запаха», начинает движение, теперь, правда, не прыгая, а словно перемещаясь шагом. Двигается она таким странным, как бы переваливающимся, способом, конечно, куда медленней... Но получается, что связываться с тренером, чтоб сообщить о выполненном задании, как я было наивно подумал, рановато. Не-ет, такой противник будет упорствовать до конца. То есть – до смерти. Моей или его.

Уважаю, конечно... Но мне совсем не хочется игратья в салочки-догонялочки.

Поэтому бесшумно делаю круг, диаметром уже побольше, стараясь наступать почаще, и обходя локомотивную тушу метров за десять. И подбираюсь снова к её тыльной стороне. Тварь меня явно не слышит, потому что продолжает следовать намеченным мной маршрутом. Отлично. А мне нападать на неё снова с тыльной, наименее защищённой, части – не стыдно. Как учит тренер, нужно пользоваться слабостями и просчётами противника. И стараться действовать не «по совести», а – максимально эффективно. То есть – чтоб не тратить лишних сил, и самому остаться по возможности целым!..

Так и сделаю.

Снова срываюсь с места, отталкиваю от пола, а затем – и от копчика монстры.

Мне нужно взлететь повыше – чтоб вложить в удар и силу тяжести!

Вот и падаю сверху, вонзая со всей дури катану вертикально: прямо в затылок чудовища! Уж время вычислить, где примерно у твари должен находиться мозг, у меня было. Уроки, которые получил от Вадима Петровича и тренера, не пропали, как говорится, даром. Так что знаю, что «мозгов» у лягушки минимум два – головной и мозжечок.

Поэтому бью в самое подходящее место: там должен находиться главный ганглий, или как там эта штуковина называется. Катану из рук выпускаю, понимая, что в этом есть определённый риск: если не «поразил», тварь может гонять-

ся за мной и с куском стали, торчащим из черепа. Но если б не выпустил – точно обе кисти вывернул бы из суставов: инерция огромная!

Приземляюсь прямо перед мордой, спиной к ней, и тут же откатываюсь в сторону на всякий случай: мало ли! Ещё прихлопнет случайно – уже в агонии!..

Но со стороны монстры слышу только как бы... Выдох. Печальный такой. Словно предсмертный. Встаю, оборачиваюсь.

Порядок, вроде. Опустилась на брюхо моя машина для убийств, и сейчас жалобно разевает рот, опускаясь всё ниже и ниже – словно растекаясь по полу. И вот уже передо мной не злобный и коварный убийца, а просто кусок безжизненного мяса, который безвременно покинула имевшаяся (Или, по версии христианства – не имевшаяся!) у него душа. Мне, собственно, в данном случае до лампочки. Главное – миссия завершена.

– Здесь боец Ривкат. Задание выполнено, противник мёртв.

Снова какое-то время слышу только молчание. Затем голос тренера произносит:

– Принято, боец Ривкат. Задание выполнено. Если есть желание, можете подтвердить готовность, и переходить на следующий уровень.

Вау! Похоже, и сегодня удастся... Развлечься «не на шутку»! Хм-м... Не ждал, если честно. Думал, сегодня мне дадут

«отдохнуть» после вчерашнего марафона на выживание... Да и ладно – где наша не пропадала!

– Боец Ривкат. Готовность к прохождению нового уровня подтверждаю.

Вселенная вокруг меня снова раскалывается, и я оказываюсь...

В том же подвале, где накануне заночевал. И в той же «одежде»...

Но сейчас, похоже, мне будет не до сна! Потому что слышу я, как по соединительному боковому тоннелю-коридору к моему подвалу приближается некто.

А вернее, судя по механически чётким и регулярным шлепкам – нечто. Явно, вот именно – механическое. И явно – на гусеничном ходу.

Танк, что ли?!

Впрочем, вряд ли. У меня была возможность подумать над всем этим делом основательно, и я прекрасно понимаю, что такое навороченное подвальное хозяйство не может оставаться совсем уж без присмотра. Пусть обитатели города и канули. То ли в Лету, то ли – в анус. Но кто-то всё равно должен следить за функционированием сложных агрегатов и систем! И защищать Город от песка и монстров.

Так что это – скорее всего робот-ремонтник. Он же – и сторож.

Правда, в моём случае это не радует. Потому что эта штука явно предназначена не только для ремонта, но и для

«удаления», или проще говоря – устранения всякого рода крыс, ящериц, и прочих нежелательных организмов и существ, могущих повредить доверенное пристальному механическому оку ценное оборудование!

Впрочем, что делать, решаю быстро.

Поскольку я не собираюсь «убивать» несчастный автомат, мне нужно просто от него... Спрятаться!

Так и делаю, скрывшись на всякий случай подальше, но и не слишком далеко: за второй от прохода бочкой-цилиндром. Следя, чтоб никакую часть моего тела не было видно со стороны прохода.

Звуки между тем приблизились и стали гораздо отчётливей и громче. И я уже различаю не только шлёпанье траков гусениц, но и жужжание сервомоторчиков. И вот носитель всего этого жужжания-шлёпанья въезжает в мой подвал.

Слышу лязг, и скрип. Рискую выглянуть. Ага – логично. Механический танк, напоминающий краба-переростка (Если только бывают крабы на гусеничном ходу!), правда, с небольшой башенкой наверху ходовой платформы, открыл манипулятором дверцу щита, и сейчас изучает показания на многочисленных имеющихся там циферблатах, шкалах, и дисплеях. Вперёд выдвинуты телескопические штанги с явно оптическими сенсорами – типа, глаза. Но вот штанги с шипением вдвигаются назад в корпус, два передних манипулятора аккуратно закрывают дверь шкафа с контрольной аппаратурой, и третья клешня вставляет в скважину универ-

сальный ключ и поворачивает его.

Что-то в показаниях, похоже, моего железного друга не устроило.

Потому что он начинает неторопливый и методичный объезд подвала, выдвинув из ниши на верхушке башенки тубус, чертовски похожий на самый банальный боевой лазер. Во-всяком случае, на его передней части очень характерно отблёскивает линза-лупа. Механический монстр движется не по центральному проходу, а непосредственно вдоль стены, на которой висит шкаф с датчиками-приборами, и я так прикидываю, что до меня он доберётся через какой-то десяток секунд. Так что если не хочу оказаться «испепелённым», лучше бы срочно что-нибудь предпринять!

Отступаю, так, чтоб бак-цистерна всё время оставался между нами, одновременно вынимая из своей «сумки» уложенные туда «орудия», а проще говоря – куски костей. Бросаю их вперёд, к стене – туда, где они наверняка окажутся в пределах видимости оптических сенсоров механизма.

Чёрт возьми!

Приятно, конечно, что правильно определил назначение выдвинутого тубуса... Неприятно только, что от моих косточек кроме отвратительного запаха и горстки пепла ничего не осталось! Спалила их за доли секунды чёртова машина. Причём – все! А ещё хуже то, что бросив свои «пробные кости» я засветился. То есть – дал вычислить своё месторасположение. И теперь вижу, как край гусеницы появляется из-

за цистерны, явно направляя своего носителя прямо ко мне!

В мои планы не входит позволить увидеть меня, так сказать, воочию. Может, конечно, я и похож на «хозяина», то есть – того, кто когда-то обитал здесь, и машина запрограммирована таких «существ» не трогать...

Но скорее всего я-таки не похож! Поэтому аккуратно, без шума, скидываю с ног свои обмотки, оставляю их на полу, а сам бесшумно же продвигаюсь вокруг бака, так, чтоб оказаться за спиной – тьфу ты – с тыльной стороны! – механизма. Ага, вот и он – задний торец. Есть даже типа лесенка – чтоб забираться на платформу, где и правда, как у настоящего танка – башенка.

Ну ладно. Предположим, пока механизм изучает мои обмотки, я даже смогу забраться туда, и доберусь до лазера раньше, чем он развернётся ко мне. Но выворотить стальной кронштейн из корпуса я уж точно не смогу – металл слишком толстый. Что же делать? Не позволять же паршивцу на гусеничном ходу и правда – испарить меня?!

В данном контексте уверения тренера о том, что у *нашей* Машины есть «предохранители», утешает не сильно – умирать-то... Всегда больно!

Изучаю механизм, медленно двигаясь вслед за ним вокруг бака, внимательно. Хм-м... А что это – там, в кронштейнах на задней стороне самой платформы? Лом?!

Подбираюсь, затаив дыхание от нахлынувшего адреналина, чуть ближе, чтоб убедиться. Точно: лом! Вот повезло, так

повезло! И если я... Смогу его достать... А должен – держатели кажутся вполне стандартными и доставать железяку должно быть удобно и легко! Именно так и проектируются все эти роботы – чтоб таскать с собой весь набор орудий и устройств, которые мог бы, при необходимости, достать и пустить в ход и самый обычный ремонтник. То есть – человек. Ну, или нечеловек. Но существо с конечностями.

Заставляю себя перестать рефлектировать, быстро подбегаю к торцу машины, выдёргиваю лом из держаков. У каждого механизма есть огромный минус – скорость реакции электронных мозгов, может, и составляет доли секунды, но вот приводные механизмы!.. Всегда имеют инерцию и в скорости движений ограничены. Быстро лезу по лесенке наверх платформы, и со всей дури бью по начавшему разворачиваться ко мне тубусу!

Вмятина получилась – будь здоров! А точнее – тубус сложился почти под прямым углом.

Сработало! Потому что заискрило, задымило, и затрещало чёртово орудие на башне! Заскрипел и гусеницами мой повреждённый охранник подвалов! Моторчики воют – явно на форсаже! И вот, пока он пытается развернуться, бросаю ему с таким расчётом, чтоб увидал сразу, и всю свою «сумку», а сам делаю что было сил ноги, направляясь в противоположную сторону – к ближайшему выходу из подвала, пользуясь тем, что машина оказывается закрытой от меня всё тем же рядом баков-цистерн!

Финт прошёл благополучно.

Толку, правда, от этого не получилось никакого. Потому что заблокирована оказалась дверь в его торце, и не среагировала на моё нетерпеливое стучание по ней!

Ругаюсь про себя, а затем и вслух – когда упрямая дверь не сдвигается и на повторное, более «нежное», «стучание».

Всё ясно. Ремонтный гад может дистанционно перекрывать все двери и люки здешних помещений. Или...

Или он перекрыл двери заранее – ещё когда осматривал контрольную панель шкафа. И понял, что кто-то тут был. И остался. И «хлебал из его чашки» – а проще говоря – пил из его цистерны-бака. Однако расслаживаться некогда – даже без лазера мой друг наверняка имеет резервные устройства для устранения «нежелательных существ». Отступаю за ряд баков, осторожно выглядываю – точно! Уже выбрался на оперативный простор центрального прохода мой танк, и весьма быстро – километров этак в десять в час! – приближается к моему торцу подвала!

Проклятье. Бегать от него, даже при условии, что ему нечем в меня выстрелить, наверняка долго не удастся. Потому что механизм – это механизм. А я – всё-таки живой. И рано или поздно устану и захочу пить. И есть. О, вот, кстати – идея!

А что, если мне пробежать по чёртову соединительному тоннелю до ближайшего подвала, да попробовать выйти – уже через его двери?! Конечно, может так случиться,

что чёртов механизм дистанционно заблокировал и их... Но шанс-то – есть! Поэтому жду, чтоб ремонтник с так и искрящим на крыше башни повреждённым тубусом подобрался поближе, и снова обхожу ближайший бак: так, чтоб снова оказаться сзади робота!

А когда это удаётся, сую лом, который так автоматически и не выпустил из рук, в ближайшую гусеницу: надеюсь, что хотя бы на время удастся чёртову перечницу обездвигить – мне бы только скрыться за углом, в тёмном коридоре!..

Лом сработал и на этот раз: башенка завертелась, механические клешни-лапы потянулись к моей железяке... Но я уже бегу за рядами цистерн к вожделённому проходу к другим подвалам!

Тоннель-проход к этим самым другим подвалам оказывается вполне широк и удобен, не менее пяти метров в ширину, и высотой метра в два. А поскольку я невысок, мне это не мешает. Мчусь со всех ног по нему, радуясь, что не забыли его строители оснастить и его автоматическими лампами: загораются по мере моего пробегания! Но особо долго любоваться проходящими по обе стороны от центрального прохода толстенными трубами мне не удаётся: не проходит и полутора-двух минут, как я в подвале следующего здания! Кидаюсь сразу к ближайшему торцу. Нежный хлопок ладонью... Ф-фу-у... Сработало!

И вот она – вожделённая свобода!!!

Дверь-переборка ещё не кончила сдвигаться, а я уже выбегаю на лестничную площадку. Темновато, но ошибиться с выбором направления невозможно. Вверх!

Пробегаю по пандусу и анфиладе пустых комнат, за окнами которых уже почти стемнело – похоже, имеется-таки здесь и ночь! – выбегаю к выходу.

А вот рано я радовался. Выход на улицу из центрального портала перекрыт чем-то вроде прозрачной перегородки. Подхожу к ней – не припомню, чтоб такую штуку видел здесь при входе. Однако терять мне нечего: нужно попытаться прорваться! Стучу ладонью по прозрачной и холодной поверхности.

Ур-ра!!! Она сдвигается вбок, и я буквально вылетаю наружу, «на крыльях» любви к свободе! Даёшь открытые пространства пустыни, долой клаустрофобию от тесных подвалов!..

Бегу что есть духу туда – к кольцевому шоссе. Вон оно: не более чем в четырёхстах метрах! Зыбкое марево тамошнего «барьера» пролетаю за доли секунды, уже не заостряясь на «ощущениях»!

Пустыня! Какое счастье! И плевать мне на всех здешних ящерок-птеродактилей! Они – живые. И их я смогу «уделать»! А вот механистического монстра...

Хотя монстр-то – ни в чём не виноват! Он просто так запрограммирован!

И если хозяева заложили в него приказ убивать всё, что

видом на них не похоже, и может быть потенциально опасно для сложной машинерии, имеющейся там, внизу, на «технических» уровнях явно самодостаточного механизма Города – я тут поделаться ничего уже не могу. Поскольку не специалист по перепрограммированию. Да и зачем?!

Ведь я тут – гость. А бедняге танку ещё работать и работать! И пусть он теперь будет обходиться без лазера – остальные-то системы и устройства у него остались неповреждёнными! Впрочем, думаю, никто не помешает ему заменить и лазер. На каком-нибудь складе. Или Центральной ремонтной Станции. Но это уже – меня не касается. Я ни разыскивать эту Станцию, ни пытаться «войти в контакт» с местными механизмами не собираюсь. А собираюсь я просто – выжить!

10. Монстр из плоти

Поэтому быстренько забегаяю на ближайший подходящий бархан, убеждаясь, что никто на, и – в нём не сидит, коварно притаившись в засаде, и плюхаюсь в песок, стараясь не высовываться из-за гребня. Перевожу дух. А затем начинаю и высовываться: мне нужно точно знать, будет ли чёртова железяка преследовать меня по пустыне... Или же её «оперативное пространство» ограничено пределами Города. Или вообще – подвалами.

Вот и лежу. Поглядываю. Заходящее солнце светит вполне удобно – справа, и не мешает. Тени от небоскрёбов и разных эстакад-виадуков словно сплетают чудовищную не то сеть, не то – паутину, которая причудливыми фестонами и кружевами покрывает всё пространство застройки. Любуюсь, если можно так назвать придиричивое изучение всех построек, а вернее – их «выходов». Особенно внимательно отслеживаю то здание, откуда я только что выбежал. Плюс то, через которое вошёл. На всякий случай выжидаю не менее десяти-пятнадцати минут – уж за это время можно доехать до выходов и на той черепашьей скорости, что имеет мой любимый танк-ремонтник.

Но никто никуда из зданий не выбрался.

Порядок, стало быть. И преследовать меня не будут. Возможно, и потому, что наружные камеры наверняка показали,

что я покинул «пределы»...

Зато пока лежал, успел много чего передумать и прикинуть.

Если я действительно провёл в подвале несколько часов, пока искал, пил, ел и отсыпался, ночь подкралась не слишком, как говорится, незаметно. День здесь длится вовсе не вечно, как я сначала посчитал. То есть – планета ещё не развёрнута к своему светилу одной стороной, как, скажем, наша Луна – к Земле. И смена дней и ночей тут имеется, пусть сутки и объективно длиннее наших. Намного.

Вот, стало быть, моя насущная забота: найти источник воды, (Поскольку в Город меня уж точно теперь так запросто не впустят!) пищу, и укрытие. Ну, плюс, конечно, желательно и то, что может заменить одежду. Поскольку «ночка» ожидается явно прохладная. Мягко говоря. Я слышал, что в Сахаре зимой и ночью могут быть и отрицательные температуры – настолько быстро и капитально охлаждается без солнца песок...

Следовательно, нечего расслаиваться. Нужно оперативно найти ещё какого-нибудь птеранодона, чтоб снять с него шкуру, или «отстегнуть» крылья. И ящерицу – уже для мяса. Ну и, для совсем уж крайнего случая – питья её крови.

Поднимаюсь со стоном, и двигаю в пустыню. К Городу смело поворачиваюсь спиной, иногда всё же оглядываясь. Сейчас, на закате, когда солнце уже буквально в нескольких градусах от линии горизонта, здесь даже почти нет ветра – да

и вообще, всё вокруг кажется словно замеревшим. Застывшим перед периодом долгой темноты. Тихо, как в могиле... (Тьфу-тьфу!) Блинн, спят они тут все в это время, что ли?!

Но мой самый в этом плане чувствительный барометр, расположенный пониже спины, говорит о том, что куда вероятней, что – охотятся.

Под первым же подходящим достаточно большим и явно старым кустом с колючками-гарпунами нарыл себе костей. Заострил кое-как о другие кости (Такого удачного куса пемзы, как в первый раз, к сожалению, не попало!) наиболее подходящую. Порядок – я уже не безоружен. Хоть и не одет. Эй, ящеры-птеродактили, где вы?

Впрочем, жаловаться грех: инстинктивно двигаюсь к самому высокому местному бархану, и вот: нате вам! Словно специально для меня приготовленный там варан уже традиционно шипит на меня, и даже плюётся, подслеповато щурясь, и вертя головой: ещё бы: солнце светит ему точно в глаза!

Наивная скотина.

Через полчаса я и при мясе, и даже отвратительной на вкус, отдающей то ли медью, то ли – свинцом, крови, напился. Б-р-р-р! Чуть не стошнило. Но я же – «приспособленец». «К любым условиям». Терплю. Хоть и матерюсь, понятное дело.

Так, хорошо. Мясо и кожа для нового мешка-сумки у меня есть. А вот с летающими – проблема. Не желают они на

ночь глядя летать!

Ладно, даст Бог, переживём. Единственное, что напрягает – солнце скрывается-таки за горизонтом, пока я свежую очередного трёхметрового «крокодила пустыни». Но ещё какое-то время наверняка будет вокруг достаточно уже почти привычного изумрудно-зелёного рассеянного света, чтоб организовать себе нечто вроде «уютного гнёздышка» для безопасной ночёвки.

Вот этим и пытаюсь заняться. Нахожу и стаскиваю к особенно большому кусту-людоеду вездесущих шаров перекасти-поле: стараюсь выбирать те, что покрупнее. А находить их нетрудно: большинство застревает на небольших пока кустиках-людоедиках, и просто в низинах. Сами шары и правда – почти круглые, и колючки у них развёрнуты вовнутрь – похоже, чтоб катиться было удобно, а внутрь уж никто не совался, побоявшись застрять. Я на «сочную зелень» серых жёстких веточек-проволочек и дохленьких листочков покушаться не собираюсь. А собираюсь я обложить подножие выбранного мной куста-патриарха так, чтоб там, внутри, образовалась ниша для размещения моего брэнного тела. Потому что не слишком верю, что «замирает» тут на ночь вся жизнь. А, скорее всего, как и дома, на Земле, как раз – оживает! Мало ли кто тут шастает по ночам!

Хотя от вездесущих змей и всяких там сколопендр-тарантулов-жуков-воноячек, так, конечно, не спастись... Но, может, от крупных гадов, если они есть, и лютуют с наступле-

нием темноты – !..

Залезаю, перед тем, как забраться в свою «крепость», на ближайший бархан. Смотрю в сторону Города. Странно. Вокруг него ореолом в форме полушария имеется этакое мглистое сияние. словно из ниоткуда взялся мощный рассеянный свет, неплохо освещающий все эти виадукки-развязки-здания... Что именно светится, не ясно, да и ладно – удивляет только, как это я за всеми своими «хозяйственными» делами проглядел, когда он зажётся. Впрочем, сейчас это представляет чисто, как выражается Вадим Петрович, «академический интерес». Поскольку мне в Город вход заказан. Спускаюсь вниз. Сажусь.

Спать пока не собираюсь – силы ещё имеются, да и не хочу я в очередной раз оказываться там, в нашем тренировочно-игровом зале. Не «наигрался» я ещё здесь!

Вот и начинаю снова думать. Обобщать. Сопоставлять. Свои раскладки и выводы об избранной как-то самой-собой тактике действий. Местный танк я уделал, в-принципе, практически так же, как и конандойлевскую лягушку – сзади, коварно. И подло.

Впрочем, подходящим ли тут вообще является понятие «подло»?

Да, в старые-стародавние времена, когда рыцари скакали друг к другу лицом (Хоть и с опущенным забралом!), или дуэлянты целились из пистолетов в противника, тоже стояли передом. Или, там, боком. Лицом, в-смысле. Не говоря

уж о тех, кто дуэлировал на шпагах. Но это относится к дракам-разборкам между людьми. Вот тогда и имело смысл говорить о таких понятиях, как честь, честность, кодекс и правила турниров, и так далее. Потому что уже даже «спортивные» охотнички, когда стали осваивать Африканские саванны и джунгли Индии, явно были в «другой весовой категории», когда выходили с мощными многозарядными ружьями, или вообще – автоматами, против тех же тигров, львов и даже слонов...

Времена сейчас просто – другие. Как и обстоятельства. Пользоваться нужно всем арсеналом наработок! В схватках-спаррингах *у нас* речи о соблюдении правил и кодексов не идёт. (Хотя в пах мы и стараемся друг друга не бить, это вовсе не значит, что не можем, и не будем бить *так* чужаков и врагов!!!) Тут принцип один: обманул, запутал, вывел из строя коварным финтом или ударом – молодец! Победил, значит! А главное сейчас – только это!

Как не устаёт повторять тренер – сменились ориентиры и приоритеты.

И отнюдь не в сторону толерантности и уважения к врагу! Что же до «честности и чести» – оставим эти устаревшие понятия там же, где сейчас толковый словарь Ожегова: то есть – в прошлом. Это если сказать мягко.

Пока сидел, напряжённо оглядываясь и принохиваясь к запахам, приносимым снова поднявшимся лёгким ветерком, засёк и кое-что настораживающее. В частности – небо. Звёз-

ды, проступившие на нём, ну вот никак не складывают привычных и знакомых мне созвездий. Да и вообще: кажутся куда крупнее и зеленее (Ну, с этим-то понятно!..).

Следовательно, Машина заморочилась создать специально для меня абсолютно новую галактику. Или вселенную? А, может, ничего она не заморачивалась, и на самом деле я и есть – в другой Галактике?! Перенесённый сюда сквозь «кротовую нору» какой-то жутко навороченной и продвинутой инопланетной техникой?! К которой наши спецслужбы получили доступ, договорившись с этими самыми зелёными человечками?!

Но зачем бы им это надо? Они что – хотят воспитать из нас этаких универсальных межзвёздных пехотинцев? Циничных и безжалостных убийц? Бред!

Уже в наше время все ведущие армии мира предпочитают вести непосредственные боевые действия – с помощью дронов! И роботов! Или вообще – микропами. Или уж, вот именно, бактериями-вирусами.

Инопланетяне что же – глупее? Должны понимать, что электронные мозги дадут по части скорости реакции и действий – любому пехотинцу фору! Хотя...

Поводов для сомнений в подлинных целях нашей суровой подготовки у меня полно. Давно эти подозрения возникли. Разобраться и в них и в себе вот только не удаётся.

«Бей гадов!..» Конечно, этот девиз можно толковать по-разному. В частности – принимать за гадов толсто...опых за-

жравшихся мажоров и наглых «папочкиных» шлюх на крутых тачках и в брюликах. Или – тех же понаехавших. Китайцев. Азиатов. И прочих хохлов-молдаван... Что отнимают законные рабочие места у наших, местных, ещё и сбивая цену на рабочую силу. Поскольку готовы работать и за треть положенной законодательством Гражданину России минимальной заработной платы.

А можно за врагов считать и чиновников-бюрократов. Или даже представителей иностранных компаний – вон, пресловутый Макдональдс уже навяз у всех в зубах со своей вредоносной пищей, от которой и ожирение, и импотенция, и диабет, да и вообще – целый букет всяких болячек!.. Хотя они и прожужжали всем все уши, что «Никоим образом никому ничего насильно не навязывают! И выбор того или иного обеда происходит только *по личному* желанию любого потребителя!» А ещё за врагов и гадов можно считать и наших же бюрократов-крючкотворов во всяких там ТСЖ, и в регистратурах, налоговых, собесах, и прочая, и прочая, где людей изводят мелочными придирками и ненужными формальностями. Вымогая взятки. За справки и т.д. А можно за врагов считать и...

Но тут мои невесёлые думы и раскладки прерывает самая «банальная» вещь.

Чей-то грозный басовитый рык. Доносящийся, как ни странно, откуда-то... Из-под земли?!

Чёрт. Так у нас, в-смысле, на Земле, рычит только тигр!

Ну, или лев. Крупный.

Хотя, насколько помню, в пустынях они не водятся: нет элементарной кормовой базы. В виде всяких там антилоп, зебр и газелей. И тени: в виде акаций, пальм или других деревьев. Да и не побегаешь по песку...

Однако очень скоро мне приходится убедиться, что рычал не тигр. И не лев.

В пятидесяти шагах от меня песок начинает вздыбливаться, всё выше и выше, вздымаясь в воздух настоящими фонтанами и струясь потоками! И на поверхности показывает-ся...

Вначале – весьма уродливая голова. Чудовищно, нереально огромная. Квадратная.

Кого она мне напоминает?

Да банальную же черепаху! Вот и клюв, как у попугая, вот и чешуйки, отблёскивающие сотнями зайчиков от света звёзд, вот и чёрные полусферы огромных глаз – тоже с хитрыми искринками. Шея, конечно, кожистая... Зато толщина – о! А вот и приоткрывшаяся пасть с острой кромкой челюстных пластин – ого! Тираннозавры отдыхают!!!

Но вот песок зашевелился в круге диаметром с добрый бассейн, и на поверхность выбирается и остальное туловище... По размеру очень даже соответствующее голове.

Я сказал – черепаха банальная? Беру свои слова взад! Потому что не может банальной быть черепаха размером с танк. А вернее уж – с два!

И вот этот колоссальный монстр, эта чудовищная гора, возвышающаяся теперь над песком на два моих роста, начинает плотоядно принюхиваться, сопя так, что слышно, наверное, за добрый километр. И вид у неё при этом весьма голодный и заинтересованный. Поберегитесь вараны и птеродактили?..

Ага, чёрта с два. Хотите верьте, хотите – нет, но разворачивается и направляется это чудовище прямо ко мне! И как-то инстинктивно понимаю я, что «шерсть...изде – не защита». И не поможет мне мой валик из кустиков перекаати-поля. И выход только один.

Бежать, что было мочи, обратно в негостеприимный Горрод!

Потому что больше некуда.

Вот и бегу, подхватив свои немудреные пожитки, сломя голову, думая, что теоретически черепаха – травоядная, и гоняться за мной ей, вроде, смысла нет... Однако утешают эти мысли слабо, поскольку целеустремлённость движения и щёлканье хищным клювом-ртом не оставляют никаких сомнений в преимущественном рационе питания моей преследовательницы. Мясо! От этой мысли буквально мороз по коже! Быть сожранным чудовищной рептилией, из которой там, дома, мы сами варим супы!.. Бр-р! Вот была бы «ирония судьбы»!

Вот и чешу со всех ног, поминутно оглядываясь, к вождённому шоссе, мечтая только об одном: чтоб здоровущий

панцирь не пролез в невысокие (Хоть и широкие!) двери! И выдержал бы материал зданий, если чудовищный панцирь начнёт ломиться сквозь косяк!

Впрочем, довольно скоро выясняется, что бежать особо быстро не нужно: «крейсерская» скорость у рептилии не выше, чем у давешнего ремонтного танка: километров десять в час. Со вздохом частичного облегчения перехожу на бег трусцой. Полосы мяса, которые срезал с хребта варана, лупят меня по голой груди и спине, однако вот чего я делать никоим образом не собираюсь – так это расставаться с таким трудом добытыми запасами пищи! Единственное, что напрягает, мысль о воде. Потому что во входное отверстие любого здания я, конечно, сунуться попробую... Но никто не гарантирует, что чёртов обиженный мной танк не поперекрывает все двери в подвалы!

Сердитая, и сопящая, словно тот ещё тяжеловоз-локомотив, туша между тем и не думает прекращать преследование. Можно подумать, что она из вредности игнорирует наверняка куда более привычных варанов и прочих змей, чтобы только усладить свой пресытившийся этой банальной едой вкус – изысканным лакомством. В виде человечины.

Ну что могу сказать. Сволочь она настырная!

Вопреки моим сомнениям барьер у шоссе легко преодолели и я, и черепаха. Облизывающаяся монстра даже не задержалась ни на миг. Вон: опять моргает вылупившимися на меня зенками. И ведь не получится выбить их, как я было

навострился: видел потому что я и «броневыешторки» – тяжёлые веки из кожи, с чешуйками, опускающиеся, чуть что, на органы зрения. Ладно, погоди ж ты. Может, удастся столкнуть тебя нос к носу с моим здешним знакомым!

Хотя и ему придётся солоно, если не успел поменять лазер на запасной!

Бегу не к первому своему зданию, и даже не ко второму. Держу курс на самый высокий в близлежащем районе небоскрёб: он тут и шире, и выше остальных, и даже вверху – не традиционно прямоугольный, а как бы – скошенный, этакая заострённая пирамида.

Дизайн, мать его!.. Или его пик-шпиль – просто антенна?

Но особо предаваться рассуждениям об изысках местной архитектуры и средствах теле- и радиокommunikаций времени нет – чудовищная махина упорно прёт ко мне, словно сбрендивший линкор, загребая когтистыми лапищами так, что высекает искры из асфальта, или что там его заменяет, и вожделённо облизываясь. (Увидал в рассеянном свете зари от Города, как поблескивает слюна на салатовом огромном языке!)

Если б встретились где-нибудь далеко в пустыне, и не имелось бы запасного варианта, куда бежать, думаю, со страху запросто можно обо...раться – реально здоровенная и злющая гадина. И загнала бы меня чисто измором! Впрочем, отнюдь не уверен, что если сейчас сунусь к ремонтному агрегату, он вот прямо на мою защиту так сразу и встанет!..

Но вот я и у небоскрёба. Хлопаю ладонью по плите, она отъезжает: пока всё в лучших традициях. Но дальше начинаются проблемы. Слышу я из глубины здания знакомые до боли шлепки – гусеницы! Что делать?! Выхожу обратно за портал, и показываю язык сердитой черепашке. Та словно понимает, что я её дразню. Сердито ревёт. Во всю глотку. Невольно щурюсь. Ого-го!.. Децибел сто пятьдесят – словно самолёт разгоняется!

Но соваться в здание пока не спешу: жду, кто из моих «друзей» доберётся до меня раньше. От этого, как говаривает тренер, многое зависит!

Первой добирается черепаха. Отскакиваю внутрь, стараюсь откатиться чуть в сторону от локомотивного нижнего края панциря, оглядываясь. А вот и мой друг! Или это не мой друг? Не-ет, мой! Хотя он и явно успел лазер поменять: вон: начал палить!

Зелёный луч с омерзительным шипением и дымком погружается в серо-зелёную плоть вокруг шеи, бьёт и по морде: черепаха закрывает глазищи! Но попыток пролезть внутрь не оставляет, хотя явно видит, что здесь ей не протиснуться! Мой друг автомат продолжает поливать её лучом, и помещение заполняет отвратительный смрад от горелого мяса, и аммиака. Кровь, что ли, черепашня так воняет?..

Но вот до пресмыкающейся доходит, что что-то с ней происходит нехорошее. И так может странный агрегат и убить её! Она начинает отступление задом, и пытается развернуть-

ся. Не тут-то было! Луч, мощностъ котораго явно повысилась до максимума судя по нестерпимому свету, отсекает ей одну лапу, а затем и вторую, и монстра оказывается заблокирована в дверном проёме! Теперь ей – ни туда ни сюда, и пока она реветъ благим матом, чувствуя приближение смерти, пользуюсь случаем, и протискиваюсь наружу, в небольшую щель между полом и панцирем! Ф-фу-у...

Как бы не так.

«Фу» отменяется.

Потому что с трёх сторон к нам, то есть – ко входу в небо-скрёб на всех парах «несутся» ещё три ремонтника. И до них не больше пятидесяти шагов! Увидев меня, особо не раздумывают! А сразу палят со всех стволов!..

Больно-то как!!! Словно я – в гестапо!.. А-а-а!.. Мать вашу!..

Ну, что я могу сказать...

Предохранитель Машины, если честно, можно было бы отрегулировать и на боль поменьше. Потому что хоть я и вопил во всю глотку, но секунды две прошло, прежде чем моё отключившееся наконец «сознание» вернуло меня на канвас любимого зала.

Дико вопящим. И дымок от меня ещё с полминуты шёл...

Не говоря уж о том, что все наши на меня пялились, как на восьмигорбого верблюда. Ещё и на лыжах.

11. Дом, милый дом...

Трясу головой, делаю попытки подняться. (Лежу я, оказывается, на спине...)

Чёрта с два! Ноги разъезжаются и дрожат, руки словно не мои, трясутся, и тоже не желают слушаться, и голова кружится, словно от палёного бухла. Наши подбегают, сажают, а затем и встать помогают... Бурчу «спасибо», но голос тоже дрожит. Еле могу стоять прямо, и не шататься, словно осина на ветру. Ох-хо-хонюшки, как говорит мать.

Подходит тренер. Пристально смотрит в глаза. Моргаю. Но взгляд выдерживаю. Тренер спрашивает (Хотя чего тут спрашивать: и так всё ясно!):

– Задание провалено?

– Так точно. – говорю внятно, хоть и негромко. Голос представляю не дрожать, – Сожгли меня из трёх боевых лазеров. Убит с гарантией.

– Понятно. – впрочем, вижу по хитринке в глазах, что тренер вполне доволен моими «приключениями», хотя и не представляю, как бы он мог их отслеживать, – Рапорт принят. А сейчас, боец Ривкат – мыться. И домой. И всех остальных касается.

– Есть мыться. И домой.

По дороге в душевую наши не без интереса на меня смотрят. Но не спрашивают. Расспрашивать начинают, только

когда снимаю с невольным стоном комбез, и обнажается моё тело. Охламоны с удивлением и даже испугом рассматривают три толстые полосы ярко-багрового цвета, «живописно» украшающие мою грудь, спину и чресла. Кузьмич даже пытается потрогать пальцем. Осторожно, но я дёргаю щекой, и он пальчик убирает, так ничего и не спросив. Спросить решается только Санёк:

– Больно?

Щупаю, снова морщусь:

– Больно. Но сейчас – раз в сто слабее, чем когда прорезало насквозь...

Миха, покивав, констатирует:

– ... твою мать! Жуть! Вот так и подумаешь – стоит ли так сильно стараться и напрягаться. Получается, четвёртый Уровень – та ещё мясорубка!

– Да нет, – пытаюсь загладить негативное впечатление от своих «ощущений и приключений», – Было прикольно. Но то, что убили – чисто моя вина. Сам не предусмотрел.

– Чего?

– Того, что даже в пустыне могут водиться та-кие твари... Словом, невозможно там было оставаться. Сбежал к «цивилизации». А там – роботы-ремонтники. Защищали свою территорию. И вверенное имущество. Думаю, даже если расскажу, вам не поможет. Потому что у каждого наверняка будет свой *собственный* Мир. Не похожий на этот мой.

Владимир, наш лидер, говорит:

– Сейчас помоемся, и давай-ка, Волк, всё-таки просвети нас. Поделись опытом. Чтоб мы знали – на случай, если кто из нас всё-таки попадёт туда. Что там можно, а чего не нужно делать. И как действовать, чтоб выжить. И Мир опиши поподробней.

– Ладно. Согласен. Это будет... разумно.

После мытья минут пять уходит на рассказ. Заодно в это время одеваемся. В раздевалке тихо, все стараются не греметь и не стучать: слушают. Никто не перебивает: тренер отучил мешать рассказчику. Чтоб не сбивать того с мыслей и ощущений – воспоминания должны излагаться именно так, как происходили события. И нужно чётко осознавать, чем запомнились наиболее «яркие ощущения». Вопросы – только по завершении.

Вспоминать неприятно, но, собственно, не скрываю ничего: я действовал так, как считал разумным, и если результат получился неудовлетворительным – виноват только сам. Или неверно оценил обстановку, или напортачил с «противодействиями».

Когда закончил, Владимир говорит:

– Интересный Мир. Похож на такой, как было бы после Апокалипсиса.

Григорий, он у нас любит всё анализировать, говорит, кивая головой:

– Если там и правда жили какие-нибудь осьминоги, так у них и Апокалипсис должен отличаться от нашего. Например

– самое страшное для океанских обитателей – что? Точно: когда испарится вся вода! Ну вот! По описанию Волка как раз так и произошло.

– Непонятно только, откуда там чудовищная черепаха, явно отлично приспособленная к жизни в пустыне. – это влезает второй наш Василий, который Чекист. Поскольку всегда за Правду. И тоже любит, чтоб уж всё было – «как положено». То есть – разложено по полочкам.

– Ну, это-то как раз нетрудно объяснить, – у Миши уже появились интересные мысли, – Если жизнь из океана вместе со всей водой испарилась, её место тут же заняли обитатели суши. Как говорится: «Свято место пусто не бывает!» Вот и черепашка... Земная.

– Ага. Похоже на правду. Однако сейчас рассуждать об этом Мире, и о том, как бы там половчее устроиться, смысла особого не вижу. – Владимир хмурит брови, и тон у него серьёзный, – Предлагаю поэтому спокойно отправиться по домам. Там как следует подумать над вводными. И завтра обсудить. И методику поведения выработать. На всякий случай. Мало ли!..

Все согласны. План вполне рационалистичный. Да и утро, как верно подметили предки, вечера мудренее...

В метро сегодня снова почти пусто (Вечер пятницы!), и даже поезда ходят реже – через две, а не полторы минуты. Доезжаю сидя.

Во дворе встречаю наших «тихих алкашей» – дядю Федора (Хотя кто его знает, как его зовут на самом деле – может, Вениамин Петрович, или Сергей Иванович – он сам никогда своего имени не называл, а откликается на «дядю Фёдора», персонажа культового мультика!) и Алексея Владимировича, больше известного под той кликухой, которой его зовёт обычно с окна жена, любящая нарисовать над подоконником третьего этажа свою дебёлую грудь в низком выреze застиранного и легкомысленно полупрозрачного халатика: «Лёшик!». Ну именно так их весь двор и называет обычно. Вот только с третьим «другом» у них обычно проблема. Если не выручает дядя Никодим, наш штатный дворник. Отстоявший своё «фирменное» место в привратничкой и штатном расписании ТСЖ от нападков и поползновений всяких там понаехавших узкоглазых и черно...опых претендентов.

Я культурный: проходя мимо скамейки, где они пригрюнились, (Похоже, закончился волшебный, придававший смысла и радости их существованию, напиток!) здороваюсь. Дядя Фёдор отвечает:

– Здравствуй, Ривкатик. – и, помолчав, и видя, что я прохожу мимо, спрашивает, – А вот скажи ты нам, старичкам, потерявшим смысл жизни и ориентиры в этом несущемся сломя голову, мире: для чего, по твоему непредвзятому мнению, человек живёт?

Понятно. Сегодня, значит, недобрали до нормы. Раз на философию потянуло.

– Думаю, дядя Фёдор, для того, чтоб оставить после себя потомство. И дать ему нужное воспитание и образование. – мысли эти не мои. Но я в этой позиции целиком согласен с мнением Раисы Халиловны, супруги тренера. Она женщина с большим жизненным опытом. И четырьмя дочерьми – правда, от первого мужа, тоже, кстати, алкаша. Который умер, просто замёрзнув в сугробе. А дочери уже взрослые, и замужем. И внуков у неё уже – не то семь, не то девять. И тренер, кстати, очень их всех любит.

Дядя Фёдор, когда в затруднении, поступает как я: то есть – чешет репу. Правда, у него она нестриженная, немытая и нечёсаная: не то, что моя— коротким ёжиком простая армейская стрижка. Но в спину мне всё равно слышу вопрос:

– Так – что? Получается мы с Лёшиком свою функцию по жизни уже выполнили? И можем смело – того? Ну, в ящик?

Не нахожу нужным вилять. Останавливаюсь, оборачиваюсь:

– Зачем же – сразу в ящик? Но «функцию» – да. Выполнили, дядя Фёдор. Ваша же уже замужем? И внуки есть?

– Да. И внуки есть. Целых трое.

– Ну, видите, как хорошо?

– Да-а...

– И у дяди Лёшиного Николая внук, насколько помню, тоже есть. – это не вопрос, поскольку знаю точно. Как, впрочем, благодаря тёте Оксане, знает и весь двор.

Дядя Лёша кивает, правда, молча. Во дворе темно, но в

отблесках от нашего галогенного общественного фонаря вижу, как на ресницах «Лёшика» что-то подозрительно отблескивает... Слеза? Не моё дело.

– Ну, значит, всё в порядке. Основная задача выполнена. Можете смело отдыхать.

– То есть – делать то, что мы, собственно, и делаем?

– Ну да. Ладно, всего доброго, дядя Фёдор, дядя Лёша. Я пошёл.

Снова поворачиваюсь, и иду к подъезду. Слышу, как не слишком приглушённым голосом дядя Фёдор пеняет напарнику:

– Ну, видишь, балда такая? Всё у нас нормалёк! Даже Райкин малец тебе то же самое говорит! А устами младенца, как известно...

Захожу в тёмный, как обычно после ослепительного сияния двора, подъезд. Слышу справа, там, где каморка-склад дяди Славы под лестницей, подозрительный шум. Но тут же успокаиваюсь: это Тамара с четвертого сосётся с очередным хахалем. Его вижу в первый раз в жизни. Ну, или не могу узнать со спины. Да и фиг с ними – не мне читать чёртовой Тамаре морали и нравоучения. У неё и свой папаша – как раз дядя Слава! – имеется.

Дом у нас старой, ещё присталинской, постройки. Поэтому к себе на пятый тащусь пешком. Лестничные пролёты большие, широкие – можно подумать, что предполагалось, что и на них кто-то будет жить. Ну, или чтоб никто не мешал

друг другу при спешной эвакуации при бомбёжке – тогда, говорят, всё делалось как раз с таким прицелом...

Дверь отпираю своим ключом. Вхожу. Слышу приглушённый звук ящика: кто-то рыдает, что-то кому-то укоризненно выговаривая. Понятно. Мать подсела на очередной слезливо-правдоборческий российский сериал. Где очередную Золушку долго гнобят, распускают о ней гнусные слухи, лишают всего дорогого ей – словом, мутызгают мордой по толчённому стеклу, и т.п., но в конце-концов она всё равно восторжествует над всеми врагами, и даже уделает их так, что и шеф того же гестапо Мюллер позавидует...

Не понимаю, как матери не надоест – ведь сюжеты практически стандартны, словно их писал один сценарист, разнообразя только имена и места действия – то Саратов, то Екатеринбург, то Нижневартовск... Снимаю кроссовки, иду мыть руки.

Когда захожу на кухню, радуюсь потихоньку: снова везде – полный блеск и ажур: очухалась, стало быть, мать. Навела порядок после бардака, учинённого за какую-то пару дней разгильдяем-сожителем. Открываю холодильник. Тут слышу, как у матери началась реклама. И вот она выходит ко мне на кухню.

Общение у нас с матерью, если честно, происходит в последние два-три года достаточно странно. Как бы – схематично. По единому, раз выработанному, и утверждённому «вышестоящими инстанциями», шаблону. Она изображает

«трогательную» заботу обо мне, хотя прекрасно знает, что я её «заботливости» не верю ни на грош, и нуждаюсь в ней, как кашалот в зубной щётке. А я изображаю вполне послушного и мирного сынулю. Примерного ученика и любителя спортивных секций. Из идейных соображений культивирующего здоровое тело и здоровый Дух. Мать спрашивает:

– Нашёл вермишель?

Отвечаю, уже ставя отложенную из большой чашки вермишель по-флотски в фаянсовой лакушке в микроволновку:

– Да, спасибо. – поворачиваю таймер на две минуты: не люблю обжигающее.

Вижу, как она мнётся на пороге, то ли не смея проявить своё недовольство, то ли – просто не зная, что сказать. Прихожу на помощь сам:

– В школе всё нормально. Ничего не нарушал, деньги сдавать пока ни на что не надо. В секции тоже всё... Как обычно. – мать у меня до сих пор думает, что я занимаюсь в секции по карате. Ну, пусть себе думает. А даже если и сомневается – проверять же не пойдёт! Поскольку видела, что я сделал с её первым и четвёртым ухажёрами. Хотя последнему и правда – ничего не сломал. Так, попугал слегка... – Как на работе?

– Тоже всё нормально. Говорят, что в конце месяца моя очередь отгуливать отпуск.

– Пойдёшь?

– А почему не пойти, если в Контракте они вписали мне

именно этот месяц?

– Поедешь куда? К бабушке?

– Н-нет... Не хочу снова ездить в Казань. Мне последнего раза надолго хватит.

– Помню, помню. – усмехаюсь. Баба Нюра, как она хочет, чтоб её называли, а на самом деле она – Наиля, у нас «правильная». Почти как тот же Чекист. Только она ещё и «перфекционистка». То есть – порядок в доме покойного Пулата должен поддерживаться идеальным: пыль стёрта, полы вымыты, все вещи – строго на положенных им местах... Мне самому вполне хватило последнего посещения, когда мне было шесть. Запомнил тогда деда, и «проникся» его «приоритетами» – как не запомнить *такое!*..

Сидели мы тогда за столом под летним навесом, в чисто выметенном и аккуратном (Ещё бы!) дворе. И я вытащил под столом из своего беляша кусок мяса, и бросил (Думал, что незаметно!) дворовому псу: Алапору. Уж больно просящими глазами тот на меня...

А дед подошёл, схватил меня за руку. Брови кустистые нахмурил:

– Нет! Никогда так больше не делай, сопляк! Я вот этими руками зарабатываю не для того, чтоб дворовая шавка ела мясо! Мясо – для людей! – дед отпустил меня, и показал свои руки, сунув прямо мне под нос. Руки и правда – были заскорузлые и натруженные. Сиренево-коричневые, все в старческих пятнах. Большие! Как мне тогда показалось, да-

же слишком большие, – Поэтому пусть ест то, что ей бабка в миску намешает! Понял?

Я тогда так напугался, что только покивал. Знал, что бабка покупает на рынке мослы и потроха – специально для собаки. Но дед не отступился:

– Понял, спрашиваю?!

– Понял, Пулат Юсупович. – голос мой дрожал, но слова я выговорил чётко.

Но он ещё с минуту стоял надо мной, возвышаясь, словно прижизненный памятник всему честному трудовому народу. А я – типа, малолетний несознательный преступник, разбазариватель и прожигатель, и по мне Сталинские трудовые лагеря плачут!..

Я умудрился тогда не расплакаться. Губы поджал, прикусил изнутри зубами почти до крови, чтоб не дрожали. Но почувствовал, как в груди всё сжалось. Мать тогда на помощь мне даже не пыталась прийти: отца и боялась, и стеснялась. Уж больно он был «правильных понятий». А сейчас я иногда замечаю и в ней...

Всё это. Твёрдую уверенность в своей хронической правоте. Непокколебимую порядочность – ни разу она со своего супермаркета даже сломанной зубочистки не принесла! Хотя я знаю – другие позволяют себе... И ещё – стремление навести везде в квартире идеальный порядок. Пусть у нас пусто в холодильнике, но лицевые полотенца должны висеть вот на этих крючках, а те, что для ног – вот на этих!.. И мыло хо-

зыйственное в мельницу для лицевого не клади!

А поскольку тогда ещё был жив отец, я под любым предлогом к деду больше – ни ногой! Потому что отец вообще никогда к нему не ездил. (Похоже, тоже поимел «опыт общения»! При «знакомстве».) Собственно, мать особо и не настаивала. А дед ещё тогда удивлённо расспрашивал её: почему, дескать, единственный любимый внучок не приехал на Новый Год? Да и на девятое мая не был. Уж не из-за того ли случая с беляшом?

Впрочем, чего это я взялся ворошить прошлое? Мёртвое прошлое. Хотя, нет, не совсем мёртвое. После смерти деда, лет пять назад, его «традиции» свято соблюдает перенявшая бразды правления бабуля. И манеру поведения, судя по словам матери, переняла у него же. Поэтому я не удивляюсь, что материнские визиты «на родину» становятся всё реже. И она уже и на Новый Год не ездит к бабушке, ссылаясь на «работу», жуткие холода, и неотложные дела. Кому ж охота, чтоб тебя в очередной раз жутко занудно, одними и теми же словами, «учили жить». И растолковывали то, что ты и сам знаешь отлично. Или рассказывали в сотый раз, как заведёно было у них с Пулатом, когда они были молодые...

Спрашиваю мать:

– А, может, путёвку какую купишь? Можем себе позволить. Деньги есть.

– Нет. Это – деньги на новый телевизор. А то стыдно перед соседями. Кто сейчас такие смотрит?

Это правда. Такой телевизор, как у нас – вышел из моды и употребления ещё лет десять назад. Сейчас у всех большие и «навороченные», с quadro-системой, да ещё с «эффектом присутствия». А у нас плоский. И экран – всего сорок дюймов... Но не выбрасывать же его только потому, что «непрестижный»! Работает же! Говорю:

– Плевать на новый ящик. Его смотришь только ты, да и то – только вечером, пару часов в день, когда возможность есть. А съездить отдохнуть, развеяться, сменить обстановку – было бы неплохо. Да и мне скоро должны зарплату дать... – мать у меня до сих пор думает, что я подрабатываю на оптовом складе мебели, грузчиком: именно там я, действительно, и начинал два года назад свою «трудовую деятельность». А я и не рассказывал с тех пор о том, что сменил профессий пять. А уж мест работы!.. Зачем? Добавляю «аргумент», – Может, роман там какой курортный заведёшь?

Вижу, наступил на больной мозоль. Потому что лицо матери суровеет. Не «отошла» ещё, значит:

– Ты мне про «романы» не рассказывай. Малолетний ревнивец! Собственник!

Позволяю себе криво ухмыльнуться:

– А ты как думала? Чтоб я родную мать – да какому-нибудь уроду?!.. Ты у меня ещё очень даже!.. И достойна чего получше, чем тупые второсортные «менеджеры»!

Она качает головой, собираясь возразить, но тут слышит, как из ящика звучит реплика фильма. Мать дёргает плечом:

– Ладно, насчёт санатория я подумую.

– Сюда только никого оттуда не привози.

На это ехидное замечание она возмущённо фыркает, и гордо удаляется назад, на диван. Я вынимаю из давно дзинькнувшей микроволновки согревшуюся вермишель, и ставлю на стол. Теперь только – вилку, хлеб, и разбавить из чайника старую заварку...

Мытьё из ковшика проходит стандартно. Вытираюсь осторожно. Достаю тюбик с мазью, которую мне дал тренер, и снова обмазываюсь – и рубцы, и около них. А неплохо, будь оно неладно, действует эта штука: полосы уже почти поблекли. И болят куда меньше. Так за ночь и совсем исчезнут. Хочется, конечно, думать, что это – «инопланетная технология», но на тюбике написано банальное «Оксолиновая мазь. Наружное».

В постели принимаюсь как всегда проглядывать мысленным взором прожитый день. А что: вполне нормально он прожит. Узнал я кое-что интересное и в школе, и почву для «разборок» с китайским гадом-сменщиком подготовил, и интересный Мир посетил... Пусть и не слишком успешно. Ничего. Как любит говорить тренер – отрицательный результат тоже полезен. Потому что умному человеку позволяет учесть опыт. И сделать *правильные* выводы.

12. Фиолетовый Мир

А чего тут «правильно выводить»: и так всё понятно. Без оружия и запаса еды и воды не... рена делать ни в одном Мире! Но, с другой стороны, раз попадаешь туда голым и безоружным, в первую очередь как раз и нужно заботиться о добыче всего вышперечисленного... И сразу думать, откуда его взять!

Ну, про еду в Мире пустыни «подумалось», вроде, неплохо. А вот с водой...

С водой явно я напортачил. Нужно было, наверное, залезть на бак сверху. Там-то точно должен был быть люк. И если бы я его открыл, и напился оттуда, а не через дренажный штуцер с краном, вероятно, убыль воды мой чёртов агрегат не обнаружил бы.

Или – обнаружил?

Вряд ли теперь я узнаю это. Потому что «провалил» я этот Мир...

Новый Мир сразу мне не понравился.

Да и как может понравится фиолетово-лиловое солнце, фиолетовое небо, фиолетовый океан, и фиолетовые же стволы деревьев, беспорядочно покрывающие поверхность этого самого океана?!

Плавающие почти вплотную друг к другу, но вовсе не ори-

ентированные все в одну сторону, а словно высыпаемые чей-то гигантской рукой как попало: между хаотично расположенными, почти неподвижными из-за зыби «стволами», кое-где едва можно увидеть поверхность воды. Впрочем, может, это и не деревья – а просто похожие на них штуковины, примерно пары метров в диаметре, и с десятков – длиной. До половины сидящие в воде. Стало быть, довольно лёгкие. Или уж – пустотелые. На вид покрытые снаружи чем-то шершавым, что я сначала принял за кору.

Но при более внимательном осмотре оказалось, что это просто шероховатости самой поверхности: бугорки, небольшие валики, впадины. И поскольку ни малейших признаков ветвей, кроны из листьев, или корней не наблюдается, а наблюдаются сравнительно плоские, словно спиленные гигантской пилой, с обеих сторон одинаковые по толщине торцы – скорее всего это всё-таки не стволы. А цилиндры. Из материала, похожего, конечно, с виду на дерево... Но чертовски твёрдого. Это обнаружил, когда опустился на корточки, и попробовал поковырять ногтём тот ствол, на котором оказался и сам. Поверхность оказалась не шершавой, но и не гладкой. Скорее, как у банального цемента. И на ощупь – всё-таки металлической.

Странно, да. Ну а то, что сам я традиционно голый, словно Адам до отведывания пресловутого яблока, уже не удивило. Хорошо хоть, что не холодно.

Тут поверхность подо мной начинает потихоньку из-под

ног уплывать.

Нет, не так. Вижу и чувствую я, как «моё» «бревно» начинает неторопливо (Похоже, инерция у него – огромная, и среагировало это плавсредство только сейчас!) поворачиваться вокруг своей оси – и я понимаю, что если срочно не сделаю что-нибудь адекватное, окажусь в воде! А оказываться мне в этой густо-фиолетовой, и явно чем-то невкусным пахнущей жидкости, почему-то не очень хочется. А вернее – очень не хочется! Как-то вот инстинктивно не нравится она мне!..

Перемещаюсь поэтому по бревну на другую его сторону, так, чтоб постараться компенсировать, а затем и уравновесить импульс, который оно получило, когда я нарушил хрупкое равновесие, появившись здесь, а затем и опустившись к металлическому боку.

Некоторое время бревно всё равно движется, медленно вращаясь. Затем замедляет это вращение. И вот уже крутится в обратном направлении – условно назовём его «против часовой». Срочно смещаюсь в первоначальную позицию – ага, как бы не так! Какое-то время моё бревно ещё поворачивается, стоит неподвижно, затем снова начинает медленный поворот обратно...

Зар-раза ты такая! Как же ж тебя!..

Но через пару минут стараний и ругательств выясняется, что даже лёжа я не могу стабилизировать положение чёртова бревна. Да, инерция у него явно чудовищная, (По моим

скромным прикидкам на основе закона Архимеда – не менее пятнадцати тонн, которые как раз и «вытесняет» утопленной частью!) но присутствие сверху моего тощего тела неотвратимо нарушает хрупкое равновесие, поддерживающее этот чёртов цилиндр в одной позиции. И никаких шансов найти, нащупать то положение моего лежащего тела на этом коварном предмете, которое не заставит его вертеться – нету!

И поскольку я лъщу себя скромной надеждой, что не совсем всё-таки дурак, вычисляю я как дважды два, что Мир этот – абсолютно искусственный. (Ну, во всяком случае, в том моменте, который касается чёртовых стволов-цилиндров.) И создан он таким для того, чтоб тот, кто сюда попадёт – не знал ни секунды отдыха, или передвигаясь, в поисках равновесия, по одному бревну... Или прыгая, как кенгуру, с одного на другое!

Но чем это грозит мне? Что же там за жидкость, контакта с которой я пока чисто инстинктивно пытаюсь избежать? Ведь рано или поздно я устану, или захочу спать. А спать тут... Блинн. Что будет со мной, с моим телом, если «контакт» всё же состоится?

Осторожно пытаюсь дотронуться до того места на бревне сбоку, которое намокло в момент попытки первого поворота...

Проклятье!!! О-о-о!!! Твою ж мать! ...! Можно было сразу догадаться, и ничего не пробуя!!! А-а-а!!! Жжётся как!.. Как... Ну да – как кислота. А уж как горит и болит чёртов

кончик мизинца левой руки, которым я как мог аккуратно дотронулся до влажной кромки! Словно побывал бедолага в адском пламени! (Бедные грешники!)

Не придумываю ничего лучше, как плюнуть на поверхность цилиндра прямо подо мной, и помочить кончик мизинца там. Ого! Слюна начинает шипеть...

А ничего. Плюю ещё раз – рядом. Макаю палец теперь туда. «Полощу». Ф-фу-у-у... Легче. Гораздо легче. Значит – и третий плевок... Ну вот. Вроде, дымить перестало, и уже почти не жжёт, словно приложился об утюг какой...

Хорошо, что пока есть «запасы» слюны – сую кончик в четвёртый плевок, а затем и отираю о сухое место на поверхности, которая снова начинает вращаться – но я уже научился ловить эти моменты, и чуть смещаюсь, чтоб застопорить вращение.

Ладно, ситуация в целом понятна. Попробуем «оценить». Трезво.

Океан состоит из кислоты. Концентрированной и чертовски вонючей. То ли серной, то ли соляной, то ли азотной – в моём случае это не играет принципиальной роли. А роль играет то, что чёртовы цилиндры явно сделаны с таким расчётом, чтоб никто не смог на них усидеть, или даже улежать. Не говоря уж – о устоять. А поскольку ни пить, ни есть мне на цилиндрах ничего найти явно не удастся, нужно срочно решить, куда мне отправиться, перескакивая с «бревна» на «бревно», словно я лесосплавщик какой древний. Или пло-

товщик. Ну, или акробат.

Осталось, вот именно, только определить – куда бежать.

Потому что никакой «суши», или хотя бы видимого возвышения над поверхностью, я нигде при самом первом осмотре не заметил! Попробовать ещё раз?

Пробую. Даже подпрыгиваю – насколько могу высоко.

Но снова – ничего!

Значит, придётся двигаться просто наугад. В инстинктивно выбранном направлении. А чтоб его было легче придерживаться, двину-ка я – спиной к солнцу! То есть, если принять, что я в средних широтах, и сейчас примерно полдень, (Именно так и было в Мире пустыни!) на север! Вон как удачно получается: солнце светит прямо в спину, и моя тень, маячащая у меня под ногами, не позволит ошибиться в направлении при перепрыгиваниях! А когда солнце опустится пониже к горизонту, введу поправочку: чтоб тень была чуть справа.

Вот и принимаюсь за нелёгкое поначалу дело: перепрыгнуть на подходяще лежащий «ствол», успеть пройти по нему, пока он не начал проворачиваться, перепрыгнуть на соседний, ведущий в нужном мне направлении, затем и на следующий. Пройти и по нему... Стараюсь только на двигаться слишком уж быстро: чтоб не устать, и не выдохнуться подольше.

Втянулся я довольно быстро: примерно через полчаса уже точно знал, в каком темпе нужно идти и прыгать, чтоб и не

слишком уставать и не потеть (Потеря жидкости!), и не оказаться сброшенным коварными цилиндрами в кислоту. Поверхность у «стволов» действительно вполне шершавая. И поскольку подошвы ступней у меня почти не потеют, осту-питься или поскользнуться мне, вроде, не грозит. Разве что совсем обессилю. Или чего зевну. Хотя чётко осознаваемая перспективка грохнутья в океан с о...ительно жгучей кис-лотой не больно-то стимулирует. Расслабляться и зевать.

Поэтому периодически, как начинаю чувствовать, что на-чинаю отвлекаться, или просто за...бался, поглядываю на свой подпорченный пальчик. Взбадривает на ура!

Думать над ситуацией мне происходящее уже на автома-те движение не мешает. Хотя путного ничего придумать не могу: выбора нет, и идти куда-то вперёд так и так надо. От-чаяться и грохнутья в кислоту можно и совсем уж обесси-лев... суток через трое.

На очередном бревне умудряюсь подпрыгнуть повыше – с разбега. Ого!

А ведь и правда – там, впереди, что-то есть!!!

Правда, пока представляющееся всего лишь неровной чёрной полосой с неопределёнными очертаниями, но – уж точно не ширь и гладь моря! Однако «поспешать со всех ног» не тороплюсь: мало ли! Да и уставать раньше времени ни к чему. Может, там придётся сражаться за каждую пядь земли с теми, кто, как и я, пытается просто выжить!

Через часа два аккуратного перепрыгивания-хождения

подбираюсь я примерно на километр к возжелённой цели.

Да, это – берег. Потому что возвышается над общей поверхностью на несколько метров. И выглядит, словно самый банальный пляж с дюнами. То есть – вижу я песочек (Фиолетовый, разумеется!), что-то вроде пологих дюн, и... Больше ничего.

Никаких следов присутствия каких-либо не то, что разумных, а и вообще – существ, не имеется. Как не имеется ни малейших признаков растительности. Даже самых заваливающих кустиков, или там, травки. Не говоря уж о деревьях.

Да и ладно. Мне бы только добраться до места, устойчивого под ногами. И не обжигающего! А то ловлю себя на том, что хожу как заправский моряк – враскорячку, и ругаюсь уже вслух, самыми непотребными словами... Жуткое падение нравов. Хорошо хоть, никто не слышит.

Поскольку останавливаться смысла не вижу, а на пляже ничего подозрительного или угрожающего моей жизни не имеется (Тьфу-тьфу!), продолжаю движение, всё же рискуя иногда оглядываться и по сторонам.

И хорошо! Поскольку боковым зрением засекаю странное как бы... Шевеление-движение! И кое-что мне там, в этом шевелящемся в океане месте, не нравится. В частности, что примерно в сотне метров от меня, справа, стволы-цилиндры будто бы приходят в движение. Словно кто-то не то подталкивает, не то – раздвигает, не то – чуть приподнимает их над поверхностью океана.

А поскольку я плохо представляю себе существо, способное жить в кислоте, да ещё и могущее «приподнимать» «брёвнышки» весом в пятнадцать тонн, закусываю губы. И со всей возможной прытью кидаюсь к вожделённому берегу! Вот уж не было печали!

Параллельным курсом, явно целясь в то место на пляже, к которому стремлюсь, начинает быстро продвигаться уже явственно заметный бугор! Возникающий, когда какая-то немаленькая монстра своей спиной задевает за «брёвна», проплывая под ними!!!

Срочно беру левее, а затем – и ещё левее. Потому что чёртов бугор приближается к берегу гораздо быстрее меня! Но не кидаться же обратно в открытый океан! Там меня наверняка легко поймают, раз уж дал себя – не то увидеть, не то – учуять! Или, что более вероятно, выдал своё движение шевелением чёртовых стволов...

Из последних сил наддаю, буквально проносясь над цилиндрами, и успеваю-таки выскочить на песок пляжа до того, как меня перехватывает странное существо. На месте не остаюсь, а сразу чешу что есть мочи вверх по склону ближайшей дюны! Песок так и летит фонтанами из-под ног! Останавливаюсь, только взбежав на гребень.

Вот теперь начинаю чувствовать жгучую боль в обеих ступнях: а всё правильно: песок-то у кромки пляжа наверняка мокрый от всё той же кислоты! Хорошо, что не задерживался... Плюю на ладонь сталактитовую слюну, растираю

её по правой ступне. Вроде, полегче. Особенно полегчало, когда вытер остатки жидкости о песок гребня. Пока пытался набрать слюны для второй ступни, невольно замер. Поскольку о...уел: тварюга нарисовалась наконец над поверхностью океана и пляжа!

Нет, я, конечно, следил за тем, что там, в воде, творится, но теперь хаотично-возмущённые качания и подпрыгивания стволов-цилиндров прекратилось, и часть их прямо напротив меня оказалась просто раздвинута в стороны и отброшена! Легко, словно это сухие стебельки тростника! (Собственно, они такими казались ещё и из-за невольного сравнения с масштабом того существа, что возникло на пляже...)

Однако как не был я испуган увиденным, левую ступню «обработать» не забыл: понимал потому что. Что если мне и удастся спастись от чудовища, выбирающегося сейчас всем туловищем на песок, то помочь мне в этом могут только всё те же любимые ноги! А стереть их до колен о пропитанный кислотой песок – крайне нежелательно. Моё счастье, что тут, наверху, он хоть и фиолетовый, но сухой, и не щиплет ступни...

Монстра между тем вылезла из воды вся.

Ну, что могу сказать...

Если внять доводам психов, до сих пор верящих и ищущих Лохнесское чудовище, именно так оно и выглядит. Длинная шея, увенчанная обтекаемой головой со здоровенной пастью и злобными бусинками-глазами. Словно лосня-

щеся веретенообразное чёрное тело с четырьмя плоскими лапами. Похожими на тюлени. И – всё. Плезиозавр, словом.

Больше монстра ничем особым воображение не поражает. Нет, вру! Поражает.

Размерами!

Потому что в длину от кончика хвоста до двух дырок-ноздрей на кончике морды в ней – шагов сорок. Или пятьдесят. В моём случае особой разницы нет, поскольку сожрать меня, если я ей позволю добраться до себя, любимого, она своей акулообразной метровой пастью сможет запросто!

Поэтому быстро оглядываю ещё раз то пространство, что мельком увидел, забравшись на гребень, и в котором мне предстоит искать спасенье. Нет, всё увидел правильно: за моей спиной что-то вроде атолла. Вижу я вполне характерное кольцо суши, и, соответственно двух его дуг, простирающихся направо и налево от меня, а затем и соединяющихся там, вдали. И прикидываю, что кольцо это нескольких километров в диаметре. Вижу и лагуну – огромное озеро внутри, опоясываемое примерно километровой толщины кольцом суши, из не то – песка, не то – почвы. Плевать. Главное – суша здесь есть! Твёрдая. И пусть на ней и ничего не растёт, зато я по крайней мере смогу здесь спать и жить, не боясь макнуться в кислоту! Надеюсь.

Монстра на пляже между тем времени не теряет, и начинает молча карабкаться по склону – наверх, ко мне. Глаза-

ми при этом всё равно смотрит вполне выразительно: так смотрит голодный кот на сметану. Правда, движется она с помощью своих гигантских лап куда медленней, чем плыла: уйти можно, если что, буквально пешком. Радует и другой момент: на крутом участке дюны начинает эта штука постепенно, а затем и быстрее, сползать обратно к кромке воды. Ага, стало быть – слишком тяжела! И песок, когда сухой – сыпучий! А вот меня, пока чесал из последних сил туда, к вождельённой безопасности, эта песчаная поверхность выдерживала свободно!

Вот теперь, видя, что её потуги и старания заканчиваются ничем, и желанная добыча ускользнула, монстра сердитесь. Открывает чудовищную пасть, и ревёт прямо в меня! А громкий у неё голос. И по тембру напоминает буйвола. В брачный период.

Хотя я здесь (Ну, точнее – в мире пустыни!) слыхивал кое-кого и погромче!

Но чтоб не возбуждать ненужные страсти, и не провоцировать монстру на новые поползновения по склону дюны, спешу скрыться из её глаз, спустившись по противоположному её склону. И вот меня уже не видно. Однако монстра определённо умнее динозавров: это у тех – с глаз долой – из сердца вон! А эта ещё пару раз разочарованно взрывает! Понимает, стало быть, что сбежал обед...

Двигаюсь напрямик через новые, куда более высокие, дюны прямо к центральному озеру. Или лагуне. Мне нужно в

первую очередь выяснить, можно ли тамошнюю воду пить. Иначе я тут просто умру от жажды: последняя слюна кончилась, когда смазал пятки... И пусть я контролирую свои движения и мысли, сам-то прекрасно осознаю, что под таким жарким солнцем и кожа моя ожогами покроется, и организм за пару суток иссохнет и откажется функционировать.

Тьфу ты – что за хрень. «Функционировать»! Да просто – умру я! Стал я, даже про себя, выражаться, словно натуральный бюрократ.

Наследственность, что ли? В папочку.

Но вот и лагуна. И её пляж. Песок, конечно, тоже влажный у кромки воды.

Опускаюсь на корточки, и засовываю мизинец уже правой руки во влажное пятно. Вроде, не жжёт. А если вынуть, и рассмотреть?

Даже самое придирчивое рассматривание не выявляет ущерба пальцу. Пробую понюхать, а затем и облизать его.

Порядок! Вода, конечно, солоноватая, но, главное – не кислота! Вода!

Уже уверенней подхожу к её урезу. Пробую ещё раз пальцем – уже саму воду. Нормально. Опускаюсь на колени, и начинаю пить из сложенных горстью ладоней. Пью понемногу – маленькими глотками. С перерывами. Чтоб не дать глупому организму сразу нахлебаться так, чтоб живот раздулся, как у бегемота, и потом ног нельзя было таскать... (Хотя ему очень хочется как раз этого – лечь на спину, и ковырять в

носу, давая отдых уставшим ногам...) По сторонам оглядываться не забываю.

Нет, всё тихо здесь, среди застывших, и стоящих так, похоже, веками, песчаных дюн. Аж подозрительно. Ну вот не бывает в этих Мирах, чтоб вот прямо всё было в порядке!

Иначе какой смысл нам их давать – мы ничему не научились бы! А так – разнообразие! Приключения, битвы. И «приспособляемость»!

Преодолевая слабость и наплевав на призывы тела дать ему отдых, решаю вначале всё же обойти кольцо суши: мало ли! Вдруг я лягу отдыхать, а затем и усну, а тут кто-то коварный и вылезет из какой-нибудь щели, или даже из-под песка – как давешняя «черепашка», и «уделает» меня! А я и знать не буду.

Чтоб точно определить место, откуда начал обход, решаю поднапрячься. Ладонями сгребаю песок в невысокую и небольшую кучу-курганчик. Делаю его не слишком большим, но всё же – заметным. Только чтоб тихий тёплый ветерок не сдул его за пару-тройку часов с этого места, как он делает с моими следами, постепенно выравнивая их вровень с остальной поверхностью. Чешу репу.

И делаю кучу всё-таки – побольше...

Обход своих новых «владений» начинаю по часовой стрелке.

Ну, что могу сказать.

Песок, песок, и песок. И лежит он везде. И дюнами, и «равнинами».

Однако когда по моим прикидкам обошёл я не меньше половины периметра круга-кольца, нашёл и кое-что интересное. Вот уж не ждал! Или – ждал?..

Развалины.

В одной из небольших ложбинок между дюнами обнаружил что-то вроде фундаментов. Сделанных, правда, из чего-то очень похожего на камни. Самые обычные камни. Похожу, с подозрением оглядываюсь. Нет, всё тихо. Вроде.

Оглядываю ещё раз остатки того, что раньше явно было строениями. Идут они как бы... В ряд. То есть вот здесь, посередине, явно проходила их центральная улица... А вот там – имелась ещё и другая, пересекающая центральную под прямым углом. И всего таких остатков от фундаментов вижу не менее двадцати. Интересно.

Что же погубило всех этих живших здесь... э-э... существ?!

А узнаю я это тут же, не сходя с места!

Потому что краем глаза замечаю движение, и едва успеваю начать поворачиваться, как сверху на меня падает что-то вроде толстой трубы!

Втаптывает меня это дело в песок, круша и ломая кости, и понимаю я, что никакая это не труба. А огромная змеюка, прихлопнувшая меня своим метровым в диаметре туловищем, поскольку ядовитых зубов у неё нет. Но понимаю я

это уже воя от дикой боли, и чувствуя, что переломаны кости – что рук, что ног, что рёбра... И убежать никакой возможности нет! Как и сражаться...

Поэтому остаётся только ждать, ощущая, как мутится сознание, когда чёртова морда начинает заглатывать меня в свою ненасытную и влажную утробу, внутри которой что-то довольно урчит в предвкушении сытного обеда...

Заглатывать она меня начинает с головы. И когда странство глотки вокруг меня хлюпает, чавкает и смачивает моё «обездвиженное» слизеподобной слюной, и наступают полная темнота, чёртово сознание наконец соизволяет отключиться...

И понимаю я, что лежу я на своей кровати! ДОМА!!!

Нет, не лежу: я на ней извиваюсь и бьюсь, вероятно, ещё и стена и рыча!..

Долго не могу успокоиться, лежу, дышу, поглядывая на ночник, и закусывая губы зубами, чтоб уж не вопить от страха и боли.

Что же это за хрень такая получается?!

Я же – у себя, в своей комнате, и даже чёртов будильник показывает ноль ноль пятьдесят три. Это значит – что спал я не дольше часа! А субъективно там, в фиолетовом Мире, прошло не менее пяти-шести часов! Кстати: смотрю на «повреждённый» мизинец левой руки: на нём офигенный ожог! Чёрт его задери...

Придётся сходить к холодильнику и смазать оксолиновой мазью. Ну, или что мне там дали под этим названием. Плевать, что это: главное – помогает!..

На кухне тепло. Заодно пью воды, отлив себе из чайника с кипятком в кружку. Затем иду и в туалет – нет, уж явно не от того, что скопилось много мочи, меня мучают кошмары...

Но – отчего тогда?!

Что со мной случилось?! Почему мой сон – абсолютно столь же красочен и подробен, как те, что показывает Машина?! И достоверен – ну буквально до дрожи?!

Может, она, наша Машина, достаёт меня теперь уже и дома?! Может, чёртовы инопланетяне успели «внедрить» в меня какой-нибудь чип? Имплант?!

Но почему тогда я этого не помню?! И его никак не чую?..

Пробую ощупать всё тело, начиная с головы.

Некстати входит мать.

– Ты что делаешь?

Не долго думаю, что бы такого соврать правдоподобного:

– Комар укусил. А я сдуру расчесал. Ну а потом встал, чтоб сходить в туалет. И попить.

– Ага, понятно. – но по настороженным глазам вижу, что не поверила ни на секунду, – Ну ладно. Я тогда тоже попью, и – спать. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи. – ухожу снова к себе, уверенный, что если где во мне и есть «свежая дырка» от введения мне импланта, чёрта с два я её найду!

13. Провокация

Дырку, понятное дело, не нашёл.

Потому что уже потом, лёжа в постели, и пялясь в потолок, сообразил: запросто могли мне имплант вставить, когда только-только пришёл в Братство. Я, как и большинство наших тогда, ходил довольно долго в синяках, «дырках», и царапинах – пока не освоил нормально все эти снаряды, оружие, и упражнения... Вот поэтому мог и не заметить, как внедрили чего мне в череп, или ещё куда, пока был «без сознания», проходя очередную «миссию». Оно давно и благополучно десять раз зажило...

Но что же мне теперь делать?

И нужно ли... Делать?!

Допустим, схожу я к терапевту, пусть даже частному, пожалуюсь на частые и регулярные головные боли, и он направит меня на МРТ. И на КТ. И меня «просветят».

Каковы шансы, что вражеский имплант обнаружат, даже если он где-то там, в моей башке, или теле, и имеется?

Скорее всего – близкие к нулю. Потому что сделать его из соответствующих материалов чёртовым зелёным человечкам никто не мешает. Собственно, никто этого не мешает сделать и нашим, весьма сейчас «продвинутым», спецслужбам.

Но предположим самое оптимистичное: имплант найдут.

И что мне с ним делать?

Попросить извлечь?

Но тогда он попадёт в чужие, и явно не имеющие «секретного» допуска высшего уровня, постороннего, руки! И наши секреты, и безопасность Клуба будут под угрозой.

А самое главное – я перестану принимать «Миры», передаваемые мне в сознание.

А я этого не хочу.

Потому что эти Миры – единственное, что отвлекает, отделяет меня от «серых будней повседневности». Делает реально – «особым». Выделяя из типовой массы «пользователей» компов и планшетников. Позволяя, пусть и иллюзорно, наслаждаться *такими* приключениями и впечатлениями, каких не имеют даже посетители самых навороченных парков аттракционов, или зрители новейших фильмов в «тридцать три – Д», пусть они и заплатили за это дело чудовищные деньги. И даже вставили морды в очки, похожие отдалённо на наш визуализатор. Не могут их дороженные «прибамбасы» дать того неповторимого и уникального... Ощущения *абсолютного* присутствия!

С другой стороны, я сейчас прекрасно осознаю, что могу стать просто марионеткой. Которой легко управлять, даже дистанционно. Ну, или наказать. Особенно, если послушаюсь каких-то команд или указаний тренера. Потому что уж о том, что мой имплант имеет возможность доставить мне сколько угодно боли, я догадался...

Чёрт возьми.

Получается, что я – тот самый «идеальный солдат»?! Этакый биоробот? Которого столь долго пытались создать в армии США, с помощью проектов типа «МК-ультра», «Сайфер», и массы других сверхсекретных детищ Пентагона?

Хм-м... Выходит, так.

Радуется только одно. Я – солдат нашей, Российской, армии. (Надеюсь!!!)

Впрочем, чего это я взялся? Кто мне сказал, что в черепушке моей, или в заднице, или ещё где, имеется этот самый имплант?! Никто.

А то, что я «вычислил», может оказаться всего лишь простым совпадением!

Мало ли каких «остаточных» или «побочных» эффектов не может дать долгое и частое использование Машины! Вот и мой сегодняшний сон... Может, просто сон?

И не нужно искать сложных объяснений там, где возможны более простые?

С этой самоуспокаивающей мыслью я наконец засыпаю...

Проснулся по будильнику.

Перепугаться не успел: потому что всё как обычно – смутные обрывки и кусочки сновидений, ускользающих из памяти, едва спустил ступни на коврик...

Значит, дали мне выспаться...

Или это я себя сам вчера с перепугу накрутил! И никто

мне и не мешал! Высыпаться. Поскольку это моё собственное под-, или сознание подбросило мне этот... Хм-м...

Ладно, со вздохом встаю, и иду в туалет, а затем и умыться, и завтракать.

В школе сегодня всего три урока, а затем – практика. Это когда мы целых полчаса (!) смотрим на том же мониторе, как бородатые, а иногда бритые дяди с серьёзным видом смешивают из прозрачных пробирок, или колб разные реагенты. И те то краснеют, то зеленеют, то выпадают в осадок. Мне эти «доп. занятия по химии», если честно, до лампочки. Мне больше нравится такая «практика», какая была в прошлый раз: когда здоровенный, пусть плохо выбритый, зато явно всей душой радеющий за своё дело, качок-трудовик учил, как правильно браться за рубанок, как пилить доски, и как работать шуруповёртом. Изготавливая пусть и скворечник (По всей столице скворца сейчас не сыщешь даже за бесмертие души!), зато с явным кайфом.

Видно было, что мужик и умеет, и любит свою работу. И руки у него – *тем* концом вставлены!

Одно плохо: что нам никто и никогда не даёт и самим попробовать и правда – что-нибудь построгать, попилить, и сколотить. (Впрочем, как и смешать, и высадить в осадок...) Потому что теория – это одно. А практика – совсем другое. И я это понимаю, как мало кто. Потому что – одно дело, когда тренер рассказывает, как справляться с таким и таким приёмами, и совершенно другой коленкор – когда начинаешь,

вначале медленно, а затем всё быстрее – отрабатывать эти контрприёмы. На друг друге и на тренере.

До автоматизма.

Это «знание» и умение – из тех, что должны сидеть в подкорке, впечатанные, вмурованные там – навечно. Потому что когда и правда – столкнёшься – будет не до «теоретических воспоминаний». Куда какой блок подставить, и как от подсечки уйти... А дело будет идти о жизни!

Так что я – за *реальную* практику.

И стальные мышцы.

Мытьё посуды сегодня проходит вполне буднично.

Никаких, как говорится, эксцессов и неожиданностей. Правда, стараюсь всё отмывать действительно – на совесть, и даже крохотных пятнышек из-под всяких сложных соусов и яичных желтков не оставлять. Заодно думаю, предвкушая, как бы мне потехничней докопаться до моего сменщика-китаёзы. Да ещё так, чтоб моя бортовая камера однозначно записала, что это *он* первым начал.

Мне повезло.

Китаёза сам дал мне отличный повод при...баться: опоздал на три минуты.

Говорю:

– Ты опоздал.

Он отвечает:

– Да. Извини.

Я говорю:

– Убедительная просьба: чтоб этого больше не повторялось.

Он думает целых пять секунд. Пытается уразуметь, что это: скрытая угроза, или наглая провокация. Ущемляющая его «права». Осматривает меня придирчивым взглядом с головы до ног. Очевидно, осмотр вполне убеждает его в том, что низкорослый и худощавый шкет лет тринадцати, явно немного переросший свою ставшую маловатой рубашу, и на ногах которого тряпочками болтаются заношенные треники, ему не угроза. (О-о! Сколько вас, наивных балбесов, на этот мой сознательно поддерживаемый имидж купилось!..) Вероятно, именно поэтому азиат решается на «достойный» ответ. А ещё наверняка уповаает на то, что их диаспора здесь достаточно велика, и в обиду его, если даже у меня, «наглого аборигена», есть «дружки», не даст:

– А то – что?

– А то мне придётся тебя немного поучить. Чтоб приучить к дисциплине. И уважению к другим людям. И их рабочему времени.

Тут уж он не выдерживает: смеётся прямо мне в лицо:

– Да пошёл ты на ...! Придурок сопливый.

Чувствую, как в груди у меня нарастает такое светлое, всепоглощающее чувство: счастье!!! Вот оно: откровенное хамство! И всё – записано! Вытираю нос, где действительно что-то хлопает: похоже, началась-таки у меня аллергия на мою-

щие:

– Так – что? Может, тогда выйдем?

– Пошли! – вижу, как его узкие и без того глазёнки сужаются в хитром прищуре ещё сильнее, и на губах играет снисходительная ухмылка: балбес, похоже, и правда верит, что легко меня, «избалованного» и самоуверенного москвича, уделает!

«Выйти» у нас можно только в одно место: узкий и заставленный мусорными баками проход за рестораном, где едва проезжает каждое утро мусоровоз, опустошающий эти самые баки. Вот туда и направляемся, причём я – даже не сняв передник-фартук.

Снимаю его уже там, после того, как несчастный китаёза, развернувшись ко мне лицом, становится в типовую для кунг-фу стойку, и раскорячивает пальцы, словно собирается вырвать моё сердце. Вот тогда и срываю фартук, бросив ему в лицо, стоит только ему метнуться вперёд!

От тряпки, летящей в морду, он уворачивается легко. Делаю вид, что страшно напуган, начинаю отступать. Он начинает бешено молотить уже сложенными в кистевые хваты ладонями, целясь мне в лицо и печень. Отбиваюсь легко, но старательно делаю вид, что сильно устал от мытья посуды, двигаюсь медленно, словно на последнем издыхании, а рукам, ставящим блоки – больно. Китаёза наддаёт: похоже, решил меня взять на испуг: корчит рожи, и визжит «Ий-я!», «У-ха!», «Х-х!». Отбиваю в очередной раз его бешенный на-

тиск, умудряюсь поменяться с ним местами – а то отступать в нашем тупичке больше некуда. А теперь – есть куда. Туда, откуда он меня «гнал».

Позволяю ему загнать меня почти в противоположный торец переулка. Сам пока так и не нанёс ни одного удара. Китаёза на секунду останавливается. Смотрит на меня с подозрением. Шипит:

– А-а, хитрый, да? Все вы, идиоты белокожие, так про себя и думаете! Рассчитываешь, сейчас изучишь меня, измотаешь, и легко прикончишь? Ну так погоди ж ты!..

После этого подозрительно длинного «спитча» стиль его, до этого больше показушной и малоэффективной, работы, резко меняется.

Теперь удары стали куда хлётче, резче, сильнее. И он целится явно набитыми костяшками кулаков в локти, бёдра, колени, шею. В суставы, словом. Ага – вот он и вытащил на поверхность то, чем на самом деле силён. Я в курсе. Стиль называется хапкидо – запрещённый, кстати не только в России, но и во всём мире. Что не мешает ему быть чрезвычайно эффективным средством нанесения противнику таких травм, после которых реальное сопротивление невозможно. А куда более возможна просто смерть. От добивания беззащитного уже лоха – врагом.

Наш тренер вслух этот стиль никак не называл. Вероятно, чтоб мы и не подозревали, что учимся чему-то запрещённому. (Но интернет позволяет легко вычислить, чем занимаем-

ся, даже без названия...) Так что уж поверьте – владеем мы все.

А ещё владеем бокатором. Это вообще забытое сейчас почти везде искусство. (Тоже, конечно, запрещённое. Но куда более эффективное, чем хапкидо.) Однако нашим, как я понял из туманных намёков и слухов, удалось-таки заполучить для работы с бойцами спецподразделений двоих из оставшихся в живых специалистов из далёкой Камбоджи.

Мне применять хапкидо не с руки – а то этот дебил работать не сможет. Нет, тут нужно что-то не столь радикальное, но эффективно выводящее из строя на час-другой. Вот и бью моего разъярённого не на шутку красавчика распрямлёнными пальцами в нервный центр возле солнечного сплетения. И тут же добавляю большим пальцем правой ногой пах. Зацените, какой я добрый: ударил бы пяткой – всё! Мemento мори!..

Жду, стоя прямо над ним.

Через пару минут хрипы из перекошенного гримасой боли рта становятся тише, морда из синей становится просто белой, и он уже может дышать более-менее нормально. И достаёт, едва не роняя, и даже не делая попыток подняться на ноги, планшетник. Маленький, непродвинутый. Почти – телефон. Тюкает. Что-то туда на своём, китайском, говорит, злобно на меня поглядывая. Прекрасно понимаю, чего задумал.

Подмогу зовёт.

Да и ... с тобой, глупый узкоглазый! Прибегайте хоть всей диаспорой! Меня вы не то, что не запугаете своим числом, но и не побьёте! Разве что – из пушки какой уложите. Или уж – электрошокером. Но не такой я дурак, чтоб позволить вам это! Увижу!

Ждать приходится не больше трёх минут. Я всё это время так и стою над валяющимся на асфальте типом, который до сих пор не может подняться на ноги. А не больно-то поднимешься на них, если отключен двигательный нерв возле предстательной железы. Вот ему и остаётся только пялиться на меня ненавидящим взором, и дышать. А я стою себе вполне спокойно, и даже не делаю попыток что-то сказать. Уж настолько я по китайскому разумею, чтоб понять слова «белый», «молодой», «опасный», «побил».

Но вот наконец и «подмога». В одном конце тупика появляются трое с бейсбольными битами, в другом – двое с кастетами и велосипедными (Или мотоциклетными!) цепями. Мой типчик на асфальте мстительно скалится. Но помалкивает. Ждёт. Когда меня ухайдакают до полубесчувственного. Вот тогда он мне и выскажет! Или уж поглумится, попинав... Ха-ха.

Решаю, что мне, как стороне, явно оказавшейся в меньшинстве, да ещё и с голыми руками, можно и нужно начать первым. Ну, бокатор, так бокатор!

Наконец-то! Можно не сдерживаться! Выпустить на волю того гада, которого, если уж совсем честно, я и сам побаива-

уюсь... Потому что отлично понимаю, что он и тварь, и извращенец, и просто – убудок. Злобный, мстительный и коварный. Никакими «рамками» не сдерживаемый, и совершенно ни о чём не беспокоящийся. Ну, кроме того, чтоб нанести всем как можно больший ущерб! Вот, это *его* мысли: «О-о! Какое наслаждение! Пипец вам всем, твари!»

Нет, я сам – в-смысле, настоящий «Я» – не изверг какой, но бить этих придурков мне всё-таки тоже нравится куда больше, чем учить уму-разуму толстопузых самоуглублённых дебилов-геймеров. Может, это потому, что я – патриот?.. Или просто стыдно лупить нетренированных и больше похожих на «печальных рыб-солнце», жиртрестов?

Ну а этих – не стыдно! Они-то, сволочи хитро...опые, думают, что владение всякими там приёмами «сунь-хунь-сый-вынь-сам-пей» делает их непобедимыми! И целятся, не больше не меньше, как на всю нашу территорию – ту, что до Урала. Ну так и получите!

К тому моменту, когда закончил, прошло не больше минуты: не люблю (А вернее – этот тот «я» любит всё – побыстрей. И понадёжней!) затягивать, бью в полной гармонии со своим «суперэго», как положено, и куда надо: сразу – чтоб обездвижить! Правда, до смерти не добиваю – это уже в дело вступаю, анализирую, и выбираю варианты нормальный, всё осознающий и трезво оценивающий, «я».

Все лежат. Тот «я», что буквально поёт от наслаждения, убирается, сделав дело, куда-то назад, в тёмные и влажные

кровоав-бардовые глубины подсознания, ликуя... Впрочем, я и сам вполне доволен. Чувствую всепоглощающую радость. Стыдно, да. Но – не слишком. Они же – живы? Чего ещё надо?! И они начали сами. А вернее – начал всё это тот, кто их вызвал. Но дело ещё не сделано.

Нужно дать шанс и нашим ребятам «порезвиться» на при-волье.

Подхожу к тому, что выглядит постарше и поплотней остальных – его принял за главаря. Говорю спокойно, не глумясь, и не прикалываясь:

– Хотите реванш?

Он кивает, поскольку хоть и пялится на меня словно гремучая змея на кролика, говорить ещё не может: ему досталось в речевой центр.

– Тогда приводите всех, кто у вас есть боеспособный, завтра, в десять утра. Сюда же. Поквитаемся. Сможете?

Он снова молча кивает. Но теперь в его глазах кроме злости и ненависти ещё и... страх! Чует, что я чего-то задумал. И, похоже, сознательно спровоцировал драку, чтоб что-то с их остальными людьми, бойцами и не-бойцами, сделать... Мне, собственно, на его опасения на...рять, лишь бы эти шустрые и коварные ребята не прихватили каких пушек, или ножей-чаков с ядом. Вот ядов я не люблю. Как и разных там перцовых или обездвиживающих аэрозолей. Как и выстрелов из-за угла. Или – в спину. Поэтому добавляю:

– Без оружия. – показываю открытые и пустые ладони.

Гад снова кивает. Но по прищуре в глазах вижу я, что чёрта с два они придут с пустыми руками... Да и отлично! Лишь бы вообще пришли. А не сдрейфили. И своим «тонким намёком», что мы будем без оружия, чтоб проверить только сами боевые навыки, без нанесения смертельных увечий, я как бы исподволь даже провоцирую его прийти не с пустыми руками – чтоб уж «реваншироваться» с гарантией.

Спокойно поворачиваюсь, и покидаю поле боя, даже не оглядываясь. В своих ударах вполне уверен. Подняться в ближайшие пятнадцать минут не сможет никто. Не говоря уж – о прийти в адекватно боевую форму.

Собой не сказать, что горжусь, но вполне доволен. Вот и ребятам на воскресенье развлечение-тренировка, и «гадов» побьём. Бог даст.

Хоть и торопился, но в раздевалке оказался уже один – ребята успели переодеться и приступить. Выхожу в зал, кланяюсь тренеру, традиционно сложив руки лодочками перед грудью:

– Извините за опоздание. На работе задержали.

Тренер у нас не промах. Сразу смотрит в корень ситуации:

– Это ты на работе такой синяк под глазом заработал? Хм.

Ну-ну. – и уже другим тоном, – Хорошо. Разрешаю приступить к тренировке.

Работаю и на тренировке на совесть: мне нужно наработать выносливость. Конечно, быстрота ударов в тонких ко-

нечностях достигается отличная, но без силы, и, вот именно – выносливости, в ней мало толка!

В спарринг-партнёры мне сегодня достаётся Стас.

Он парень и ушлый и коварный – пришёл в клуб раньше меня на три месяца, и можно сказать, поднаторел. (Непонятно только, почему и он и ещё парочка наших «ветеранов» не пробились на четвёртый Уровень раньше меня! Это было бы логичней!) Так что скучать и застаиваться мне не приходится. Бьёмся мы сегодня на чаках, и – в стиле «классического» кунг-фу. Но при таком раскладе масса тела и сила ударов как раз играют роль. Так что к концу часа понасажал мне чёртов Стас и синяков и ссадин.

Утешает только одно: я в долгу не остался. И пару новых приёмов освоили.

На обед сегодня жаркоп. Вкусно, буквально пальчики оближешь. Или это я от усилий и эмоций так проголодался?

14. Псы-рыцари

Ел, словом, так, что, как выразился сидевший рядом Рыжий, «аж слышно, как у тебя за ушами трещит!». Ну и ладно. Я знаю, что Раиса Халиловна любит, когда её еда нам нравится, и мы не скрываем аппетита и удовольствия. Хотя что-то не припомню такого момента, чтоб что-то, сготовленное ею, нам не понравилось (Тьфу-тьфу!)

После обеда тренер даёт нам пару минут посидеть в классе без него. Чтоб переварили еду, что ли? Не знаю. Но успеваю предупредить ребят о воскресенье. О том, как постарался обеспечить «экшеном» наш предстоящий выходной. И честно предостерегаю от шапкозакидательского отношения к завтрашнему «шоу». Китайцы коварны. И это – хорошо! Потому что держит в напряжении, а, значит – и стимулирует. Воображение и азарт.

А поскольку завтра выходной – везде, и в школе, и в клубе, и в дополнительных кружках, у кого они есть, и все свободны, и никто не обременён ни семейными обязанностями, ни занятиями, ни прочей бытовой суетой, (Прекрасно понимаю теперь, что именно с таким расчётом нас сюда, в Братство, и набирали!!!) смогут прийти все. Кроме Михи.

– Ребята, извините. У меня с матерью совсем плохо. – видно, что ему чертовски неловко, но у него реально – ситуация! – Даже тётка приехала с Архангельска: боимся, что в

любой момент... – он не договаривает, но мы все всё и так знаем. Рак поджелудочной у его матери. И вся она сейчас высохла и стала похожа на манекенщицу с анорексией. Потому что была реально – красавицей. В своё время. Поэтому и в Москву попала – замуж удачно вышла за какого-то командировочного...

Влад говорит:

– Всё нормально, Михаил. Мы все понимаем. Никаких претензий. Абсолютно!

– Спасибо, ребята... – видно, как у Миши навернулась слеза, и он даже отворачивается к стенке, чтоб сморгнуть её незаметно, но тут неловкий момент нарушает тренер: входит в дверь с какой-то здоровенной штукой в руках. Замотанной в чехол.

Встаём, замолкаем. Тренер ставит предмет на стол, и говорит:

– Подойдите.

Так и делаем. Тренер снимает с предмета чехол – похоже, просто бывшую простыню, застиранную и поблёкшую. Под ней оказывается странная конструкция, похожая на не то – вигвам, не то – круглую избу: на колёсах, с конусовидной крышкой, и торчащими из отверстий в нижней половине стволами – не иначе, пушки! Всё сделано из досочек, аккуратно так окованных и скреплённых тонюсенькими медными полосочками. И покрыто бесцветным лаком. Похоже, кто-то основательно заморочился, изготавливая этот макет.

Тренер говорит:

– Сегодня мы с вами будем говорить о танках. И средствах борьбы с ними. Старинными и современными. Да, сейчас, конечно, все знают, что из-за самонаводящихся или управляемых дронов с кумулятивными зарядами, прожигающими самое уязвимое место – крышу башни! – жизнь танка в бою в среднем составляет около одиннадцати минут: ровно столько, сколько имеется на борту самонаводящихся ракет для сбивания этих самых дронов. Но во времена Второй Мировой, и последовавшей затем холодной, страшнее этого оружия, этих стальных монстров, были только ядерные бомбы! Которые тогдашним танкам, кстати, почти и не были страшны!

Не буду особо углубляться в пред-историю. Люди прекрасно осознавали ещё с древних времён, что хороший Щит отлично помогает защитить его обладателя от мечей, и даже от стрел и копий. (Именно поэтому древние римляне разработали такие копья, чтоб те надёжно застревали, сгибаясь, в любых щитах, делая их использование противником невозможным!) Хотя сам древнеримский классический щит достаточно громоздок и неудобен при транспортировке. Зато даёт массу возможностей в плане тактики.

Именно эти самые древние римляне впервые применили штатное боевое построение «черепашьей», максимально используя сильные стороны своих отменных щитов. Небольшое подразделение, выстроенное таким образом, что его щи-

ты перекрывали доступ к контингенту со всех сторон, имело возможность и подобраться близко к какому-либо защищённому объекту без потерь, и штурмовать его. Или противостоять наскокам конницы. Или поражать врагов, рассыпавшись ужев традиционный строй: когортой.

Единственное уязвимое место такой черепахи было внизу. Там, где у бойцов были ноги. Пусть и в медных поножах. Однако хитроумные варвары додумались заливать места, по которым к ним могла приблизиться такая бронированная когорта, нефтью. Или выстилать соломой. Которую затем поджигали. Ну вот мы и подобрались почти вплотную к уязвимым местам танков древности. Вот эта странная на вид конструкция, в которой хитроумно как бы соединены два конуса, на самом деле наверняка многим из вас хорошо знакома. Про неё часто делают документальные передачи.

Это – танк, разработанный знаменитым итальянским учёным Леонардо Да Винчи. Если мы снимем верхнюю крышку, – тренер так и делает, отщёлкнув пару защёлок, и обнажая внутреннее устройство, – Увидим колёса, которые с помощью приводных шестерней вращают имеющиеся внутри крепкие ребята, – он показывает рукоятки на шестернях, – И оружие. Из которого стреляют другие ушлые в прицельной стрельбе ребята – канониры. Поскольку артиллерия очень полезна и в психологическом плане.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.